

**БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.
90 ЛЕТ ИЗУЧЕНИЯ.**
**ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИОГРАФИЮ БЕЛОГО
ДВИЖЕНИЯ**

Коллективная монография

*Под ред. доктора исторических наук,
профессора В.Т. Тормозова, доктора исторических наук,
профессора Г.И. Письменского*

Москва 2008

УДК 94(47+57)«1918/1920»

ББК 63.3(2)612

Б 43

Рецензенты:

Уткин А.И., доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН и Международной академии информатизации, профессор кафедры истории ИППК МГУ им. М.В. Ломоносова,

Реснянский С.И., доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, заведующий кафедрой МГУ

Белое движение в гражданской войне. 90 лет изучения. Введение в историографию белого движения: коллективная монография / Под ред. д-ра истор. наук, профессора Тормозова В.Т., д-ра истор. наук, профессора Письменского Г.И. Авторский коллектив: Тормозов В.Т., Письменский Г.И., Письменский А.Г., Сафонова С.В., Иванова Е.Ю., Галузинская Г.П., Беликова Л.П., Крючков С.Б., Сиволап Т.Е., Еремеева О.И., Плотникова О.В. – М.: Изд-во СГУ, 2008. 332 с.

ISBN 978-5-8323-0599-8

В монографии рассматриваются основные тенденции, проблемы, результаты и перспективы исследования истории белого движения отечественными эмигрантскими и зарубежными учеными на протяжении 90 лет – от начала ее осмысления до настоящего времени. Монография адресована историкам, политологам, преподавателям и студентам, аспирантам и докторантам вузов, всем кто интересуется историей Отечества.

Рекомендовано к изданию Ученым советом СГА, протокол №3 от 28.10.08.

УДК 94(47+57)«1918/1920»

ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-8323-0599-8

© Современная гуманитарная академия, 2008

© Издательство СГУ, оформление, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
1. Белое движение в советской и российской историографии	44
1.1. Становление проблематики белого дела в 1920-е годы	44
1.2. Опыт изучения истории белого движения в конце 1920-х – первой половине 80-х гг.	80
1.3. Советские историки об антибольшевизме в 1985–1991 гг.: первые попытки переосмысления	117
1.4. Белое дело в российской исторической литературе после 1991 г.	144
2. Белое движение в зарубежной историографии.....	183
2.1. Литература русского зарубежья: оправдание и осмыс- ление.....	183
2.2. Проблемы истории белого движения в исследованиях западных историков.....	242
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	273
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	288

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Коренная трансформация всей жизни современного российского общества сопровождается возрастанием социальной значимости исторической науки и глубокими качественными изменениями в ее развитии. Она призвана, не только участвовать в духовном возрождении общества, но и обогащать опыт политической практики. Обращение к историческому опыту может содействовать современным политикам лишь при опоре на подлинно научное знание, освобожденное как от старых, так и рождающихся ныне в угоду новой конъюнктуре стереотипов и мифов. Немаловажно оно и для общественного сознания в целом, которое в условиях кризиса часто склонно к крайним суждениям и оценкам, романтизации и идеализации всего, что прежде отвергалось и обличалось.

Особую роль в выполнении указанной задачи должна сыграть историография, обеспечивающая преемственную связь в развитии исторической мысли и определяющая ее перспективы на каждом конкретном направлении. Существенный рост значения историографических исследований продиктован сегодня настоятельной необходимостью осуществить подлинно научный, аргументированный анализ как советской, так и зарубежной литературы, отделить из конъюнктурной ее части непреходящие научные ценности, способствовать прогрессу исторической мысли на расширенной и обновленной документальной основе, с помощью свободного развития различных методологических направлений. Последнее обстоятельство

также актуализирует функции историографии в выявлении и оценке методологической основы конкретно-исторических трудов и совершенствовании методов научных исследований применительно к определенным проблемам.

Современная ситуация в сфере исторического знания характеризуется существенным ростом исследовательского и публицистического интереса ко всему, что касается переломных событий начала XX века в России. Это относится, прежде всего, к комплексу вопросов, связанных с историей российской революции и гражданской войны – тех, что долгие годы оставались по известным ныне обстоятельствам закрытыми для вполне корректного научного изучения.

Пристальное внимание общества к их переосмыслению объясняется необычайной актуальностью для современного внутриполитического и международного развития тех проблем, которые решались в России в начале столетия – глобальная трансформация отечественной государственности и всего миропорядка, острота социально-экономического кризиса и классового противоборства за передел собственности, а также идейных, духовных поисков новой самоидентификации общества.

К ним относятся и такие важные для современности вопросы, как взаимодействие власти и общества, партий и масс, личности и государства, армии и народа, форма государственного устройства и административно-территориальной структуры многонациональной и поликонфессиональной державы, классовая, политическая борьба и гражданское согласие в обществе, и многие другие.

Все они составляли существо острейшего военно-политического противоборства в 1918–1920 гг. и оказали сильнейшее воздействие на последующее развитие России. Многообразие противостоявших друг другу и сотрудничавших в гражданской войне сил предопределило и поливариативность программ, моделей развития, реализованных и невостребо-

ванных альтернатив разрешения общенационального кризиса и трансформации государственности. Эти важные стороны исторического процесса позволяет раскрыть изучение истории белого движения, в настоящее время ставшего предметом интенсивных дискуссий, получающего новое, подчас противоречивое прочтение на расширяющейся источниковой основе.

Всестороннее историографическое изучение истории белого движения, таким образом, приобретает особую актуальность. Оно необходимо для получения объективного и комплексного представления о развитии научных знаний по проблемам истории революции и гражданской войны в России. Это будет способствовать также выполнению общей задачи изменения и уточнения критериев оценки разных историографических явлений, осмыслиния новых и ранее некорректно решенных проблем, переработки концепции развития исторической науки на исходе XX века, что отвечает объективным потребностям общества.

Степень изученности темы показывает, что комплексное специальное ее исследование в полном объеме до сих пор не предпринималось ни отечественными, ни зарубежными учеными.

Движение отечественной научной мысли в исследовании белого движения проходило в соответствии с основными этапами развития исторической науки в нашей стране. Вопросы историографии белого движения затрагивались в общих работах, анализировавших развитие научного знания в процессе изучения истории революции и гражданской войны в России. Первые попытки были предприняты буквально вслед за событиями и представляли собой, как правило, рецензии, отзывы и обзоры литературы, в том числе мемуаров и других изданий, авторами которых являлись чаще всего противники Советской власти, как в самой стране, так и за ее пределами [1]. Именно в 20-е годы XX века было издано значительное число трудов, воспоминаний представителей разных политических

и научных направлений, отражавших известный плюрализм мнений. Это дало возможность для начала историографических исследований. Так, в журнале «Пролетарская революция» в 1921–1929 гг. было опубликовано 28 рецензий на книги русского зарубежья [2].

Подобного рода историографические публикации практиковали и многие другие журналы. Так, в 1922 г. М.Н. Покровский оперативно откликнулся на выход за рубежом 1 тома «Очерков русской смуты» А.И. Деникина. Он утверждал, что само название труда свидетельствует о непонимании автором сути явления – революции и всего связанного с ней, а его содержание дает неоценимые сведения по истории генеральского миросозерцания, политики, военной контрреволюции, которая обозначилась уже сразу после Февраля 1917 г. [3].

Аналогичную направленность имела и рецензия Г. Лелевича на книгу одного из главных идеологов белого движения В.В. Шульгина «1920 год. Очерки» (М., 1922). Он считал необходимой перепечатку белогвардейских произведений в Советской России с целью обнажения перед трудящимися «бессильных, злобствующих, морально прогнивших бывших хозяев», подчеркивая не только историческое, но и политическое и агитационное значение этих работ. Изучение истории гражданской войны, отмечал он, невозможно без штудирования «воспоминаний кающихся белогвардейцев» [4]. Впрочем, судьба мемуаров Шульгина весьма примечательна сама по себе, о чем уже писал современный историк [5].

Возвращаясь к А.И. Деникину, заметим, что масштабный труд лидера белого дела стал одним из наиболее активно анализируемых и в эмигрантской литературе. В частности, С. Мельгунов, внимательно следивший за развитием исследований белого движения, регулярно рецензировал очередные тома издания. Он считал, что Деникин неправомерно взялся за создание исторического труда – ему следовало ограничиться задачей мемуариста. Признавая искренность автора,

справедливость многих его суждений, широкий радиус повествования и яркость описания целого ряда боевых и иных эпизодов, научную ценность приводимых материалов, историограф критиковал его за демагогичность, неверную оценку классового характера Добровольческой армии, роли партии эсеров в контрреволюции, позиции Союза Возрождения России и других политических центров белых [6].

Специально мемуарам А.И. Деникина посвятил свою работу и И.Василевский. Он также резко критически оценил попытку автора дать не мемуары, а историю революции и главным образом армии в этот период. По мнению рецензента, Деникин тем самым «обессилил» книгу, т.к. принял поучительный, наполеоновский (а потому неосновательный) тон, не смог быть беспристрастным. Автор считал, что бывший вождь белого дела не дал полные ответы на вопрос о причинах российского кризиса, усмотрев их только в пагубных действиях революционной демократии, а также на размышления В.В. Шульгина, П.Н. Краснова и других эмигрантских мемуаристов о причинах поражения руководимых им армий. Правильные мысли Деникина и его поздние признания между тем «лишь являются собой несмыываемый позор для всего белого дела и белой мечты», но тем не менее не снимают с него ответственности, что пытается сделать своим трудом генерал, – подчеркивал он [7].

Замечания представителей начального периода историографии белого движения не потеряли своего значения и сегодня, когда российская наука и широкая общественность получили возможность самостоятельно ознакомиться с ценным источником и исследованием истории русской смуты (теперь она, впрочем, интерпретируется и как красная – см. работу В.П. Булдакова «Красная смута», вышедшую в Москве в 1997 г.).

В целом рецензии решали прежде всего политическую, а не научную задачу – в СССР это было идеологическое обес-

печенье Советской власти и политики РКП(б). К тому же знакомство советского читателя с выходившими за пределами страны работами об истории и настоящем его страны было практически невозможно.

Авторы оценивали документальную базу исследований (она, в силу объективных условий, в этот период не могла быть удовлетворительной), их жанровое разнообразие, объективность выводов о характере и содержании внутренней и внешней политики антисоветских сил и пытались наметить некоторые основные направления дальнейшей научной работы.

Например, в 1923 г. в предисловии к книге Я. Слащова «Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний» (М.-Л., б.г.) Дм. Фурманов отметил, что ценность этого издания не только в том, что перешедший на сторону Советской власти бывший вешатель и палач описывает военные эпизоды и приводит фактические данные, а в откровенности, свежести и поучительности изложенного. Он справедливо подметил особенность всякой мемуарной литературы – ее достоинство и одновременно недостаток заключаются в личностном восприятии недавнего прошлого. Вместе с тем рецензент указал на стремление Слащова, не заискивая перед новым режимом, быть самостоятельным и откровенным, и одновременно его недостаточную объективность в оценке П.Н. Врангеля и особенно собственной деятельности.

Фурманов считал, что подобные издания позволяют убедиться: военные лидеры белого дела – политические младенцы и вместе с тем профессионалы в своем деле, так как провели не одну талантливую операцию против Красной Армии, которой противопоставили организованную, стойкую, отважную и решительную силу, прекрасно обеспеченную, в том числе из заморского тыла. Белые армии проявили при этом немало геройства и отваги, – отмечал он.

Ценный аннотированный библиографический указатель литературы по истории Октября и гражданской войны, вы-

шедшей в России и за рубежом, подготовил И.В. Владиславлев [8].

Во второй половине 20-х годов XX века в советской историографии усиливается негативное отношение к трудам представителей противоположного лагеря, все чаще изначально отказывая им в правдивости. Так, в предисловии П.Е. Щеголева к книге В. Оболенского «Крым при Врангеле. Мемуары белогвардейца» (М.-Л., 1927) подчеркивалась необъективность автора, якобы приписывавшего террор как самоцель исключительно большевикам и явно симпатизировавшего Врангелю, и в то же время убедительность сюжетов, касавшихся критики существа программы и практики последнего вождя белых на юге России.

Комментируя издание книги «Белое дело. Летопись белой борьбы», предпринятой в 1926 г. в Берлине тем же Врангелем и другими белоэмигрантами, И. Минц, в соответствии с утверждавшейся точкой зрения о растущем стремлении мировой буржуазии свергнуть Советскую власть по мере ее закономерного укрепления, дал оценку содерявшимся в ней материалам. Он заострил внимание на циничной откровенности сведений о виновности союзников в неудаче белого дела, документальном подтверждении факта инициирования гражданской войны не большевиками, а генералами царской армии задолго до Октября 1917 г., неубедительности рассуждений В.В. Шульгина о спасительной роли идеологии белого дела для России. Аналогичный характер имела рецензия Г. Волкова на опубликованную в Англии статью П.Н. Врангеля и др. [9]. Понятно, что укреплявшаяся обличительная направленность такого рода классово и партийно-ориентированной историографии становилась все менее объективной.

Рецензии, комментарии и обзоры советских авторов 20-х годов, тем не менее, в целом отличались значительной свободой обсуждения поднимавшихся участниками событий и учеными вопросов, достаточно высокой степенью объективнос-

ти и непосредственной связью между советской исторической наукой и ее оппонентами за рубежом, а также полемической заостренностью. Издание хроник важнейших событий гражданской войны позволило в определенной мере систематизировать и уточнить ряд фактов, персонажей и т.д. Они являлись источниками по этому периоду в разных регионах. Во второй половине 20-х гг. стало расширяться привлечение архивных данных в исследования по истории революции и гражданской войны.

Появились первые отклики на труды советских ученых, касавшиеся проблем истории белого движения и в целом противников большевизма. Так, Р. Хабас, оценивая книгу В. Владимировой «Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 году» (М.-Л., 1927), отметил разнообразие и широту ее источников основы и вместе с тем подчеркнул недостаточно полный классовый анализ событий, смешение хронологического, географического и тематического принципов в структуре. Он считал, что монография не является научно-исследовательской работой, являясь лишь хроникой войны в 1918 году [10].

Однако специальных историографических работ по избранной теме в этот период не было. В целом же плодотворная в большинстве своем историографическая практика вскоре стала быстро изживаться, а интерес к истории российской контрреволюции и белого движения с конца 20-х годов резко падает. В условиях формирования культа личности И.В. Сталина, утверждения методологического тоталитаризма стало доминировать упрощенное и во многом искаженное изображение истории гражданской войны и особенно белого движения, резко сузилась источниковая база исследований по этой тематике. Многочисленные материалы по истории антисоветской борьбы, белого движения, да и те, что давали объективное представление об истории Советов и РКП(б) в 1918–1920 гг., их видных, но к тому времени отстраненных и репресси-

рованных деятелей, были заключены в закрытые хранилища, недоступные для исследователей.

Примечательна в связи с этим «Инструкция по составлению хроники Октябрьской революции и гражданской войны», которую в 1928 г. опубликовал Исппарт ЦК ВКП(б). В ней предписывалось сделать основным в составлении хроники выявление руководящей и организующей роли партии в революции и войне. «Деятельность же соглашательских партий и групп, как равно и контрреволюционных правительств и организаций, должна быть освещена в хронике лишь для наиболее полного выявления характера и форм борьбы нашей партии, рабочего класса и крестьянства с контрреволюцией», – говорилось там. Официальные материалы, прессы врагов революции должна была использоваться поэтому «с сугубой осторожностью», а документы из этих источников приводиться «как исключение», строго выверяться по «нашим». Вообще не рекомендовалось излишне заполнять хроники сведениями о контрреволюционных событиях, а в раздел о т.н. мелкобуржуазных партиях включать только документы по дооктябрьскому периоду [11].

В советской историографии тех лет стало превалировать некритическое отношение к состоянию науки, не обновление и обогащение концепции и тематики, а количество выпущенных трудов становилось главным критерием. Схоластическое повторение марксистских догм о классовой борьбе, революции, диктатуре пролетариата свидетельствовало о снижении в целом методологической культуры историков. На многие годы были отвергнуты и преданы забвению исследования, мемуары и периодика русской эмиграции и зарубежья в целом. Хотя некоторое время продолжалась практика обзоров бело-эмигрантской литературы [12], но она приобрела характер ритуальных разносов, весьма удаленных от серьезного научного осмысления. Эта традиция безжалостной и безоговорочной критики сохранилась вплоть до последних лет.

Между тем в литературе русского зарубежья проходила

самостоятельная дискуссия по поводу размышлений и выводов авторов (в том числе и некоторых советских), писавших о своем опыте и самой судьбе белого дела. Развернулась публикация документов антибольшевистского лагеря и мемуаров его участников. Только в 22 томах «Архива русской революции» было помещено 130 материалов, проливающих свет на самые разные стороны истории белого дела и имеющих важное научное значение [13]. Данное издание выпускалось группой правых кадетов (И.В. Гессен, В.Д. Набоков, А.И. Каминка и др.).

Большую научную ценность этих публикаций подчеркивали уже сами современники. В.А. Мякотин, в частности, сравнивал трактовки А.С. Лукомского и П.Н. Краснова, касавшиеся событий на Юге России в 1918-1919 гг., характеризовал значение других материалов и отмечал, что в них почти нет чего-либо неценного, документы, безусловно, а порой чрезвычайно интересны, как и главная часть «Архива» – мемуары, несмотря на их известную субъективность. Публикаторы, указывал он, соблюдали требование разносторонности в подборе материала: авторы – противники большевизма различаются между собой по социальному положению, политическим взглядам. Это обеспечивает, считал Мякотин, плюрализм мнений для читателя. В то же время он обратил внимание на необходимость исправления очевидных ошибок при редакторской подготовке текстов [14].

В центре внимания находились не только установление достоверности излагаемых в тех или иных работах конкретных исторических фактов, событий и явлений, но и результаты анализа военных и политических аспектов развития белого движения и контрреволюции, проблем межпартийного блокирования в антисоветском лагере, роли отдельных партий и организаций, взаимоотношений и роли его лидеров, места и значения интервенционистского фактора в судьбе белого движения, причин и последствий его поражения.

Так, уже упоминавшийся историк, один из лидеров Трудовой народно-социалистической партии, С.П. Мельгунов оказался, наряду с П.Н. Милюковым, одним из первых в эмиграции, приступившим к изучению истории революций и гражданской войны в России. Он, в частности, негативно оценил известный труд главы партии кадетов «Россия на переломе», усмотрев главную причину неудовлетворительного, по его мнению, осмысления событий 1918–1920 гг. и их значения в примате политики над наукой в позиции автора. Милюков, как показал рецензент (разбору книги он посвятил свои доклады на заседаниях Академического союза в Берлине и Париже в 1929 г.), не только часто неточен в фактах, но и неправомерно мало уделил внимания ряду ключевых событий в истории белого движения (возникновение Уфимской Директории, период правления Колчака и др.).

По мнению Мельгунова, историк к тому же не заметил участия крестьянства и некоторых слоев рабочих в белом движении на отдельных его этапах, дал неточную периодизацию белого движения и приписал ему политический характер только со времени эмиграции, что совершенно неверно. Неполным был у Милюкова и анализ причин поражения белых. Как писал Мельгунов, он не учел фактор окраинного положения последних, что повлияло на психологическую, техническую и материальную стороны дела. Да и население окраин легче поддавалось демагогии большевиков, так как не ощутило в полной мере их ярма, – добавлял рецензент, имея в виду время становления Добровольческой армии. К тому же, писал он, в книге неоправданно затушевывается истинная роль партии народной свободы в корниловском движении и ее прямое участие в утверждении диктаторских, промонархических режимов – Милюков безосновательно стремится доказать, что его партия в белом движении участвовала как оппозиция [15].

Альтернативой кадетскому «Архиву русской революции» послужил многотомник «Белое дело», издаваемый с 1926 г. в

Берлине (П.Н. Врангель, Г.Н. Лейхтенбергский, А.П. Ливен и др.), ориентированный в основном на публикации воспоминаний военных о своей борьбе с большевиками.

Необходимо также отметить и еще ряд изданий того времени аналогичного типа: «Архив гражданской войны» (Берлин, 1923 г., Т. 1, 2), «Донская летопись» (Вена-Белград, 1923–1924 гг., Т. 1-3), «Белый архив» (Париж, 1926–1928 гг., Т. 1–3), «Сибирский архив» (Прага, 1929–1935 гг., Т.1-5).

Эмигрантские авторы справедливо считали, что объективная история революции совершенно невозможна без правдивой истории противобольшевистских движений. Так, в рецензии на книгу В. Даватца «Годы» (Белград, 1926) журнал «Белый Архив», издававшийся в Париже, выделял богатство фактического материала, содержавшегося в ней. Однако, указывалось далее, если можно признать, что автор писал без ненависти к политическим врагам, то в своей интересной книге он не смог отнестись беспристрастно к своим политическим друзьям. Это уменьшало значимость труда официального историографа Врангелевской армии, явно апологетически преподносившего ее главкома [16].

Отмечая богатство изданной вне России литературы по этой теме, особенно по истории белой борьбы на юге страны, М. Иностраницев также критически проанализировал книгу одного из бывших военачальников колчаковской армии генерал-лейтенанта К.В. Сахарова «Белая Сибирь» (Мюнхен, 1923). Он утверждал, что автор самоуверенно и необъективно оценивал деятельность ставки и штаба Сибирской армии, повинных на самом деле в неудачах стратегии и тактики Колчака, к тому же придерживаясь германофильской, японофильской и антисоюзнической тенденции. Более того, приведенные в работе конкретные данные неверны, тогда как точные сведения содержатся в «Стратегическом очерке гражданской войны» советского историка Н.Е. Какурина, вышедшем в Москве в 1926 г. [17].

Иностранцев вместе с тем сделал полезные замечания по поводу самого термина «белое движение». Этот эпитет, ведущий историю со времен англайской революции и Вандеи, связан с идеями и целями полной реставрации старого порядка и столь же полного уничтожения всех результатов революции. На самом же деле ни один из противобольшевистских фронтов, в том числе в Сибири, не преследовал данную цель. Все они стремились разбить большевиков и вернуться к правопорядку, предоставив народу затем избрать форму правления, – полагал историограф. Большевики, утверждал он, навязали своему противнику кличку «белые», чтобы выставить его как контрреволюционера и подорвать тем самым доверие и симпатии масс к нему, что в целом и сумели сделать. В целом же труд Сахарова он оценил отрицательно, как не раскрывающий суть Сибирского движения белых и источники его неудач [18].

В 1934 г. вышла в свет книга профессора, полковника Генштаба А. Зайцова «1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны», которую другой военный историк-эмигрант генерал Н.Н. Головин оценил как первую попытку объективного исследования гражданской войны в сравнении с выходившими до того мемуарами или «историями», изданными большевиками – одни страдали субъективизмом, вторые еще большей односторонностью (впрочем, это не относилось к положительной оценке Зайцовым и Головиным упомянутой работы Какурина). Труд Зайцова в отличие от них представлялся как действительно научный, военно-исторический, главное достоинство которого в мысли о тесной органической связи гражданской войны в России с мировой войной. Именно это, как следовало из книги, подчеркивал рецензент, определило характер действий союзников на территории нашей страны и главные стратегические ошибки белых – национальный эгоизм интервентов и иллюзии белых вождей о возможности продолжать мировую войну вопреки воле русского народа [19].

Сам Н.Н. Головин также написал весьма ценный труд

«Российская контрреволюция в 1917–1918 гг.» Он содержит не только глубокий анализ истоков, эволюции, идейных, психологических и организационных основ контрреволюции и белого движения как ее порождения, но и историографический обзор многих трудов и мемуаров, как представителей белой эмиграции, так и советских ученых. Он, в частности, считал неверными утверждения П.Н. Милюкова и А.И. Деникина о классовом характере Добровольческой Армии, обращая внимание на изменение социального состава русского офицерства к 1917 г. и самой его психологии, на решающую роль вождей в усилении реставраторско-классовой политики этой армии. Вместе с тем автор соглашается с оценками советского военного историка Н.Е. Какурина по поводу состояния фронтов и отдельных операций в ходе гражданской войны, в целом верной большевистской стратегии [20].

Его работа также не осталась без внимания русских историков-эмигрантов. В специальном докладе в Академическом Союзе, затем опубликованном брошюрой, С.П. Мельгунов подверг ее критике за приверженность милюковской схеме гражданской войны, совпадавшей также с мнением советских исследователей, выделявших географические фронты революции и контрреволюции. К тому же Головин, как указывал докладчик, некорректно использовал научно-справочный аппарат других изданий и трудов, что привело к неточностям.

Главные недостатки труда критик видел в неверной оценке социальной природы белого офицерства (по мнению Головина, она изменилась по сравнению с дореволюционным составом армии), затушевывании отрицательных сторон «самостийничества» казачества и преувеличении заслуг атамана Краснова на Дону, нереалистичности предложенных Головиным альтернатив политике Деникина в крестьянском, национальном и других вопросах. Пойди Деникин по пути поддержки крестьянских требований и конфедерации, антибольшевистский лагерь в 1918 г. не имел бы армии, – считал Мельгунов.

Он считал, что книга не может считаться серьезным социологическим исследованием российской контрреволюции [21]. Отметим здесь, что отдельные историки сегодня указанные труды Зайцова и Головина оценивают как первые научные работы, глубоко анализирующие сущность белого движения и всей гражданской войны [22].

В целом в ходе таких обсуждений делалось немало ценных наблюдений о задачах дальнейшего изучения истории белого движения. Делались обзоры документальных публикаций и трудов западных историков, касавшихся указанной проблематики [23]. Эмигрантская литература, таким образом, накопила самостоятельный опыт историографического осмысливания истории белого движения. Но и она нередко страдала тем же недостатком, что и советская, только с противоположными акцентами – авторы часто сосредоточивались не на выявлении истины, а на поиске виноватого в поражении белого дела, в том числе среди «своих», в самооправдании и удовлетворении личных политических амбиций и пристрастий. Специальных историографических работ по истории белого движения не было. К тому же, совместное творческое участие советских и эмигрантских историографов в разработке проблематики истории белого движения было невозможно.

В СССР между тем исследование истории противников большевизма с конца 20-х гг., когда начался новый этап в развитии отечественной исторической науки, находилось под жестким контролем. Решение ЦК ВКП(б) от 30 июля 1931 г. об издании «Истории гражданской войны» сопровождалось определением правил и границ изучения этого важнейшего периода отечественной истории. Весь процесс подготовки труда тщательно контролировался партийными органами и являлся важной составной частью превращения исторической науки в одно из средств идеологического обеспечения и укрепления советского однопартийного режима. Судьба этого издания освещена советскими учеными [24].

История белого движения включалась в предмет исследования лишь постольку, поскольку способствовала доказательству прогрессивности и исторической неизбежности победы большевизма, служила как бы фоном, бесцветным и односторонне представленным. Документальные же материалы антисоветских сил становились все более недоступными, а публикация их проводилась с существенными изъятиями и сопровождалась соответствующими целенаправленными комментариями [25]. В результате собственно историография истории белого движения оказалась вне рамок исследовательского процесса отечественных ученых, освещение самой проблематики и степени ее изученности было фрагментарным, лишь отдельные аспекты темы получали однозначно негативную характеристику.

В определенной мере положение в историографии белого движения стало меняться со второй половины 50-х годов, после XX съезда КПСС. Этот рубеж в отечественной историографии традиционно правомерно выделяется как начало нового периода в развитии советской исторической науки. Именно тогда началось разоблачение культа личности И.В. Сталина, стали возможными попытки демократизации и свободы исследовательской деятельности, но все же она оставалась в основе своей санкционированной сверху в методологии и отборе источников. Тем не менее, в течение 60-х гг. началось освоение некоторых закрытых направлений изучения, использование новых документов и материалов.

В научной литературе стали появляться высказывания о наличии серьезных пробелов в исследовании истории гражданской войны, прежде всего в связи с выходом в свет в 1957 г. три тома «Истории гражданской войны в СССР». Между тем, несмотря на то, что, как подсчитал историограф гражданской войны Д.К. Шелестов, к 1964 г. вышло более 5 тысяч книг, брошюр, статей и документальных публикаций и воспоминаний по периоду 1918–1920 гг. [26], «белые пятна» в освещении все-

го спектра вопросов антисоветской борьбы были по-прежнему самыми многочисленными и широкими.

Политическая ситуация, сложившаяся в стране в условиях «оттепели», позволила ученым сделать некоторые шаги в исправлении этих недостатков. В частности, В.Д. Поликарпов и Г. Голиков обратили внимание на отставание в изучении сил и руководящих центров контрреволюции, необходимость конкретного изучения противника. Поликарпов исследовал процесс развязывания и эскалации гражданской войны в первые три с половиной месяца после Октября 1917 г. И показал роль командования бывшей царской армии в этих событиях, зарождение белого движения в его рядах, ввел в оборот ряд новых документов о начальном этапе войны. Позже в своей следующей монографии «Начальный этап гражданской войны (История изучения)» (М., 1980) он дал характеристику советской и зарубежной литературы об этом этапе, в том числе касающейся эпизодов из истории белого дела [27].

Появились историографические исследования, посвященные истории отдельных антисоветских выступлений и разгрому вооруженных сил белых [28]. Наряду с традиционно негативной оценкой всего, что связано с контрреволюцией и антибольшевизмом, ученые стремились более предметно изучать историю противников Советской власти. В.П. Наумов, например, специально рассмотрел вопросы изучения мятежа чехословацкого корпуса и его значения для расширения масштабов войны и усиления белого движения в летом 1918 г.

В 4 томе «Очерков истории исторической науки в СССР» автор главы об историографии гражданской войны в СССР Н.Ф. Кузьмин одним из первых, анализируя литературу 20-30-х годов XX века, упомянул об эмигрантской литературе белых и их союзников. Он оценил ее, однако, по-прежнему, как ненаучную, сугубо клеветническую и в то же время самообличительную [29].

С конца 50-х и особенно в 60-е годы XX века советские историки сделали немало для обновления подходов к изучению истории гражданской войны в России, освобождения его от фальсификаций, наполнения адекватным исторической действительности конкретным содержанием, пересмотру прежней периодизации и оценки отдельных военных событий, роли ряда советских военачальников и политических деятелей в них, расширению тематики и источниковой основы исследований [30].

Был сделан шаг к признанию важности объективного освещения политики и деятельности противников Советской власти и большевизма, по крайней мере, поначалу в военной сфере. Так, отмечая легковесность характеристик белых генералов в мемуарах М.Д. Бонч-Бруевича, А.И. Тодорский писал, как бы возвращаясь к оценкам Дм. Фурманова: «Не следует наших врагов изображать людьми безвольными, невежественными, глупыми. Если бы они были таковыми, то стоило ли так затягивать борьбу с ними, да и велика ли честь Красной Армии разгромить таких противников?» [31].

Немаловажную роль в своевременном анализе историографической ситуации, определении основных проблем и наиболее перспективных тенденций изучения всего комплекса вопросов отечественной истории 1918-1922 гг. сыграли И.И. Минц, В.П. Наумов, К.В. Гусев, А.И. Зевелев, Л.М. Спирин, Д.К. Шелестов, Е.Ф. Кривошеенкова и другие. Они подчеркивали, что исследование контрреволюционной роли буржуазных и мелкобуржуазных партий во время революции и гражданской войны продвинулось вперед и остается очень важным направлением в изучении этого периода. В работах В.П. Наумова обстоятельно рассматривалась советская историография классов и партий в гражданской войне, выделялись ключевые направления дальнейшего развития исследований в этом направлении, прямо и опосредованно расширявших возможности изучения белого движения [32]. Проведенные в 80-е годы XX века

АН СССР и Калининским государственным университетом научные конференции и симпозиумы, выход в свет трудов по истории конституционно-демократической партии и монархической контрреволюции, классов и партий в 1917–1920 гг. были определенным ответом на поставленные перед исторической наукой задачи.

Однако подчинение науки политике в целом приводило к разрыву между догматическими представлениями и реальным историческим процессом, утрате научного характера изучения истории, подмене конкретно-исторических исследований фактографией и «обобщающими трудами», лишь подтверждавшими то, что априори считалось бесспорным, снижению теоретического и методологического уровня, упрощению иискаженному толкованию самой марксистской доктрины. (Отметим вместе с тем, что аналогичные слабости были присущи и западной историографии, столь же бескомпромиссно, но как в зеркальном отражении, с прямо противоположными оценками, трактовавшей проблемы революции и гражданской войны). В итоге это обусловило неподготовленность многих ученых к произошедшему в последние десять лет кардинальным переменам общественной ситуации и ответу на новые требования к исторической науке.

В целом история белого движения советскими учеными с 30-х до середины 80-х годов XX века специально не изучалась, она рассматривалась фрагментарно. Сохранялись изоляционизм отечественной исторической науки по отношению к зарубежной, в том числе эмигрантской, историографии и ее необъективная оценка. В специальных работах по зарубежной буржуазной историографии гражданской войны обосновывался тезис об апологетической, недостоверной интерпретации западными учеными развития и смысла белого движения, оправдательном характере анализа причин его поражения, вынужденном признании подлинных, с позиций классового подхода, мотивов, идеологии, программы и политики белых,

отвергалась научная ценность их изысканий [33].

Концептуальные основы и охранительное предназначение трудов по истории революции и гражданской войны предопределяли их тематику, содержание, выводы и источниковую основу. Белое движение – его социальная и психологическая природа, динамика организационных и идеино-политических основ, внутренняя и внешняя политика и военная история, персоналии, межпартийные и внутрипартийные отношения и многое другое – по-прежнему оставались весьма мало исследованными. В результате обеднялась и собственно историография РКП(б) и Советской власти в период гражданской войны.

Самостоятельная историография белого движения как предмет исторической науки с конца 20-х до середины 80-х гг. XX века, таким образом, практически отсутствовала. Ограниченностность круга работ, анализирующих состояние изучения истории белого движения, на протяжении столь значительного времени, а также общность основополагающих подходов в них продиктовали необходимость объединения двух традиционно выделяемых отечественной историографией этапов в одной главе настоящего исследования, посвященной историографии конца 20-х – первой половины 80-х гг. ХХ века.

Вместе с тем следует отметить, что в выходивших за рубежом исследованиях также не получила должного освещения историографическая ситуация на данном направлении. Авторы ограничивались, как правило, отдельными замечаниями и краткими обзорами. Так, свои размышления об изучении ряда сторон истории белого движения изложил в монографии, посвященной правлению Врангеля в Крыму, французский историк русского происхождения Н. Росс. Он имел возможность ознакомиться как с зарубежными, так и с советскими работами по истории гражданской войны и отмечал, что к началу 80-х годов века не было ни одной монографии о «черном бароне». Причина такого невнимания, считал историк, для советской

страны заключается в нежелании касаться наиболее бесспорного примера успешного государственного строительства в стане «белогвардейцев» и писать о создании государства, в котором, указывал Росс, министры зарабатывали меньше рабочих.

На Западе же, рассуждал он далее, Врангель до сих пор вызывает неловкое чувство и даже стыд. Во Франции – из-за ее попыток добиться от него согласия на экономическую колонизацию России, в других странах – из-за их безучастного отношения к русским беженцам и стремления конфисковать имущество нищей белой России. Росс также выдвинул довольно спорное утверждение, что писать о Врангеле мешала и мешает тщательно выработанная в западных университетских и политических кругах легенда о хорошем Ленине и плохом Сталине, стремление сохранить представления о единодушной поддержке Советской власти русским крестьянством. Автор проанализировал взгляды советских (Г.З. Иоффе и др.), западных и эмигрантских ученых по поводу внутренней политики Врангеля, прежде всего в земельном вопросе и организации демократического самоуправления, обратил внимание на необходимость объективного, нетенденциозного подхода ко всему комплексу вопросов истории Крымского государства, созданного героем его монографии [34].

Впрочем, и западные ученые, гораздо раньше начавшие широкое изучение истории белого движения, не избежали, как известно, политизированности в оценках и суждениях. Тем не менее, в историографическом анализе проблемы многие из них обращали внимание на наименее исследованные вопросы, в то же время признавая сложность исследовательской практики именно в связи с идеологической актуальностью событий и их политической дискуссионностью. Отмечалась и некорректность полемики многих ученых, опиравшихся не столько на факты, сколько на догмы и постулаты социального заказа [35].

Начавшаяся в середине 80-х годов XX века глубокая трансформация всего общественного и государственного устройства, крах КПСС и распад СССР обусловили возникновение качественно новой историографической ситуации. Ее объективная оценка, определение узловых проблем, стоящих перед учеными, перспектив и тенденций развития отечественной исторической науки стали предметом размышлений и дискуссий, нашли отражение в ряде специальных работ. Показателем начала нового этапа в изучении российской истории и белого движения, в частности, стало активное и весьма плодотворное взаимодействие наших ученых с зарубежными коллегами, усиление разнообразия форм и способов исследовательской практики, ее содержательный и жанровый плюрализм, появление первых специальных трудов по историографии близких к исследуемой автором тем [36].

К ним можно отнести великолепную монографию А.И. Ушакова, в которой впервые в современной российской историографии дается характеристика литературы русского зарубежья о гражданской войне [37]. Сам предмет исследования предопределил приоритетное внимание автора к изучению белого движения российской эмиграцией. В книге освещен процесс созиания, систематизации и использования литературы русского зарубежья по избранной проблеме и рассмотрены наиболее важные труды крупных эмигрантских авторов. Историограф разделил их на две группы – мемуарно-исследовательские и исследовательские работы (к ним относятся труды Деникина, Врангеля, Милюкова, Мельгунова, ряда профессиональных военных и историков одновременно) и собственно мемуарную литературу – воспоминания военных, общественных и политических деятелей.

Признавая достаточную условность такого деления, можно, тем не менее, признать, что она позволяет более предметно проанализировать весьма обширный комплекс литературы русского зарубежья. Историк уделил основное внимание об-

щей оценке ее содержания и проблематики, главным тенденциям в изучении истории гражданской войны на основе отдельных трудов наиболее известных эмигрантских авторов. Однако он не выделил специально узловые проблемы изучения белого движения, информировав читателя об основных сюжетах избранной для анализа литературы. Собственно историография белого движения не являлось предметом его исследования. Выход монографии способствовал более основательному ознакомлению российских историков с прежде малоизвестными им работами, стимулированию новых исследований в этом направлении.

Со второй половины 80-х гг. XX века наращивается опыт и диссертационных исследований белого движения. Отдельные из них посвящены анализу источниковой основы темы, межпартийным отношениям и отдельным направлениям политики белых, в том числе по регионам [38]. Они послужили одним из источников при написании диссертации, однако историографические разделы в них не дают цельного представления о теме. Отдельные диссертации касаются вопросов истории гражданской войны в отечественной и зарубежной историографии, но не анализируют изучение истории белого движения [39].

Современные историографы фиксируют, что изучение истории формирования, развития и поражения антибольшевистского лагеря сейчас является одним из основных направлений в историографии гражданской войны и иностранной интервенции в России. Достаточно подробно тенденции в изучении гражданской войны за последние годы рассмотрели известные историки А.И. Ушаков и В.П. Федюк [40]. Констатируя новизну изучения антибольшевистского движения для новейшей историографии в России, они именно этим фактом объясняют неразработанность методологических вопросов, терминологии и дефиниций и вместе с тем указывают на растущее стремление ученых к самостоятельности выводов,

типовизаций белых режимов и хронологии белого дела. Авторы отмечают, что в последнее время происходит быстрый рост документальных публикаций, усиление внимания ученых к биографиям белых деятелей, роли армии и офицерства в белом движении, причинам его поражения. Однако в их историографическом обзоре нет цельного анализа состояния изученности темы, не выделяются наиболее значимые направления дальнейшего исследования истории белого движения, на которых диссертант останавливается в соответствующих главах и заключении настоящего исследования.

Между тем открывшиеся возможности наполнения конкретно-исторической картины прошлого новыми фактами на основе ранее недоступных или неизвестных источников, получение в связи с этим качественно иных, полновесных объективных выводов и результатов придали импульс развитию исторической мысли. Стало возможным значительно более полное и всестороннее осмысление этого далеко неоднозначного исторического явления.

Примером плодотворного анализа трудов представителей белого движения, являвшихся не только мемуарами, но и важными исследованиями, служит предисловие академика Ю.А. Полякова к первому тому «Очерков русской смуты» А.И. Деникина, изданным в России лишь в 90-е годы XX века. Оно представляет новое, отвечающее требованиям времени и достижениям мировой исторической науки, прочтение уже не раз подвергавшегося обсуждению известного труда. В предисловии подчеркивается важный позитивный сдвиг в отечественной исторической науке – осознание неотъемлемости, говоря словами ученого, деяний автора «Очерков» от нашей истории и ни с чем несравнимого интереса работы для историка и читателя.

Такие труды позволяют ученым через личностное восприятие незаурядного автора, аналитика, знатока своего дела, учесть свидетельства очевидца и творца событий, важность

которых неоспорима в силу их масштабности и значительности. Отечественная наука в результате, отмечает историограф, учится не пренебрегать суждениями видных деятелей противоположного большевикам лагеря, тем более что Деникин широко показал основные события революции и гражданской войны [41].

Ряд авторов, специально занявшихся изучением разных сторон истории белого движения в последние годы, предпосыпает своим изысканиям анализ трудов по избранной проблематике. При этом основное их внимание сосредоточено, как правило, на литературе русского зарубежья, имеющей давние традиции в указанном направлении. В частности, В.Д. Зимина отметила политизированность основных работ по истории белого движения, их немногочисленность в советской историографии, неотработанность понятийного аппарата как одну из основных трудностей в развитии научной полемики (тем самым она якобы ограничивается рамками фактологической истории, что представляется весьма спорным утверждением). Она подробно рассматривает труды русских эмигрантов и затрагивает полемику между ними (в основном, справедливо отмечает ученый, расхождения в оценках определялись партийно-политическими ориентациями авторов) по основным проблемам истории белого движения, обращая внимание на отсутствие единства между ними практически по всем вопросам – сущность, социальная природа, хронология, идеология белого дела и т.д. [42].

Довольно много места историографии белого движения уделил в своей монографии «Трагедия белой гвардии» и С.В. Устинкин. Он дал общую характеристику состояния отечественной практики изучения проблемы в соответствии с утвердившейся периодизацией развития исторической науки в нашей стране, а также зарубежных изданий. Вместе с тем историк попытался классифицировать сложившиеся в научной литературе определения белого движения и его периодиза-

цию, тем не менее, не дав достаточно определенного ответа на правомерность того или иного подхода.

Автор стремился уйти от прежних очевидных ныне, но от этого не становящихся легко преодолимыми недостатков советской историографии. Например, он широко привлекает работы видных деятелей РКП(б)-ВКП(б), русских эмигрантов – философов и политиков, военных лидеров белого дела, западных историков, современных российских исследователей. В монографии говорится о ряде важных для нашей темы вопросов, например, о вариантах периодизации белого движения (они давались в ряде работ отечественных и зарубежных историков и характеризуются в соответствующих главах монографии). Устинкин, в частности, соглашается с Г.З. Иоффе, указавшим (Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1989), что консолидация «демократической контрреволюции» и белых произошла вследствие разгона Учредительного собрания 5 января 1918 г., и согласует эту точку зрения с мнением П.Н. Милюкова о двойственности истоков белого дела (Россия на переломе. Париж, 1927).

В работе верно отмечен дискуссионный характер и недостаточная изученность и других вопросов истории белого движения – его нравственно-этические ценности, особенности социальной психологии, агитационно-пропагандистская деятельность и др. Однако расширительный подход часто уводит автора от конкретного историографического анализа и погружает выявление необходимых для специалистов по данной проблематике задач в общие рассуждения о революции и гражданской войне, судьбах большевизма, марксизма и социализма в России и пр. [43]. В исследованиях других современных историков гражданской войны также обосновывается необходимость изучения идеологии и социальной базы белых, сильных и слабых сторон противоборствовавших армий и т.д. [44].

Историографические работы последних лет констатируют, что в современной научной литературе по истории гражданской

кой войны и белого движения активно дискутируются как во многом новые, так и десятилетиями казавшиеся незыблемыми, а также долгое время закрытые для ученых и общественности вопросы. Среди них такие, как – кому принадлежит инициатива в развязывании гражданской войны, формирование и эволюция антибольшевистской коалиции, научные биографии вождей белого дела, военная, политическая и идеологическая природа, социальная база и динамика развития белого движения, партийные и государственные структуры, причины поражения белого дела, вопросы о белом терроре и об иностранном вмешательстве и его роли в судьбе белых. Важный сдвиг в развитии историографии проблемы зафиксировал академик Ю.А. Поляков: методологически важное изначальное признание правомерности плюрализма в оценках и выводах, которые не могут быть однозначными [45].

Появилась возможность для плодотворного сотрудничества отечественных и зарубежных специалистов, совместного обсуждения полученных научных результатов и постановки новых задач перед историками, прежде всего по наиболее важным проблемам, среди которых, в частности, определение самой сущности и термина «белое движение». Например, Дж. Эдельман призывал «как можно лучше разобраться в том, кто такие белые; почему авторитарно настроенные военачальники возобладали в их движении; почему политическая поддержка этого движения была такой слабой. То, что большевики победили, – очевидно. Почему белые потерпели поражение, и притом такое решительное – менее очевидно» [46].

Вместе с тем, как и в другие периоды развития нашей исторической науки, и сегодня в ней присутствует весьма значительный элемент политизации и мифологизации истории белого движения, только, пожалуй, с иным или даже прямо противоположным аксиологическим акцентом. Довольно часто поиск научной истины подменяется в связи с этим поиском виноватых, что не обеспечивает полноценных, способных от-

крыть новое видение актуальных проблем. В связи с этим перед историографией стоит важная задача сохранить верность, принципу историзма, не допуская нигилизма, корректно и добросовестно оценить, сохранить и развить позитивные итоги исследований отечественных ученых, творчески вовлекать в исследовательскую практику достижения мировой исторической науки.

Созданные за последнее время историографические труды, тем не менее, не позволяют получить полное представление о состоянии изучения белого движения, как на современном этапе, так и в целом за 90 лет со времени начала таких исследований. В отечественной и зарубежной научной литературе отсутствуют работы, комплексно, с учетом всех имеющихся исследований, анализирующие ход, тематику, содержание и научную значимость процесса изучения истории белого движения. Вместе с тем имеющийся на сегодня научный багаж достаточно весом для того, чтобы провести анализ состояния научного знания на этом направлении, столь необходимый для прогресса в его изучении. Это подтверждает актуальность настоящего исследования.

Учитывая широту и многообразие проблем избранной для изучения темы, невозможность полного и однозначного ответа на все поставленные современной наукой и практикой вопросы, автор делает попытку обобщить и в целостном виде представить итоги и с учетом достижений и выводов специалистов наметить перспективы дальнейшего исследования истории белого движения.

Основное внимание при этом сосредоточено на анализе процесса и результатов изучения таких ключевых вопросов, как формирование, социальная основа и партийно-политический состав, эволюция идеологии и программы, организационных основ белого дела, взаимоотношения его лидеров, ход военных операций, внутренняя и внешняя политика, факторы и причины успехов и неудач белого движения. Важное значе-

ние имеет также тщательный разбор степени достоверности и объективности изложения авторами тех или иных сюжетов и правильности их выводов и оценок, научной, политической, литературной значимости наиболее крупных трудов по истории белого движения в гражданской войне.

Целостное представление о достижениях, позитивных и негативных результатах, а также перспективах исследования истории белого движения, возможно, получить лишь при комплексном подходе: необходимо оценить итоги изучения избранной темы на разных этапах развития отечественной и зарубежной историографии, уделив также особое внимание литературе русского зарубежья, в том числе мемуарной. Многообразие жанров исторической (научной, мемуарной и публицистической) литературы по избранной проблематике предъявляет к историографу высокие профессиональные требования. Наряду с этим требуется постоянно учитывать неоднозначный характер взаимосвязи политики и исторической науки, на каждом этапе ее развития получающий своеобразное преломление в разработке истории белого движения – от попыток объективного подхода до огульного отрицания и забвения, а затем столь же неправомерной идеализации.

Логично, что при данном подходе объектом исследования является отечественная и зарубежная историография белого движения, а предметом изучения – сложный и противоречивый процесс накопления и развития научных знаний, движения исторической мысли по избранной теме.

Строгая научная объективность может быть обеспечена лишь при выверенной методологии исследования, учитывающей как позитивный и негативный опыт историографии недавнего прошлого, так и новейшие изыскания историков, активно включающих в свой методологический арсенал результаты работы разных школ зарубежной исторической науки (марксистский, социально-исторический, цивилизационный подходы и пр.). Другими словами, автор, в своем подходе к ис-

ториографии белого движения, опирается не на одну «единственно верную классовую доктрину», а на многополярность точек зрения и их мультиплексивность. Основополагающими принципами всякого исторического и историографического исследования автор считает историзм и объективность, следование которым приводит к действительно достоверным научным результатам. Основными методами исследования явились проблемно-хронологический, синхронистический, историко-генетический, сравнительный и типологический.

Цель настоящей монографии – выявление изученности и постановка узловых проблем изучения истории белого движения на основе анализа итогов и тенденций развития предшествующей и современной отечественной и зарубежной историографии. В ходе исследования решаются следующие основные задачи:

- анализируется процесс развития и результаты научного изучения истории белого движения в историографии 20-х годов XX века – становление проблематики, определение узловых пунктов и итоги исследования (программа, идеология, партийно-политический и социальный состав, внутренняя и внешняя политика, причины поражения и др.);

- определяются ключевые особенности тематики, жанровая и содержательная эволюция, характер и научное значение литературы русского зарубежья о белом деле – его сущности, основных этапах истории, судьбе и причинах поражения;

- характеризуется проблематика и основные итоги исследований советских и западных ученых конца 1920-х – середины 1980-х годов по вопросам истории белого движения, выявляется динамика и главные тенденции в развитии отечественной и зарубежной исторической науки в указанном направлении;

- рассматривается процесс переоценки истории белого движения на этапе перестройки (1985–1991 гг.) и в постсоветский период развития российской и зарубежной историографии (с 1992 г.) – характер изменения источниковой

основы и тематики, переосмысления ключевых вопросов становления, деятельности, идеино-политических и организационных основ, судьбы белого дела, его места в отечественной истории и т.д., процесс интеграции научного знания в новых условиях;

– на основе всестороннего обобщения и анализа процесса накопления научного знания по избранной теме определяются наиболее перспективные тенденции и актуальные проблемы изучения истории белого движения на современном этапе развития исторической науки.

В рамках реализации поставленной цели и определенно-го автором объекта и предмета изучения не входит связанная с ними, но требующая отдельного рассмотрения проблема иностранной военной интервенции в Россию.

Хронологические рамки исследования охватывают весь период изучения рассматриваемой темы от периода гражданской войны до 2009 года.

Практическая значимость исследования определяется на-сущной необходимостью для историков, политологов, социо-логов, государственных и общественных деятелей составить объективное представление о научных результатах и перспек-тивах изучения истории белого движения как составной части военной, политической, социальной истории Отечества. Рабо-та может быть использована также для демифологизации мас-сового исторического сознания и укрепления его научности, воспитания патриотизма, в процессе преподавания общих и специальных курсов по истории России.

Монография написана на основе широкого круга разно-образных историографических источников. Их анализ осно-ван на общих принципах исторической науки и подразумевает объективность, историзм, учет всей совокупности обстоя-тельств создания и научной судьбы источника (в том числе ав-торство, мотивы и цель, достоверность, политическое и науч-ное значение и др.).

Основную группу составляет научная историческая литература о российской контрреволюции и белом движении в 1918–1920 гг. Это обобщающие труды, монографии, брошюры, статьи, диссертационные исследования, научно-популярные и публицистические работы. В них нашли отражение результаты приращения исторического знания, закономерности развития исследовательского процесса, методика исторических исследований, их результаты.

Значительный корпус источников представлен эмигрантской и зарубежной литературой, ставшей здравым и важным историографическим фактом в отечественной науке лишь в последние годы. Она обеспечивает всесторонний, комплексный подход к решению поставленных в монографии задач.

Существенную часть этой, как и изданной в нашей стране группы источников, составляют мемуары участников белого движения и их противников – защитников Советской власти. Этот специфический вид источников требует особо внимательного подхода и учета таких моментов, как время и условия их написания, документальная оснащенность, идеальная и политическая позиция автора, его социальный статус и личная судьба и др.

В источниковую основу работы положены также издания по общим проблемам революции и гражданской войны в России. Они раскрывают процесс складывания, развития и обновления теоретико-методологической концепции этого этапа отечественной истории, дают представление о новейшем периоде в изучении темы. К ним могут быть отнесены также материалы широко практикующихся сегодня дискуссий, «круглых столов», конференций, которые изданы полностью или прореферированы. В них авторские взгляды выступают в четко выраженной форме, в непосредственном обсуждении альтернатив решения определенных научных проблем.

Важное значение для историографических исследований имеют исторические источники – опубликованные документы

и материалы периодической печати. Последний вид источников имеет чрезвычайно важное значение для изучения истории белого движения. Многочисленные газеты и другие периодические издания, выходившие на подвластных антибольшевистским силам территориях в годы гражданской войны, а также в 20-30-е годы в эмиграции, содержат огромный и ценный фактический материал. Определенное отражение в них находили и оценки, выводы, обобщения, имеющие некоторое значение для историографии проблемы. В целом данного вида источников должен быть предметом специального источниковедческого труда.

В настоящей работе в соответствии с поставленной целью автор ограничивается общим обзором состояния источниковой базы исследований по истории белого движения. Вместе с тем использована возможность привлечения определенных архивных данных, непосредственно связанных с избранной темой. Это относится к фондам Истпарта ЦК ВКП(б) 1922–1925 гг. и сектора истории гражданской войны в СССР (Подготовительные материалы по изданию «Истории гражданской войны в СССР (1917–1922 гг.)» – Ф. 70, Оп. 3 и Ф. 71, Оп. 35 Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ)).

В монографии на основе хронологического принципа рассматриваются два логически выделяющихся в процессе развития исторического знания блока литературы – отечественной и зарубежной, в том числе эмигрантской. Анализ самого материала в рамках указанных блоков опирается на проблемно-хронологический принцип, который позволяет комплексно рассмотреть поставленные вопросы, показать динамику, качественные изменения, результаты и перспективы в их изучении.

Литература

1. Ольминский М. Рецензия на книгу К.Н. Соколова «Правление генерала Деникина (Из воспоминаний)». Со-

фия, 1921. // Пролетарская революция. 1921. № 3; Фурманов Д. Краткий обзор литературы (непериодической) о гражданской войне (1918-1920 гг.) // Пролетарская революция. 1923. № 5; Покровский М.Н. Противоречия г-на Милюкова. М., 1922; Лелевич Г. Обзоры литературы о «самарской учредилке». // Пролетарская революция. 1922. № 7; 1924. № 8-9; Его же. В. Шульгин. 1920 год Очерки. М., 1922. // Пролетарская революция. 1922. № 6; Полемика по поводу изучения истории гражданской войны. // Военный вестник. 1923. № 3. С.16; № 7. С.48-50; Селиванов Вл. Начало гражданской войны (Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев). М.-Л., 1926. // Красная летопись. 1926. № 5(20). С.163-167; Романов Б. В.Г. Болдырев. Директория, Колчак, интервенты. Воспоминания. Новониколаевск, 1925. // Красная летопись. 1926. № 3 (18). С.180-183; Вегман В.Д. Предисловие к кн.: Революция и гражданская война в Сибири: Указатель книг и журнальных статей. Сибкрайиздат, 1928; Шварц М. К постановке вопроса исследования гражданской войны 1917-1921 гг. // Война и революция. 1928. № 1. С.48-60; Гуковский А. Об изучении истории гражданской войны 1917-1921 гг. // Книга и оборона СССР. 1930. № 3-4. С.3-5; Меликов Вл. К вопросу изучения гражданской войны. // Фрунзевец – ударник. Сб. М., 1931. С.30-35; и др.

2. Пролетарская революция. Систематический и алфавитный указатель. М., 1931. С. 64-68.

3. Покровский М.Н. Мемуары царя Антона // Печать и революция. Кн.2. М., 1922. С.19-31.

4. Лелевич Г.В. Шульгин. «1920 год Очерки» // Пролетарская революция. 1922. № 6. С. 212-216.

5. Ушаков А.И. История гражданской войны в литературе русского зарубежья. М., 1993. С. 90-91.

6. Мельгунов С. Очерки генерала Деникина // На чужой стороне. Историко-литературный сборник. Т.У. Берлин-Прага, 1924. С. 300-308.

7. Василевский И. (Не – Буква). Деникин и его мемуары. Берлин, 1924. С. 6, 8, 18-22, 41, 65-68, 161, 173.
8. Владиславлев И.В. Литература по истории Октября и гражданской войны // Пролетарская революция. 1924. № 10 (33). С. 240-267.
9. Минц И. В белой эмиграции (По поводу книги «Белое дело»). // Большевик. 1927. № 6. С. 40-48; Волков Г. Слово «генерала барона Врангеля» // Там же. № 19-20. С. 118-122; Зекцер А. В. Оболенский. «Крым при Врангеле. Мемуары белогвардейца». М.-Л., 1927 // Пролетарская революция. 1928. № 1(72). С.185-188.
10. Хабас Р. В.Владимирова. Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 году. М.-Л., 1927 // Пролетарская революция. 1928. № 1(72). С. 179-180.
11. Инструкция по составлению хроники Октябрьской революции и гражданской войны // Пролетарская революция. 1928. № 2 (73). С. 208-212.
12. Гуковский А. Обзор белоэмигрантской литературы о гражданской войне за 1928 год // Историк-марксист. Т.11. М., 1929. С. 266-270.
13. Мельгунов С.П. П.Н. Милюков о гражданской войне и эмиграции. // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. № 4. С. 277-283; Аргунов А. С.П. Мельгунов. Трагедия адмирала Колчака // Современные записки. Париж, 1931. № 45; Зайцов А.А. 1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны. Париж, 1934; Иностранцев М. История, истина и тенденция. По поводу книги ген. – лейт. К.В. Сахарова «Белая Сибирь». Прага, 1933 и др. См. также: Барвенко Е.И. «Архив русской революции» как источник по истории гражданской войны в СССР. Томск, 1985. С.10; Архив русской революции. Кн. I-XXII. – Берлин, 1921-1937.
14. Мякотин В. «Архив русской революции» // На чужой стороне. Т.УІ. Берлин-Прага, 1924. С.287-292.

15. Мельгунов С.П. Гражданская война в освещении П.Н. Милюкова (По поводу «Россия на переломе»). Критико-библиографический очерк. Париж, 1929. С. 5-6, 12-17, 21, 26-31, 38.
16. Белый архив. Кн.1. Париж, 1926. С. 204-205.
17. Иностранцев М. История, истина и тенденция. По поводу книги генерал-лейтенанта К.В. Сахарова «Белая Сибирь (Внутренняя война 1918-1920 гг.)». Прага, 1933. С. 4, 6-8, 10-13, 21-24, 54.
18. Там же. С. 55-56, 69-71.
19. Зайцов А. 1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны. Предисловие Н.Н. Головина. Б.м., 1934. С. 3-4.
20. Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. В 5 ч. и 12 кн. Берлин, 1937. См. Ч.5. Кн.11. С.87; Кн.12. С. 58-59, 63-70, 72 и др.
21. Мельгунов С.П. «Российская контрреволюция» (Методы и выводы генерала Головина). Доклад в Академическом Союзе 17 июня 1938 г. Париж, 1938. С. 6-7, 12-13, 20-23.
22. Зимина В.Д. Белое движение в годы гражданской войны. Волгоград, 1995. С. 8, 15.
23. Мякотин В. «Архив русской революции» // На чужой стороне. Т.VI. Берлин-Прага, 1924. С. 287-292; Степанова П. Немецкий историк о гражданской войне // Там же. Т.X. Прага, 1925. С. 298-300.
24. Решение Президиума Общества историков-марксистов по вопросу «Об истории гражданской войны» // Борьба классов. 1931. № 5, С.125-126; О работе по выявлению материалов по истории гражданской войны. О выявлении архивных материалов белых правительств. // Бюллетень ЦАУ РСФСР. 1931. № 5. С.11-14; История гражданской войны. Бюллетень № 1. М., 1932; История гражданской войны. План издания, утвержденный главной редакцией. М., 1932; За большевистскую разработку истории гражданской войны // Борьба классов. 1932. № 6. С.1-7; Данилов И. За большевистскую историю гражданской войны // Знамя. 1933. № 6. С.122-123; Работа над «Историей

гражданской войны» // Историк-марксист. 1934. Т.3. С.137-140; Минц И. История гражданской войны // Знамя. 1935. № 4. С.182-203; Случевский Н.В. Военно-историческая литература по гражданской войне // Военная мысль. 1938. № 5. С. 178-181 и др. О судьбе «Истории гражданской войны» см., например: Наумов В.П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. М., 1972; Поликарпов В.Д. Начальный этап гражданской войны (История изучения). М., 1980 и др.

25. Нелидов Н. «Архив русской революции», издаваемый И. Гессеном. Т.VIII. Берлин, 1923 // Пролетарская революция. 1924. № 5(28). С.240-242; Крымское краевое правительство в 1918-1919 гг. // Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 92-152 и др.

26. Шелестов Д.К. Советская историография гражданской войны и военной интервенции в СССР. // Вопросы истории. 1964. № 2. С. 22.

27. Голиков Г. Об изучении истории Октябрьской революции. // Коммунист. 1960. № 10. С. 90; Поликарпов В.Д. Некоторые вопросы историографии гражданской войны // Военно-исторический журнал. 1966. № 7. С. 75-84; Его же. Пролог гражданской войны (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.). М., 1976; Его же. Начальный этап гражданской войны (История изучения). М., 1980. С. 318.

28. Наумов В.П. К историографии белочешского мятежа в 1918 г. // Уч. зап. АОН при ЦК КПСС. Вып.40. М., 1956. С. 142-180; Алексашенко А.П. Советская историография разгрома деникинщины // Военно-исторический журнал. 1966. № 1. С. 80-89.

29. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М., 1966. С. 469-470.

30. Кузьмин Н., Найда С., Петров И., Шишkin С. О некоторых вопросах истории гражданской войны // Коммунист. 1956. № 12. С. 54-71; Найда С.Ф. О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР. М., 1958; Наумов В.П. Советская

историография истории гражданской войны и империалистической интервенции в России до первого похода Антанты (октябрь 1917 – март 1919). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1958; Сидоров В. О литературе по истории гражданской войны и иностранной военной интервенции 1918-1920 гг. // Военная мысль. 1958. № 10. С.88-94; Прочко И. Мемуарная литература о гражданской войне // Военно-исторический журнал. 1959. № 4. С. 95-101; Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. Сб. ст. М., 1962. С.373-394; Шелестов Д.К. Указ. раб.; Шерман И.Л. Советская историография гражданской войны в СССР (1920-1931 гг.). Харьков, 1964; Некоторые проблемы истории советского общества (Историография). М., 1964; Очерки по историографии советского общества. М., 1965; Поликарпов В. Некоторые вопросы историографии гражданской войны. // Военно-исторический журнал. 1966. № 7, С. 75-84 и др.

31. Тодорский А.И. Размышляя над мемуарами // Литературная газета. 1962. 30 августа.

32. Изучение отечественной истории в СССР между XXIУ и XXУ съездами КПСС. Вып.1. Советский период. М., 1978. С.55, 67; Наумов В.П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. М., 1972; Спирина Л.М., Литвин А.Л. Партия большевиков – организатор разгрома белогвардейцев и интервентов. Историографический очерк. М., 1980; Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России. М., 1981; Историография гражданской войны и империалистической интервенции (1918-1920 гг.). М., 1983.

33. Салов В.И., Беляев Ю.А. Современная буржуазная историография гражданской войны в СССР // Боевое содружество советских республик, 1919-1922. М., 1982. С. 199-208;

34. Росс Н.Г. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 6-8, 187-189.

35. Bredly Y.F.N. Civil War in Russia. 1917-1920. N. Y., 1975. P. 9; Kenez P. The Ideology of the White Movement // Soviet Studies. 1980. № 1. P.58; Фитцпатрик Ш. Гражданская война в советской истории: западная историография и интерпретации // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 344.
36. Гражданская война в России. «Круглый стол» // Отечественная история. 1993. № 3. С. 102-115; Леонов С.В. Американские историки о советском обществе времен гражданской войны // Отечественная история. 1993. № 4. С. 169-176; Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994; Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. М., 1995; Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996; Советская историография. М., 1996.
37. Ушаков А.И. История гражданской войны в литературе русского зарубежья. М., 1993.
38. Барвенко Е.И. «Архив русской революции» как источник по истории гражданской войны в СССР. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985; Дариенко В.Н. Революция и контрреволюция на Юго-Востоке страны 1917-1920 гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991; Наумова Н.И. Национальная политика колчаковщины. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991; Медведев В.Г. Белое движение в Среднем Поволжье в 1918-1919 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995 и др.
39. Косаковский А.А. Западногерманская буржуазная историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972; Кривошеенкова Е.Ф. Гражданская война и военная интервенция: историко-партийные историографические проблемы. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990; Штыка А.И. Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991; Лазарев А.В. Донское казачество в гражданской войне, 1917-1920 гг. (Ис-

ториографическое исследование). Автореф. дис. ... канд ист. наук. М., 1994 и др.

40. Ушаков А.И., Федюк В.П. Гражданская война. Новое прочтение старых проблем // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. С. 206-221.

41. Поляков Ю.А. Предисловие к изданию А.И. Деникин. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. М., 1991. С. 5-68.

42. Зимина В.Д. Белое движение в годы гражданской войны. Волгоград, 1995. С. 3-4, 5-15, 63-64.

43. Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии. Нижний Новгород, 1995. С. 3-15, 22-26, 38-43, 92-106, 157-179, 208, 252.

44. Иоффе Г.З. Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1989; Шевцуков П.А. Страницы истории гражданской войны. Взгляд через десятилетия. М., 1992; Бортневский В.Г. Белое дело (люди и события). СПб., 1993; Рыбников В.В., Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России. Сущность, эволюция и некоторые итоги. М., 1993; Медведев В.Г. Белое движение. Масштабы и причины возникновения. Ульяновск, 1994; Белое движение на Юге России (1917-1920). неизвестные страницы и новые оценки. М., 1995.

45. Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 32.

46. Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 364.

1. БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1.1. Становление проблематики белого дела в 1920-е годы

Развитие исторической науки в первые годы Советской власти в полной мере отражало особенности времени – остроту политической и идеиной борьбы, социально-экономические проблемы, преобразование науки, культуры и образования. События недавнего прошлого становились предметом анализа не только ученых, а в гораздо большей степени объектом политической публицистики, пропаганды и агитации, идеиных столкновений представителей разных партий и движений, непродолжительное время действовавших в условиях относительной демократии.

Революция и гражданская война находились в центре внимания. Их причины, ход, влияние и последствия изучались сторонниками и противниками нового режима, что сразу политизировало процесс осмысления этих крайне сложных и противоречивых явлений российской действительности и соответственно определило научную значимость результатов первых исследований. Советская власть выдвинула перед вставшими на ее сторону учеными задачу участвовать в формировании новой идеологии и ее пропаганде. Острота классовой борьбы, развернувшейся в стране, наряду с приматом классовой парадигмы в большевистском менталитете и самой

политике коммунистов, прямо влияли на содержание и выводы исторических трудов. Функционализм, политическое предназначение, однако, были неотъемлемым свойством и работ, написанных оппонентами новой власти. И те, и другие в то же время рассматривали свое участие в политической и идеиной борьбе не только как научный, но, прежде всего гражданский и партийный долг. Идеологическое противоборство доминировало в развитии исторической науки 20-х годов.

Пожалуй, наиболее ярко это проявилось именно в изучении истории гражданской войны и белого движения. Советские историки, интенсивно работая над внедрением и распространением установок партии в массовое общественное сознание, соотносили тематику исследований и свои выводы с политическими оценками, утвердившимися в РКП(б).

Основой их стали впоследствии канонизированные выступления, доклады и другие работы В.И. Ленина . В них давались определение сущности, периодизация, характеристика основных событий войны, оценивалась расстановка и динамика классово-политических сил в ходе военного противоборства в 1918–1922 гг., а также роль и позиция разных политических партий и движений в войне, значение интервенционистского фактора и др.

Подробный анализ ленинских работ, касающихся проблем гражданской войны, дан в ряде трудов советских историков [1]. Отметим, что для вождя большевистской партии, как, впрочем, и других политиков, обращение к историческому факту, а в условиях гражданской войны к текущим событиям было средством политической борьбы. Это предопределило политический pragmatism в методологии и приемах исторического анализа, а априорная приверженность партийной доктрине и интересам борьбы за власть повлияла на характер выводов и оценок. Стремление видеть основную историческую связь в результате ограничивалось ответом на вопрос: «Кому выгодно?» – и поиском заинтересованной

силы, освобождало от видения многообразия и неоднозначности явлений.

В анализе смысла и хода развития белого движения по-добные подходы проявились особенно наглядно. Ленин рассматривал его как антисоветское и, следовательно, антинародное, подчеркивал внутреннюю неразрывную связь российской контрреволюции с интервенцией, возлагая на них ответственность за развязывание и крайне острый и затяжной характер гражданской войны. Он обосновывал отсутствие у белых политической и экономической опоры в широких народных мас- сах и в то же время признавал разнообразие форм и окраски контрреволюции в разных регионах, прежде всего в зависимости от конкретной социально-политической основы антисоветских сил, сложность и неопределенность состава участников борьбы с обеих сторон как в составе регулярных войск, так и вне их, тем более что провести четкую грань между ними было не всегда возможно.

Ленин первым обратил внимание на то, что с лета 1918 г. произошло соединение открытой интервенции с внутренней контрреволюцией и расширение социальной базы последней за счет крестьянства. Кулакство он определил как главного союзника буржуазии и помещиков в белом лагере, а партию кадетов как главного организатора и зачинщика гражданской войны наряду с повторствовавшими ей мелкобуржуазными соглашательскими партиями. Основными очагами контрреволюции он считал наименее большевистские Поволжье, Сибирь и Урал, а также Юг России [2].

Участие социалистических партий на стороне белого движения, ставившего, по его мнению, целью восстановление капитализма и монархии в России, Ленин расценивал как предательство интересов революции и социализма. В связи с этим идейное разнообразие и политическая пестрота лагеря противников большевизма представлялись исключительно как их слабость, а наличие в программах белых демократических

альтернатив развития России, предусматривавших ее модернизацию и прогресс, начисто отвергались, как и допустимость патриотической мотивации участников белого движения. Их социальный состав лидер партии большевиков определял классовым принципом: буржуазия и помещики, националисты – представители – эксплуататорских классов, зажиточное крестьянство и казачество, в целом все те слои общества, которым есть, что терять, и колеблющаяся масса мелкой буржуазии и интеллигенции. Именно двойственной природой отношения к собственности объяснял Ленин колебания основной части крестьянства между двумя противоборствующими лагерями в ходе войны. Причины поражения белого дела он видел в противоречии цели и политики антибольшевистских сил коренным интересам трудающегося большинства страны [3].

Для советской историографии Ленин выступал в качестве творца научной концепции истории гражданской войны и инициатора изучения данной проблемы. В развитии большевистских оценок и анализе контрреволюции участвовали также видные руководители РКП(б), военачальники Красной армии. Так, военно-политические аспекты гражданского противостояния и в том числе белого лагеря анализировал в своих речах, выступлениях докладах и интервью председатель РВСР Л.Д. Троцкий .

В частности, он подчеркивал промежуточный, несамостоятельный, пособнический характер положения эсеро-меньшевистских организаций в белом лагере («лозунгами Учредительного Собрания, идеей демократии они помогли Колчаку создать армию»), обращал внимание на социальную опору белых, изменения в настроении крестьянства и казачества и их участии в белом движении, их взаимодействие между собой и зависимость от союзников, антинародный, реставраторский и реакционный смысл целей и политики белых [4].

Лидерами марксистского направления в исторической науке в первые послереволюционные годы стали М.Н. Пок-

ровский, Н.М. Лукин, М.С. Ольминский, В.И. Невский, В.А. Быстрянск, Н.М. Батурин, М.Н. Лядов. Уже в 1918-1919 гг. появляются первые работы, посвященные проблемам гражданской войны [5]. Боевой опыт Красной Армии обобщался в документальных сборниках и книгах, написанных, как правило, участниками событий, советскими военачальниками [6].

По инициативе и под руководством штаба РККА в конце 20-х гг. вышел фундаментальный трехтомный труд к 10-летию гражданской войны, но из интересующих нас проблем в нем затрагивались только военно-стратегические [7].

В 1924–1933 гг. вышли «Записки о гражданской войне» В.А. Антонова-Овсеенко в 4 томах. Основное внимание в них уделено анализу военной ситуации и деятельности руководства Красной Армии до середины 1919 г. на Украине, работа снабжена большим числом документальных материалов, прежде всего оперативного характера, иллюстрирована картами и схемами, насыщена личными воспоминаниями и впечатлениями автора. Он, в частности, довольно подробно рассмотрел процесс формирования центра белого движения на юге страны – в области Донского казачьего войска, обратив внимание на благоприятную обстановку в казачьей среде для этого и весьма слабую степень классового расслоения в ней, а также детализировав проблемы взаимоотношений казаков с т.н. иногородним населением и калединского правительства с Украинской Радой, с фронтовыми и добровольческими казачьими частями [8].

Антонов – Овсеенко объективно оценил военные успехи Деникина летом 1919 г. как результат верного учета им общестратегической обстановки и ошибок командования Красной Армии, отметил личную честность убежденного анархиста Махно, «за спиной которого совершилась всякая пакость» и который мог бы быть использован красными, если бы они имели, как выражался автор, аппарат. Поголовное антисоветское восстание на Дону и Кубани, а также на Украине он объяс-

нял широким недовольством крестьян насаждением коммун, радикалистскими лозунгами большевиков, национальной бесактностью проводимой ими политики, рассказыванием, бандитизмом ряда частей, контрреволюционной ролью украинского националистического «социализма» [9]. Книга служит ценным источником для понимания всей сложности социально-политических и военных событий на Украине и Юге России в 1918–1919 гг.

Тогда же были заложены традиции изучения истории политических партий и движений – эсеров, меньшевиков, кадетов, анархистов и других, сохранившиеся вплоть до второй половины 80-х годов. Осенью 1920 г. была создана Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), ставшая затем отделом ЦК партии и известная как Истпарт, с отделениями на местах. В качестве одной из основных тем работы истпарта стала история гражданской войны. Материалы по этому периоду начал публиковать журнал Истпарта «Пролетарская революция». По данным Д.К. Шелестова, за 1922–1925 гг. здесь было помещено около 50 статей о событиях 1918–1922 гг. [10]. Кроме того, стали выходить мемуары, хроники военных событий. Однако, как отмечал в 1923 г. Д. Фурманов, капитального труда по истории гражданской войны в России к этому времени еще не было [11].

Со второй половины 20-х годов усиливается привлечение архивных источников, появляются научные труды, в том числе обобщающие, в частности, работы А. Анишева «Очерки истории гражданской войны 1917–1920» (Л., 1925) и Н.Е. Ка-курина «Как сражалась революция» (М.-Л., 1925–1926). Эти издания, и прежде всего сборники истпарта, создавали документальную и фактологическую основу для изучения истории гражданской войны, содержали попытки анализа, но, как правило, история белого движения получала в них косвенное отражение [12]. К тому же заданность идеологической и политической оценки снижала научную ценность таких работ.

Идея борьбы с врагами революции пронизывала их содержание, и описание истории белого движения, прямо почти не предпринимавшееся, проводилось лишь с целью ускоренного вытеснения и предотвращения влияния большевистских и несоциалистических идей и воззрений. Показ противоположности буржуазной и социалистической революций, столкновения сил революции и контрреволюции сопровождались обоснованием неизбежности победы пролетариата под руководством большевиков, что отражало исторический опыт недавнего прошлого, закладывало основы политизации исторического сознания всех слоев общества и делало саму историческую науку полем классовой борьбы.

Вполне типичным в этом смысле трудом была упомянутая выше работа Анишева, в которой определенное место было отведено освещению организации контрреволюционных группировок при поддержке Антанты, классовой природы режимов Колчака и Деникина. Автор считал колчаковщину скротечной вспышкой активности остатков старого офицерства, тогда как в деникинском лагере усматривал сложный переплет кулацко-казачьих и шовинистически-националистических настроений, подчеркивал изменчивость социальной базы белого лагеря. Одним из первых он обратил внимание на зависимость колебаний крестьянства между белыми и красными от конкретно-исторической обстановки в период «военного коммунизма».

В капитальном труде Н.Е Какурина был дан первый объективный очерк истории военных действий на всех фронтах гражданской войны, в том числе противника. Практически первую попытку специального анализа уроков военного опыта, как красных, так и белых, предназначенного для коммунистов других стран в соответствии с установкой большевиков на мировую революцию, сделал один из руководителей Красной Армии, с 1921 г. начальник политуправления РККА и член Реввоенсовета С.И. Гусев (Я.Д. Драбкин) в работе «Уроки

гражданской войны» (М., 1921), в которой нашли отражение довольно точные неполитизированные оценки боеспособности, организации, оперативно-тактических действий вооруженных сил обеих сторон.

Он причислял к лагерю белых активную контрреволюционную буржуазию, крупную бюрократию, большую часть офицерства, помещиков, рантье, духовенство, кулаков, часть «подкупленных» капиталом городских и самых темных сельских пролетариев, все деклассированные элементы, полицию и жандармерию, часть высококвалифицированной интеллигенции. Сюда же относились и те слои общества, которые, по его мнению, были заражены иллюзиями о возможности «гражданского мира», в том числе мелкая и средняя буржуазия, интеллигенция и часть пролетариата.

Автор отмечал «вездесущность» фронта гражданской войны, заставлявшую и красных, и белых создавать мощный аппарат борьбы с «внутренним врагом» на своей территории, и более богатый в этом смысле опыт белых. Обе стороны создавали классовые армии, но белые, поначалу имевшие профессиональные воинские части, управляемые талантливыми, опытнейшими специалистами, не могли быть многочисленными ввиду узости их социальной базы. Последующие вынужденные мобилизации чуждых, а нередко и враждебных элементов, ухудшали качество войск, вносили в них начала разложения и неустойчивости. Это, в свою очередь, заставляло командование белых проявлять торопливость в разработке и проведении операций, что не могло способствовать их успеху. Автор вместе с тем объективно оценивал большие военные знания и организационный опыт белых, которые проявились на первых порах, но впоследствии отсутствие планомерного военного строительства, рассчитанного на 252 длительный период, приводило к быстрому истощению их людских ресурсов [13].

С.И. Гусев подметил также общие характерные черты армий гражданской войны, в том числе слабую военную под-

готовку рядового состава, непримиримость обеих сторон по отношению к наиболее активным деятелям противоборствующего лагеря, их стремление привлечь на свою сторону колеблющиеся слои мелкой буржуазии (при этом крестьянство в зависимости от социальных посолов и реальной политики переходило на сторону то белых, то красных, уповая на гражданский мир), опора на наиболее стойкие в классовом отношении элементы. У белых это происходило за счет увеличения числа офицеров, у красных – соответственно коммунистов и рабочих. При этом и те, и другие испытывали на себе такие проблемы, как дезертирство, неорганизованность и слабая психологическая устойчивость сформированных на ходу воинских частей, маневренный характер военных действий и многочисленные партизанские выступления, а также волны прилива и отлива добровольно-принудительных пополнений за счет населения занимаемых территорий.

Подчеркивая формально внешне-принудительный, а на деле «товарищеский», т.е. классовый характер дисциплины в армиях белых, автор объективно оценил творческие новации их военачальников, в частности, Врангеля, который сделал кавалерию «бронированной» – с большим числом грузовиков, артиллерией, броневиками и аэропланами. Этим, по мнению Гусева, Врангель перевернул отношения между пехотой и кавалерией, превратив последнюю в главный род оружия гражданской войны [14]. Кроме того, именно высокие военные качества противника «вынудили» Красную Армию воевать не умением, а числом – увеличить свою численность, по меньшей мере, вдвое, что создало соответствующие трудности снабжения, производства в тылу и др.

Белые имели преимущество в организации разведки, в т.ч. войсковой, и шпионажа, но более ненадежный тыл, который систематически разрушался и разворачивался спекуляцией и интригами различных политических групп, «ориентировавшихся» на враждующие между собой иностранные государ-

тва. «У белых, – констатировал автор, – вражда армий к своему тылу вырастает до пределов ненависти», чему красноречивым примером служит история отступления деникинских армий на юг весной 1920 года [15]. Один из главных уроков гражданской войны состоял в оценке ее характера как классовой, партийной войны, что обусловило все основные особенности ее протекания, в том числе в сугубо военной сфере всеохватного конфликта, потрясшего российское общество в начале XX века.

Ценным и библиографически редким пособием для изучения разных сторон истории белого движения явилась составленная С.А. Пионтковским хрестоматия «Гражданская война в России (1918–1921)», изданная в 1925 г. в Москве Коммунистическим университетом им. Я.М. Свердлова . Отдельной частью в ней приводятся программные документы антибольшевистских правительства, их основные законодательные акты и другие важные источники. Составитель выделил их по принципу государственных образований и географии, попытался на основе классификации документов выявить социально-классовую сущность, организацию власти и смену ее форм по мере развития войны, внутреннюю политику и отношения белых с интервентами.

Участие «непролетарских» партий и умеренных социалистов в борьбе с большевизмом было одним из важнейших аргументов в процессе их исключения из политической жизни Советского государства и формирования однопартийного режима. Разоблачение их «контрреволюционной» сущности, подтвердившейся в ходе гражданской войны, составляло одну из основных задач исторических исследований и публицистики.

Так, А.В. Луначарский посвятил партии эсеров очерк «Бывшие люди» (М., 1922). В основу были положены тезисы, подготовленные им к процессу над эсерами совместно с Н.И. Бухариным и Н.В. Крыленко и напечатанные агитпропот-

делом ЦК РКП(б). Целью издания было разоблачение «внутреннего гниения» партии эсеров, ее контрреволюционной сущности, особенно после Октября 1917 г. Причины двойственности, авантюризма партии Луначарский усматривал в ее мелкобуржуазной природе. Отдав в полной мере дань принимавшей все более ритуальный характер разнужданной критике противника, он вместе с тем подчеркнул относящийся к участию эсеров в белом движении момент – объективную невозможность проведения линии 3-й силы в условиях острейшего классового противостояния. В итоге такое стремление сделало эсеров врагами и реакции, и революционного пролетариата. Аналогичную направленность имели и работы Н. Попова, П. Лисовского и других авторов [16].

Весьма крупной была работа В. Владимировой (Е.М. Хрущевой), также посвященная участию социалистов в антибольшевистской борьбе [17]. Автор достаточно широко использовала документы и материалы, ранее не публиковавшиеся. Партия эсеров явилась главным объектом исследования, и в книге прослеживается эволюция ее роли в борьбе против большевизма – от попыток собственными силами свергнуть новый режим (до лета 1918 г.) к союзу с иностранными интервентами и российской буржуазией, прикрывавших свои истинные намерения эсеровским «красным» щитом. Основное внимание Владимира уделила событиям 1918 г. на Дону, в Оренбуржье и на Украине, а также в Сибири и на Севере, подчеркивая общность социальной базы и целей всех участников белого движения, демагогический характер их ссылок на необходимость защиты Учредительного собрания и тесную связь с союзниками.

«Под протекторатом союзников произошло политическое соглашение всех антисоветских партий, начиная от монархистов и кадетов и кончая народными социалистами и эсерами. Этим самым была согласована и общая линия белогвардейского фронта, начиная с чехов и самарского правительства и

кончая донской контрреволюцией», – такой вывод вполне согласовывался с общими установками РКП(б) в оценке своих политических противников (18). Одноцветная заданность подходов определила содержание всей книги, ставшей первой попыткой анализа одной из составляющих контрреволюции и имевшей фактографический характер. В ней не нашел места обстоятельный и объективный анализ динамики социальной природы и программы, внутренней политики и взаимоотношений участников белого движения, основных его участников – как военных, так и политических деятелей, прежде всего кадетов.

Идеологический отпор представителям белого дела и оппонентам большевистской модели модернизации России призваны были дать специальные работы представителей официальной исторической науки – М.Н. Покровского, И.И. Минца, А. Гуковского и др. [19]. Они направлялись, прежде всего против активно развернувшегося силами эмигрантских организаций за рубежом издания мемуаров, документов, публицистики, разного рода исследований. Практическая недоступность этой литературы для массового советского читателя не смущала авторов: главная цель состояла в целенаправленном формировании и внедрении новой идеологии в общественное сознание, укреплении в нем примата классовой парадигмы относительно любого социального явления и действия.

Полная публикация произведений представителей белого дела проводилась, прежде всего, в отношении тех, кто признал Советскую власть или перешел к ней на службу, мемуары же лидеров белых, как правило, издавались с купюрами. Непоколебимая уверенность в правоте и объективной исторической обусловленности победившего общественного строя побуждала партийно-государственное руководство Советской России (и СССР) привлекать в качестве доказательств неизбежности краха старого строя и победы Советской власти работы самих представителей белого движения, в которых, по мнению изда-

телей, содержался богатый саморазоблачительный материал.

Такой довольно смелый шаг объясняется и тем, что в 20-е годы XX века идеологическая политика в области исторической науки (как и в других сферах науки и культуры) была достаточно гибкой, ориентированной на сознательного и понимающего читателя, в памяти которого еще свежи были события недавнего прошлого. Методы убеждения еще превалировали над методами принуждения, а потому и допускался (в определенных рамках) плюрализм мнений. В 30-е годы с этим было покончено.

В целом в 20-е гг., по данным И.Л. Шермана, вышло до 60 книг белогвардейцев, довольно много их воспоминаний публиковалось в журналах «Каторга и ссылка», «Былое» и некоторых других. В 1927 г., например, вышла книга В. Оболенского «Крым при Врангеле. Мемуары белогвардейца» (М.-Л., 1927).

Наиболее крупным было издание пятитомника «Революция и гражданская война в описании белогвардейцев» (М.-Л., 1926–1928). Его редактор Н.Л. Мещеряков объяснял практику изъятий, прежде всего необходимостью «сбережения места», тем более что в публикуемых произведениях небольшая доля истины перемешана с неизмеримо большим количеством лжи. Главный интерес для советского читателя представлял рассказ белых о том, «что они хорошо знают, и чего мы не видели. Это их жизнь, их работа, их борьба, их интриги. Конечно, и здесь мы не найдем в их воспоминаниях объективной правды», – замечал он. Издатели подчеркивали классовый характер белогвардейщины, включая в ее состав представителей свергнутых классов, офицерство, верхи интеллигенции и зажиточное казачество. Идеологической и политической основой белого движения назывались ничем не прикрытый монархизм, шовинизм и реставраторство, а причинами поражения – антинародный характер и отсутствие веры в успех [20].

В этом ценном в познавательном и исследовательском плане издании нашли место выдержки из мемуаров крупнейших

деятелей лагеря контрреволюции, представителей разных партий и организаций, среди которых – Деникин («Как началась борьба с большевиками на юге России»), Лукомский («Зарождение Добровольческой армии»), Краснов («Всевеликое войско Донское»), Будберг («Дневник»), а также Колосов, Залесский, Мякотин, Зензинов и многие другие. Их свидетельства и сегодня служат источником и пособием для изучения хода военных действий, взаимоотношений белых лидеров, многих других конкретных сюжетов истории контрреволюции.

Партия и государство осуществляли подобные публикации с целью «обнажения перед трудящимися бессильных, злобствующих, морально прогнивших бывших хозяев», доказательства безнадежности самого белого дела и исторической правоты большевизма. Безусловно, в этом контексте убедительно звучало признание одного из видных идеологов движения монархиста В.В. Шульгина: «...измученные, усталые, опустившиеся, мы почти, что ненавидели тот народ, за который гибли». Тем не менее, внимательный читатель этих работ [21] имел возможность получить более объективное представление об эволюции взглядов и политики лидеров белого дела и его правительства, мотивации и психологии противников большевизма. К тому же издание работ участников белого движения, при всех ограничениях, существенно расширяло источниковую базу всей историографии гражданской войны.

Из этого ряда можно выделить произведения тех, кто сознательно признал Советскую власть, как сумевшую вывести страну из состояния анархии и собрать воедино территории бывшей империи. Написанные уже участниками социалистического строительства, они вписываются в рамки плюралистической советской историографии 20-х гг. XX века, что обусловило их анализ в настоящей главе. К таким авторам относится бывший главнокомандующий армией Уфимской Директории В.Г. Болдырев. В 1925 г. вышла в свет его книга «Директория. Колчака. Интервенты. Воспоминания». Новониколаевск, Сиб-

крайиздат). Автор признает, что борьба с большевиками в 1918 г. представлялась необходимой для многих, кто вошел в состав белых сил, для поражения Германии в войне. В то же время он называет причины, по которым очаги антисоветского движения создавались не вокруг интеллигенции, казалось бы, призванной по своему положению и предназначению идеино возглавлять его, а вокруг крупных военачальников и офицерства, морально и материально наиболее пострадавшего от революции. Те же, кто играл видную роль в политической жизни после Февраля 1917 г., вынуждены были идти на компромисс с военными, скрепя сердце терпевшими до поры легкий налет демократизма в антисоветском лагере.

Болдырев анализирует причины поражения идеологии и программы белого движения и видит их в ее абстрактности, неосязаемости в требующей немедленного решения жгучих проблем народной толще, разнотечения и разноправленность интересов, методов деятельности и целей участников белого движения. Все эти слабости были присущи и Директории, о создании и недолгой истории которой в книге рассказывается подробно. Здесь же рассматривается ход военных действий на Восточном фронте, состояние армии белых и их тыла, прилагаются отдельные документы [22]. Воспоминания служат полезным пособием для конкретно-исторического изучения истории белого дела в Сибири в 1918 г.

Вместе с тем целый ряд работ, изданных в этот период, представляет несомненный познавательный и историографический интерес. Они были созданы не только представителями свергнутых классов – ядра белого движения, но и умеренными социалистами, оказавшимися в его составе во имя общей для всех противников большевизма цели. Их издание состоялось в Советской России во время войны и сразу после ее окончания, когда большевистское руководство продолжало вести полемику с меньшевиками и эсерами, их деятельность еще была

относительно свободна (о чем свидетельствует и факт открытого выхода книг в Москве и Петрограде).

К тому же сами они питали надежды на возможность участия в политической жизни. Это подтверждает, в частности, остро критический подход социалистических оппонентов большевизма к оценке политики своих бывших союзников, как и собственной попытки, во время войны противопоставить некий «третий путь» и красным, и белым. В связи с указанными обстоятельствами автор считает целесообразным в рамках изучения советской историографии начального периода рассмотреть и их работы.

Например, в книге члена ЦК и председателя ПК партии трудовиков – народных социалистов В.И. Игнатьева «Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны (1917–1921 гг.)» на основе личных воспоминаний излагается ход событий с октября 1917 г. по август 1919 г. в Петрограде, Вологде и Архангельске – организация государственных структур и вооруженных формирований, белых на Севере, взаимоотношения между различными партиями в этом процессе, роль союзников в развитии антибольшевистской борьбы и т.д.

Важное значение имеют приведенные автором мотивы включения энэсов в этот процесс – срыв Учредительного собрания все социалисты рассматривали как объявление гражданской войны «со всеми ее ужасами и последствиями» и во имя его защиты как единственной опоры против войны были готовы «с оружием в руках идти на восстановление его нарушенных прав». Помощь союзников была принята, прежде всего, из-за отсутствия дисциплины и собственных средств для ведения борьбы.

Однако единство цели соединившихся в белом лагере течений и партий, как признавал Игнатьев, не гарантировало от взаимного недоверия и даже ненависти, чему потворствовали и союзники. Слабость социалистов, работавших в правительстве, нерешительность властей в социальной сфере сыграли

весьма негативную роль. Несмотря на то, что были предприняты некоторые меры для оказания помощи земскому и городскому самоуправлению, достижения компромисса с профсоюзами рабочих и налаживания сотрудничества с другими слоями населения, обеспечить массовую поддержку и стабильность правительству белых на Севере не удалось. Отчуждение между солдатами и офицерами в армии, между массами и властью, расширение сфер практически колонизаторского влияния и контроля союзников за большинством важнейших областей жизнедеятельности при поддержке их правыми обусловили крах линии социалистов. «Правовой фетиш в ущерб живому делу стоял главной помехой в правительственной работе, не было широты, революционного творчества. Да и революция не уважалась». Автор пришел к выводу об иллюзорности надежды на помощь союзников в решении внутренних проблем России и несостоенности, утопичности коалиции социалистов с буржуазией, которая оказалась неспособной к активной работе и особенно ярко выразилась в крушении партии эсеров. Поражение было предопределено не только тактическими ошибками, неумением и нечестностью лидеров, но и неверными идеологическими посылками умеренных социалистов, что подтвердила логика гражданской войны [23].

К подобного рода литературе относится и работа деятеля Бунда М.Г. Рафеса «Накануне падения гетманщины. Из переживаний 1918 года» (Киев, 1919). В ней дается характеристика гетманщины на Украине как помещичье-буржуазной диктатуры, ее антинародной политики и содержится вывод о неизбежности укрепления позиций большевизма на Украине вследствие бессилия неукраинской и националистичности украинской демократии, а также о возможности свержения гетманского режима только революционным путем.

Анализируя характер и значение событий гражданской войны, причины поражения в составе антибольшевистского лагеря, представители социалистических партий уже во врем-

мя войны предпринимали попытки преодолеть внутренние противоречия в рядах «демократической контрреволюции», обеспечить единство действий в защиту идеалов демократии и Учредительного собрания. Примером служит сборник статей с характерным названием «К прекращению войны внутри демократии (Уфимские переговоры и наша позиция)» (М., 1919). Его выпуск был связан с состоявшимся 13 января 1919 г. Соглашением Уфимского ВРК и президиума съезда членов Учредительного собрания о прекращении последними гражданской войны против Советской власти. Уже в предисловии к нему авторы признают, что в хаосе событий гражданской войны социалисты «потеряли руководящий смысл революции» и, напуганные «костоломной, прожекторской политикой большевиков», дрейфовали вправо, к союзу с буржуазией, в растерянности переживая проходящую на их глазах грандиозную и величайшую классовую борьбу [24].

В статье видного деятеля партии эсеров Н. Святыцкого их вступление в борьбу против большевиков объяснялось стремлением последних к установлению однопартийного режима с помощью насилия и террора, отсутствием у них опоры на широкие массы (судя по итогам выборов в Учредительное собрание) и международными обстоятельствами, прежде всего угрозой России со стороны Германии. Спасти страну можно было только в блоке с одной из враждующих коалиций, а поскольку большевики объективно действовали заодно с Германией, эсеры вступили в сотрудничество с союзниками, интересы которых относительно больше совпадали с интересами России. Но буржуазия, как и большевики, поставили себя вне рамок демократии и подлинного народовластия, и союз с ней оказался ошибкой: социалистическая демократия должна была строить демократическую государственность сама. Соглашательство правых эсеров с буржуазией, проявившееся на Уфимском совещании в сентябре 1918 г., поставило партию в трагическое положение.

В то же время Святицкий был убежден, что кратковременный опыт Комуча не дал массам опыт истинно народной власти, лозунги народовластия не имели достаточной поддержки у населения, а после Уфы в нем усилилась враждебность к руководству демократии. Народ в своем развитии не дошел до понимания начал истинного народовластия, потому так легко утверждалась власть диктаторов среди большевистски настроенных, а по большей части политически индифферентных масс [25].

Немаловажное место в истории борьбы эсеров против большевиков занимало формирование собственных вооруженных сил – Народной армии Комуча, в частности. В названном сборнике содержится описание состояния этой армии к моменту Уфимских переговоров, ее роли в боевых действиях и внутренней политике Комуча и причин неспособности противостоять колчаковскому перевороту. Н.А. Шмелев их усматривал, впрочем, почти сугубо в военно-тактических промахах командования.

Другой автор сборника, член ЦК партии эсеров В. Вольский объяснял прекращение борьбы против большевиков тем, что перед лицом реставрации старого строя не было никакой организованной силы демократического государственного строительства, противостоявшего и буржуазии, и большевикам в равной мере. Против диктатуры реакции была только сила большевиков, с ее аракчеевщиной, прожектерством, но, тем не менее с ее стремлением развивать социально-революционное свержение власти буржуазии. Другого правительства, объединявшего рабочих и крестьян, не было, и потому во имя главного – борьбы с буржуазной диктатурой – необходимо соглашение с большевиками, – резюмирует Вольский [26].

Участие социалистов в борьбе против большевиков на стороне белых, как известно, получило название «демократической контрреволюции». Ее возникновению и истории посвятил свою работу один из руководителей Комуча, единолично

представлявший в самарском правительстве партию меньшевиков, – И.М. Майский [27].

Воспоминания главы ведомства труда в Совете управляющих ведомствами Комуча, впоследствии сделавшего успешную карьеру в качестве советского дипломата, дают содержательный материал для анализа социально-политической сущности, политики и исторической роли этого образования, консолидировавшего в 1918 г. защитников Учредительного собрания. Он считал, что ни возглавлявшие Комуч эсеры, ни меньшевики не могли держать в руках воинскую силу, действовавшую именем демократии, и лишь поддержка чехов и помощь французских союзников помогла им удержаться и сформировать Народную армию.

В книге подробно описываются структура, партийный состав и деятельность Комуча и его администрации на местах,дается критическая оценка его деятельности. Стремясь придать Комитету всенародный характер, – указывает Майский, – эсеры привлекали в него представителей других партий, но его деятельность и характер оставались эсеровскими. В то же время программу Комуча Майский оценивает как «довольно точное воплощение программы обыкновенной буржуазной демократии, не более», подчеркивая политическую импотентность эсера-меньшевистского социализма, его неспособность справиться с задачей создания демократической государственной власти [28].

Для понимания политической судьбы Комуча важно указание автора на то, что самарское правительство рассматривало себя как временный орган и ограничивалось неотложными мероприятиями текущего характера, что нашло выражение, как в риторике, так и в действиях «учредилки» – основное внимание она уделяла созданию армии и сильной власти для борьбы с большевиками, как ширмой в борьбе против Германии. Тогда, по крайней мере публично, заявлялось, что внешний противник может быть побежден только после пораже-

ния большевиков. Позже Майский меняет акцент: «...мы ...для оправдания своей контрреволюционной позиции судорожно цеплялись за фиговый листок Брестского мира» [29].

Политическая позиция самого автора к моменту написания воспоминаний, разумеется, изменилась. Но в 1918 г., включившись в работу правительства, Майский считал, что Комуч как демократическое государство должно гарантировать рабочим охрану их законных интересов путем проведения программы социальных реформ – принятие законов о 8-часовом рабочем дне, о минимальной заработной плате, о свободе коалиций, страховании от безработицы, несчастных случаев, по болезни, о трудовых инспекциях и договорах и др. Самым большим достижением Комуча стал закон о 8-часовом рабочем дне, в остальном же проекты ведомства труда были заторможены, и оно не смогло завоевать поддержку рабочих. Тем более, что на практике социально-экономическая политика Комуча довольно быстро приобрела реставраторский антидемократический облик. В результате отношение масс к Комучу становилось все более враждебным, а буржуазия, в свою очередь, не желала «играть в демократию», стремясь, не мешкая, вернуть свою собственность и власть.

Значительное место в работе отведено характеристике противоречивых взаимоотношений Комуча с другими антисоветскими правительствами и организациями, возникновению Директории и обоснованию ее объективной политической слабости, конкретно-историческому описанию событий 1918 года в Поволжье. От признания отсутствия у Комуча поддержки какого бы то ни было социально мощного класса, широкой социальной базы, обреченности попыток социалистов самостоятельно или в союзе с правыми одолеть большевизм Майский переходит к заключению о том, что вообще противники Октябрьской революции не имели почвы в массах. Даже самые откровенные враги Советской власти – буржуазия и офицерство, указывает он, классовым инстинктом чувство-

вали прочность нового режима и скептически оценивали возможность его свержения [30]. Смена демократической контрреволюции генеральской была между тем закономерна, так как идея демократии в условиях русской революции не нашла необходимых сил для утверждения, оказалась нежизнеспособной.

Майский делает многозначительный вывод, что Россия по общему характеру своих объективных условий не подготовлена для восприятия каких-то иных форм политического и экономического бытия, и третьей силы между Лениным и Колчаком нет. По сути, признавая антидемократизм большевистской партии и ее политики, он считает, что белые проиграли, несмотря на огромные ресурсы на занятой ими территории, вековые традиции прошлого и поддержку всего капиталистического мира, именно потому, что большевикам «удалось нащупать в народной толще какую-то могучую жизненную струю, которая давала им столь поразительную крепость и упорство», невзирая на ужасы и кровь гражданской войны [31]. Глубинные истоки и природа социального взрыва начала XX века в России, причины невостребованности либеральных и демократических проектов модернизации страны и утверждения большевистской модели государственного развития в настоящее время получают новое прочтение, и многие размышления участников переломных событий имеют в связи с этим важное значение.

Событиям гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, развитию белого движения и деятельности партии эсеров здесь были посвящены вышедшие в 20-е годы XX века книги ее представителей, активно участвовавших в политической жизни региона [32]. Так, один из членов ее ЦК Н.И. Ракитников противопоставляет программы Комуча и Временного Сибирского правительства как два пути возрождения России вне большевистской диктатуры и большевистского террора. Он отстаивает демократизм эсеровского варианта и

подчеркивает реакционный, самодержавный характер власти Колчака.

Вместе с тем он признает, как и вышеупомянутые авторы, невозможность честной коалиции демократии и буржуазии, что, наряду с ошибочной, на деле не соответствующей программе политикой Комуча, обусловило установление военной диктатуры и реставраторского курса в белом движении. Также отказываясь от идеи «третьей силы», он призывает мирными средствами через Советы бороться против большевиков лишь после подавления буржуазной диктатуры [33].

По существу к таким же выводам пришел и К. Буревой, вышедший из партии эсеров и ее ЦК и опубликовавший свою работу после процесса над эсерами. Он подчеркивал, что создание Комуча и защита Учредительного собрания имели несомненную историческую почву и большую жизненную основу, но падение Симбирска и Казани, самой Самары наряду с губительной ролью коалиции эсеров с буржуазией и иллюзиями о скором падении большевиков, которые однако, проводили правильную внутреннюю революционную политику, обусловили трагедию его партии [34]. Обширный фактический и аналитический материал по истории Белого движения в Сибири содержит и книга члена Сибирской областной думы эсера Е.Е. Колосова, не раз подвергавшаяся критике советскими историографами [35].

Солидаризируясь с указанными выше авторами – также представителями партии эсеров, в оценке хода и значения событий, роли Директории и режима Колчака в истории Белого движения, он одним из первых уделил большое внимание движению народных масс Сибири против колчаковской диктатуры – географии, политическим настроениям, идейным лозунгам и формам борьбы повстанцев, их составу и направленности действий. Колосов сделал важный вывод о стихийном утверждении советских настроений в широких крестьянских

massах Сибири после того, как адмирал Колчак вступил с ними в открытую гражданскую войну, что и предопределило его поражение, показал реальное влияние эсеров и меньшевиков на массы в разные периоды войны [36].

Достаточно подробный обзор событий гражданской войны, в том числе истории белого движения, дал и П.С. Парфенов. Он, в частности, обратил внимание на такое негативное последствие ожесточенного классового противостояния в России, как деградация общества – физическая и нравственная, опасность скептицизма, апатии и звериных инстинктов, порожденных длительной войной, для мирного возрождения и прогресса страны [37].

В 1930 г. вышла одна из немногих ценных работ, посвященных национальному аспекту истории гражданской войны и Белого движения – книга Л.П. Мамета «Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае» (М., 1930). Впоследствии изъятая из общедоступного пользования, она объективно раскрывала позиции и настроения национальной интеллигенции и национальных масс Горного Алтая в условиях войны. Воспитанные всей предшествующей историей в ненависти к русскому как синониму грабежа и национального угнетения, алтайцы с помощью социальной демагогии были использованы белыми (и в этом важнейшую роль сыграло неприятие революции и большевизма немногочисленной, но влиятельной национальной интеллигенцией) для борьбы против Советской власти как власти русской, – показал ученый.

Враждебное отношение русского партизанского движения, в основном представленного зажиточным крестьянством, боровшимся не только за сохранение уже захваченных и освоенных земель, но и за их расширение, к национальным массам Горного Алтая, изменило, по мнению автора, сам характер гражданской войны, сделав ее не классовой, а национальной. Колчаковщина восстановила против себя русское село, и пар-

тизаны всей тяжестью обрушились на алтайское население, в массе своей оказавшееся на стороне белых [38].

Наряду с этой работой, интересной для изучения национального компонента в судьбе белого движения является также книга М.Л. Муртазина «Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну» (М., 1927). Современные исследования отечественных историков подтверждают правоту размышлений и выводов автора о природе и эволюции национальных движений в ходе гражданской войны и их роли в судьбе белого движения, о многослойном характере самой гражданской войны, имевшей не только классовый аспект.

Не менее значительное место занимает в российской историографии 20-х годов история белого движения на Юге России. В ее освещении и анализе принимали участие как советские историки и публицисты, так и сами представители Добровольческой Армии и других военных и государственных образований этого региона. Работы последних анализируются в разделе о литературе русского зарубежья.

Среди вышедших в Советской России работ по истории гражданской войны на Юге России и так или иначе осветивших развитие в этом регионе Белого движения можно выделить труды Г. Ладохи, М.Ф. Бунегина, Д. Кина, сборник «Антанта и Врангель» и др. [39]. В частности, Бунегин освещает историю иностранной оккупации Крыма и взаимодействие интервентов с белыми правительствами и Добровольческой армией. Две последние главы его работы называются «Крым под властью Деникина» и «Врангелевщина», но в них рассказывает не о Белом движении, а о борьбе большевиков-подпольщиков и других против белых режимов.

Характеризуя правительство Сулькевича как кукольное, зависимое от немцев, он при анализе его внутренней политики исходит из тезиса о реакционности власти буржуазии и националистов. Замену его властью съезда городских и земских самоуправлений автор оценивает как простую смену формы.

Более правомерным был бы, очевидно, вывод о поиске демократической модели управления в условиях оккупации и войны, основанной на дореволюционном опыте.

В книге достаточно подробно освещается история взаимоотношений Добрармии с населением, ее национальная политика в Крыму и т.д. Но все перипетии внутренней политики белых рассматриваются лишь как неудачная попытка реализовать нежизненную политico-экономическую программу и за внешне демократической формой скрыть реакционную сущность режима. «Большевиков в деревне, – например, пишет Бунегин, – создала добровольческая армия и правительство своими действиями. Они вскрыли крестьянину классовую сущность гражданской войны» [40].

Безусловно, общая направленность реставраторского курса белых, в конечном счете, предопределила поворот основной массы крестьянства в сторону Советской власти во всех регионах страны в ходе войны, что сыграло решающую роль в победе Красной Армии. Но значительный демократический потенциал и динамика внутренней политики белых, связанная с развитием событий на фронте и изменениями в расстановке партийно-политических сил в их правительствах, в частности, весьма важные реформы, проведенные и запланированные в Крыму в правление Врангеля, остались «незамеченными» и оценивались исключительно как безнадежная, рассчитанная на обман трудящихся демагогия в предчувствии окончательного поражения [41].

Кроме того, аграрной политике белых был посвящен ряд статей аналогичного характера М. Кубанина, А. Гуковского, В. Аверьева, М. Мальта и др. [42]. Пристальное внимание ко всем аспектам аграрного вопроса в эпоху революции и гражданской войны в советской историографии в целом закономерно – именно позиция крестьянства в конечном счете оказалась решающей в противоборстве красных и белых, в последующей политике РКП(б).

Не случайно на современном этапе историческая наука вновь, на новом документальном материале, с учетом достижений разных методологических школ, стремится всесторонне изучить крестьянский вопрос в годы гражданской войны. Точно также в целом взвешенный анализ всех сторон истории белого движения на Юге России, позволяющий вскрыть социально-политический смысл и экономическую целесообразность программы обновления политического курса, механизм его не доведенной до конца реализации предпринимается уже в настоящее время.

В семинаре М.Н. Покровского в Институте красной профессуры была подготовлена и издана Истпартом Ленинграда в 1926 г. обстоятельная книга Д. Кина «Деникинщина». Автор, не располагая достаточным архивным материалом, подготовил ее также на основе периодических изданий и эмигрантской литературы. Он осветил процесс организации Добровольческой армии и роль, различных общественно-политических сил и партий в развитии белого движения на Юге России, аппарат управления и отдельные направления внутренней политики А.И. Деникина (агарная, экономическая и рабочая), а также взаимоотношения белых с казачеством и развитие повстанческого и большевистского движения на территории ВСЮР.

В целом оценки, сделанные в книге в отношении деникинского режима, не расходятся с уже упомянутыми – здесь имеется в виду зависимость его от иностранного капитала и контрреволюционный характер, антинародная сущность проводимого на занятой территории курса, закономерность поражения белых и т. д. Вместе с тем автору удалось подметить некоторые важные моменты, уточняющие конкретно-историческую картину и социальную основу белого движения.

Так, он подчеркнул, что первостепенным по важности в судьбе российской контрреволюции явилось то, что она начинала борьбу с периферии и двигалась к центру с окраин

бывшей империи. Удержав за собой центр, Советы получили преимущество в борьбе за власть, а пестрые по этноконфессиональному и социальному составу окраины оказались благоприятной средой для консолидации сил белых, к тому же получивших поддержку Антанты. «Это переплетение иностранной интервенции с сословно-казачьей, кулацкой и буржуазно-националистической контрреволюцией сыграло первостепенную роль в истории белого движения», – считал автор. Именно поддержка интервентов придала Белому движению всероссийский характер [43].

В книге отмечена разнонаправленность программ соединившихся под руководством Деникина сил, что, несмотря на массовость, слитность действий и определенные успехи поначалу, в конечном счете привело к поражению. Автор при этом объяснял антисоветские выступления казачества и крестьян не только ошибками большевиков в продовольственном, земельном и национальном вопросах, но и поисками кулачества и подпольной работой белогвардейцев. Он довольно подробно охарактеризовал формирование и развитие Добранармии, ее идеологов (прежде всего Национальный центр и В.В. Шульгина), политический состав и структуру аппарата управления, личность самого А.И. Деникина.

В частности, он считал, что непредрешенчество и «беспартийность» его позиции определялись «промежуточной» социальной природой диктатуры Деникина, а стремление провести среднюю линию между крайней реакцией и «либерализмом» было беспerspektивным. Кин рассмотрел также состояние органов самоуправления, основные течения среди белой общественности по поводу земельного вопроса, положение основных отраслей экономики и национальную политику на занятой ВСЮР территории. Общий вывод заключался в том, что деникинщина – антидемократическая, антисоциалистическая контрреволюция и ее поражение закономерно [44]. Данная работа остается, при всей ее объяснимой задан-

ности, ценным историографическим результатом советской исторической науки 20-х годов.

Сходные в своей основе оценки даны деятельности Вооруженных Сил Юга России (ВСЮР) уже под началом П.Н. Врангеля даны в сборнике «Антанта и Врангель». Здесь, в частности, сделана одна из первых попыток проанализировать деятельность печати и положение интеллигенции, «татарский вопрос» в Крыму. Реформаторский характер экономической политики белых после смены лидера движения в статье Я. Шафира, посвященной этой стороне правления Врангеля, игнорировался – все внимание советских историков сосредоточивалось на разоблачении любых действий и начинаний противников большевизма [45].

Определенное место получила в этот период и проблема изучения судьбы казачества в годы гражданской войны. Так, Н.Е. Какурин отметил исключительную роль казачьих формирований в организации и развертывании белогвардейских войск на Юге России [46]. В упоминавшейся выше работе А. Анишева и книге Н.Л. Янчевского обращено внимание на мотивацию белоказачьего движения и ее отличия в сравнении с общероссийским и региональным аспектами контрреволюции.

Первый, в частности, (как и Кин) справедливо указал на столкновение на Дону и Кубани двух социально различных течений – буржуазно-помещичьего (Добрармия) с общероссийскими реставраторскими целями и местнического, «кулацко-ограниченного» в лексике 20-х годов XX века, пытавшегося отгородиться от революционной России в своей области. Кстати, и на Урале казаки поначалу довольно упорно держались лозунга «За грань не пойдем», – но логика войны неумолима.

Янчевский же выделил другую важную сторону белоказачьего движения – гражданская война «противопоставила в станице все иногороднее население всему казачеству», не случайно «Дон заслужил имя Вандеи». Немногим позже на долгие

десятилетия эти ценные наблюдения были отвергнуты в угоду оправдания политики «расказачивания» и доказательства достаточности уровня социального расслоения в казачьей среде к 1917 г. (47).

Итак, спектр и результаты научных исследований в области изучения истории белого движения в советской историографии в 20-е годы XX века были достаточно разнообразны и в целом успешны. По истории гражданской войны в целом в этот период было опубликовано около 1200 названий сборников, книг, статей, воспоминаний, документальных подборок в журналах. Кроме того, военно-политические органы и отчасти истпарты издали около 60 сборников по истории вооруженных сил [48].

Несмотря на идеологическую и политическую предопределенность большинства вышедших тогда статей, книг, воспоминаний и других видов исторической и публицистической литературы, многие изложенные в них факты, привлеченные документальные и архивные материалы, сделанные авторами выводы и обобщения представляют несомненный научный интерес и сегодня. Вышедшие во время войны и в 20-е гг. XX века работы противников большевизма и Советской власти обеспечили в советской историографии белого движения этого периода плюрализм мнений, многообразие жанров, широту тематики и содержательное богатство.

Среди наиболее важных достижений означенного периода в изучении истории белого дела можно выделить характеристику основных программных положений и партийно-политического состава противников большевизма, определение узловых пунктов политического курса наиболее крупных государственных и военных образований белых и их взаимоотношений с иностранными интервентами и населением, причин поражения белого движения, публикацию отдельных особенно важных их документов, разнообразие историографических жанров.

Немаловажное место в советской исторической литературе 20-х годов XX века было отведено и проблеме «третьей силы», или «демократической контрреволюции». Приоритетное внимание к социалистическим оппонентам большевиков, а не к наиболее последовательным их противникам – монархистам и либералам, составившим политическое ядро белого движения, было продиктовано необходимостью разоблачения эсеров и меньшевиков именно как претендентов на иное прочтение сущности и методов социалистического строительства в соответствии с общей политической доктриной руководства партии. Вопрос же о жизнеспособности самой «третьей силы» как альтернативы и красным, и белым в ходе войны стал предметом изучения уже значительно позже.

Наработки советских историков 20-х годов XX века, созданная в те годы источниковая основа изучения истории белого дела не потеряли научную ценность. Прежде всего, это относится к высказанным, но запрещенным для обсуждения, забытым или не развитым в последующие почти 60 лет идеям. Среди них – социально-экономическая и национальная политика белых правительств, эволюция настроений и поведения разных слоев казачества и крестьянства в ходе войны, в том числе по регионам, военный опыт белых армий и их командования и др.

В современных условиях достижения историков, работавших в обстановке ожесточенной классовой борьбы и вместе с тем относительной демократии после окончания гражданской войны, свидетельства и размышления по горячим следам очевидцев и участников событий стали одним из важных источников и стимулов для дальнейшего продвижения вперед в восстановлении и анализе истории белого движения, прерванных на семь десятилетий охранительной идеологией и политикой большевиков в конце двадцатых годов.

Литература

1. Наумов В.П. В.И. Ленин об основных проблемах истории гражданской войны в СССР. М., 1969; Его же. Летопись героической борьбы. М., 1972; Берхин И.Б. Вопросы истории гражданской войны (1918–1920 гг.) в сочинениях В.И. Ленина. М., 1981 и др.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С.2-3; Т. 32. С.382; Т. 29. С.503; Т. 30.С.244.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С.139; Т. 34. С.215; Т. 36. С.95, 332, 459-460; Т. 37. С.3, 13, 38-39, 40, 69; Т. 38. С.250, 277, 356; Т. 39. С.142, 156, 189, 389-390; Т. 41. С.401; Т. 43. С.132, 136-137; Т. 50. С.128 и др.
4. Троцкий Л.Д. Доклад на пленуме Моссовета 1 апреля 1919 г. «Опасность на Востоке»; Речь на объединенном заседании Самарского губисполкома, комитета РКП и представителей профсоюзов 6 апреля 1919 г.; Россия или Колчак ? К офицерам армии барона Врангеля (воззвание) 12 сентября 1920 г.; Что означает переход Махно на сторону Советской власти? Уроки мироновщины // Сочинения. Т.XVII. М.-Л., 1926. С. 106-107, 116-117, 130-131, 459-460, 470-474, 215-218.
5. Виленский В.Д. Черная година сибирской реакции. М., 1919; Два года диктатуры пролетариата. Сб. ст. М., 1919; Карпинский В.А. Два года борьбы. Б.м., 1919; Четыре месяца учредиловщины. Самара, 1919; Быстрянский В. Контрреволюция и ее методы. (Белый террор прежде и теперь). Пб, 1920; Его же. Из истории гражданской войны в России. Пг., 1921; Равич-Черкасский М. Махно и махновщина. Екатеринослав, 1920 и др.
6. Гражданская война. Сб. 1. Сообщения по стратегии гражданской войны, читанные сотрудниками штаба 5 армии. Изд. Инспекции военно-учеб. отдела 5 армии Вост. фронта, 1919; Отчет об операциях Красной Армии и Флота. М., 1920; Гражданская война на Западном фронте. Харьков, 1920; Раз-

гром Врангеля . Харьков, 1920; Борьба за Петроград. Пг., 1920; Красная Армия и революционная война. Пг., 1920; Антанта и Врангель. М., 1923;

7. Гражданская война 1918-1921 гг. В 3-х т. Т. 1. Боевая жизнь Красной Армии. М., 1928; Т. 2. Военное искусство Красной Армии. М., 1928; Т. 3. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной Армии. М.-Л., 1930 и др.

8. Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. Т.1. М., 1924. С.22-23, 63-65, 68, 194-198; Т. 4. М., 1933. С.331-335.

9. Там же. Т.4. С.331-335, 342-343.

10. Шелестов Д.К. Советская историография гражданской войны и военной интервенции в СССР // Вопросы истории. 1964. № 2. С. 26.

11. Фурманов Дм. Краткий обзор литературы (непериодической) о гражданской войне (1918-1920 гг.) // Пролетарская революция. 1923. № 5. С. 321.

12. Покровский М.Н. Контрреволюция за 4 года. М., 1922; Лелевич Г. Стрекопытовщина: Страница из истории контрреволюционных выступлений в годы гражданской войны. М.-Пг., 1923; Кубанин М. Махновщина. Л., 1927; Кин Д. Деникинщина. М., 1927; Гуковский А. Аграрная политика правительства Врангеля // На аграрном фронте. 1927. № 6-7; Драбкина Е. Грузинская контрреволюция. Л., 1928; Руднев В.В. Махновщина. Харьков, 1928; Павлов П.И. Анненковщина. По материалам судебного процесса в Семипалатинске 25 июля – 12 августа 1927 г. М.-Л., 1928; Голубев А. Врангелевские десанты на Кубани. Август-сентябрь 1920 года. М.-Л., 1929; Лейкина В. Поход Юденича. Л., 1929; Вольский А. Белый террор в эпоху гражданской войны в СССР // 10 лет белого террора. М., 1929 и др.

13. Гусев С.И. Уроки гражданской войны. М., 1921. С.6, 8, 9-10, 12-13.

14. Там же. С.13, 15, 21-23.

15. Там же. С. 30, 34, 35.
16. Луначарский А. Бывшие люди (Очерк истории партии эсеров). М., 1922. С.3, 59, 78-79. См. также: Попов Н.Н. Мелко-буржуазные антисоветские партии. М., 1924; Лисовский П. На службе капитала. Эсера-меньшевистская контрреволюция. Л., 1928 и др.
17. Владимирова В. Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 году / Под ред. Я.А. Яковлева. М.-Л., 1927.
18. Там же. С. 239.
19. См.: Покровский М.Н. Мемуары царя Антона (о книге Деникина «Очерки русской смуты») // Печать и революция. 1922. № 2; Лелевич Г.В. Шульгин . 1920 год. Очерки. М., 1922. // Пролетарская революция. 1922. № 6; На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. Сб. ст. М., 1923; Минц И.И. В белой эмиграции (по поводу книги «Белое дело») // Большевик. 1927. № 6; Волков Г. Слово «генерала барона Врангеля » // Большевик. 1927. № 19-20; Гуковский А. Обзор белоэмигрантской литературы по гражданской войне // Историк-коммунист. 1929.Т.II и др.
20. Мещеряков Н.Л. Лицо белогвардейщины (Вместо предисловия) // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Т. 3. Начало гражданской войны. М.-Л., 1926. С. III, IV-XIX.
21. Шерман И.Л. Советская историография гражданской войны в СССР (1920-1931). Харьков, 1964. С. 37; Шульгин В. 1920 год. Очерки. М., 1922. С. 24. См. также: Виллиам Г. Распад «добровольцев» («Побежденные»). Из материалов белогвардейской печати. М.-Пг., 1923; Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. Л., 1927; Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилова . М.-Л., 1928; Борьба с калединщиной (По документам белых). Декабрь 1917 г. и январь 1918 г. Таганрог, 1929 и др.
22. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Вос-

поминания. (Из цикла «Шесть лет» 1917-1922 гг.) / Под ред и предисл. В.Д. Вегмана. Новониколаевск, 1925. С. 12,-13, 22-24, 27, 30, 35, 39, 43-45, 54, 59-61, 81, 493-497.

23. Игнатьев В.И. Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны (1917-1921 гг.). Ч. I. (Октябрь 1917 – август 1919). Петроград, Вологда, Архангельск. (Личные воспоминания). М., 1922. С. 8, 9, 11-15, 19, 24, 39, 47-48.

24. К прекращению войны внутри демократии (Уфимские переговоры и наша позиция). Сб. ст. М., 1919. С. 1.

25. Святицкий Н. О судьбах народовластия в России // К прекращению войны против демократии. С. 52-53, 55-56, 60, 62.

26. Вольский В. Уфимские переговоры; Шмелев Н.А. Состояние Народной армии к моменту Уфимских переговоров // Там же. С. 48, 29-37.

27. Майский И. Демократическая контрреволюция. М., 1923.

28. Там же. С. 27, 52, 64-67, 97-125.

29. Там же. С. 68, 72.

30. Там же. С. 37, 126, 148-163, 47, 188-279.

31. Там же. С. 332, 348, 350-352.

32. Ракитников Н.И. Сибирская реакция и Колчак . М., 1920; Буревой К. Распад. М., 1923; Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Пг., 1923; Парfenов П.С. (Петр Алтайский). Гражданская война в Сибири 1918-1920. М., 1925; Его же. Борьба за Дальний Восток. Л., 1928 и др.

33. Ракитников Н.И. Указ. раб. С. 12, 21, 32, 33-36, 38.

34. Буревой К. Указ. раб. С. 11, 19-29, 62, 84.

35. См.: Шелестов Д.К. Советская историография гражданской войны и иностранной интервенции в СССР // Вопросы истории. 1964. № 2. С. 30; Наумов В.П. Летопись героической борьбы. М., 1972. С. 115.

36. Колосов Е.Е. Указ. раб. С. 9, 57-73, 102-107, 111-120.

37. Парfenов П.С. Гражданская война в Сибири 1918-1920. М., 1925. С.167-168.

38. Мамет Л.П. Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. М., 1930. С. 85-90.
39. Ладоха Г. Очерки гражданской войны на Кубани. Краснодар, 1923; Бунегин М.Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917-1920 гг.). Симферополь, 1927; Д. Кин. Деникинщина. Л., 1926; Антанта и Врангель . Сб. статей. М.-Пг, 1923 и др.
40. Бунегин М.Ф. Указ. раб. С. 221, 200, 202-212, 227-242.
41. Там же. С. 296-314.
42. См.: Кубанин М. Антисоветское крестьянское движение в годы гражданской войны (военного коммунизма) // На аграрном фронте. 1926. № 1; Гуковский А. К истории аграрной политики русской контрреволюции (Аграрная политика Врангеля) // На аграрном фронте. 1927. № 6-7; Его же. Аграрная политика Врангеля // Разгром Врангеля. 1920. М., 1930; Аверьев В. Аграрная политика колчаковщины // На аграрном фронте. 1929. № 6,8; Мальт М. Деникинщина и крестьянство // Пролетарская революция. 1924. № 1,4.
43. Кин Д. Указ. раб. С. 33.
44. Там же. С. 39, 45-50, 53-58, 70-75, 82-115, 120-141, 158-170, 229-250, 262-273.
45. Антанта и Врангель . См. с. 5-7, 99-124, 172-174 и др.
46. Какурин Н.Е. Указ. Раб. Т.1. М., 1925. С .54.
47. Анишев А. Указ.раб. С. 87; Кин Д. Указ раб. С.48; Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т.1. Ростов-на-Дону, 1927. С. 50; Т. 2. С. 47. Судьба казачества в гражданской войне рассматривалась также в работах: Гольдентул И. Земельные отношения на Кубани. Краснодар, 1924; Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале 1917-1918 гг. М., 1925; Калинин И.М. Русская Вандея. М.-Л., 1926; Микоян А.И. Партия и казачество. Ростов-на-Дону, 1926; Ладоха Г. Указ. раб.; Евсеев Н. О прошлом и настоящем оренбургских казаков. Самара, 1929 и др.
48. См.: Шерман И.Л. Советская историография гражданской войны в СССР (1920-1931). Харьков, 1964. С. 15.

1.2. Опыт изучения истории белого движения в конце 1920-х – первой половине 80-х гг.

В конце 20-х годов XX века в советской исторической науке, в полной мере испытывавшей на себе воздействие основных тенденций общественного развития, произошли глубокие качественные перемены. Утверждение авторитарного режима сопровождалось соответствующей коррекцией всей методологии исследовательского процесса, основные постулаты которой были продиктованы в октябре 1931 г. известным письмом И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» в редакцию журнала «Пролетарская революция».

Негативные последствия подчинения исторической науки политике проявлялись и ранее, но именно с конца 20-х гг. XX века начался «коренной перелом» и в этой сфере общественной жизни. Среди наиболее важных событий, воздействие которых сразу же ощутила на себе научная мысль, отметим состоявшиеся в 1929 г. призыв М.Н. Покровского к переходу в наступление на всех научных фронтах, начало чистки в АН СССР, решение Политбюро ЦК ВКП(б) о привлечении к суду группы историков – членов Академии наук и фабрикацию т.н. «академического дела» во главе с С.Ф. Платоновым. История классовой борьбы и проблемы социалистического строительства – вот два главных направления, на которых ЦК ВКП(б) своими решениями сосредоточивал усилия историков в 1931 г. Примечательно, что именно в этом году стал выходить новый журнал с характерным названием «Борьба классов», с 1937 г. – «Исторический журнал». По данным Д.К. Шелестова, с 1931 по 1941 гг. он опубликовал более 100 статей по тематике 1918–1920 гг. Специальные подсчеты посвященных истории белого движения материалов не проводились. Тогда же, в 1931 г., было принято специальное постановление «Об издании «Истории гражданской войны» и создана Главная редакция по подготовке многотомного труда [1].

На долгие десятилетия непререкаемыми стали положения о примате классового подхода к анализу и оценке любых общественных явлений, исторической правоте марксистско-ленинской теории и практики большевизма, абсолютной непогрешимости суждений его официально утвержденных лидеров – В.И. Ленина и И.В. Сталина (начавшаяся в середине 50-х гг. либерализация не повлекла за собой коренного преодоления сложившихся догм и стереотипов научного мышления, что покажет подробный анализ литературы по избранной проблеме). Достаточно квалифицированно общее состояние советской историографии 30-х – середины 80-х годов XX века уже неоднократно проанализировано рядом ученых [2].

Выделим наиболее существенные качественные показатели исторической науки в указанный период, проявившиеся и в исследованиях по истории гражданской войны и белого движения. Среди них – схематизм и формационный догматизм, некритическое абсолютизирование марксистских положений о классовой борьбе и привязанность к трудам «классиков марксизма-ленинизма», начетничество, перенесение сложившихся клише в разные исторические периоды без учета всего многообразия объективных и субъективных факторов, ограниченность тематики и источниковой базы исследований охранительными приоритетами ВКП(б)-КПСС, сознательная фальсификация и умолчание целого ряда важнейших фактов, эпизодов и объективного вклада тех или иных деятелей в развитие событий и жизнь страны, почти полное абстрагирование от мирового историографического опыта и т.д.

Историческая наука стала объектом постоянного пристального внимания, а затем и пристального контроля со стороны высшего партийного руководства, что предопределило проблематику, содержание, политическую и научную значимость, а также конкретную судьбу исследований и их создателей. В среде ученых, поставленных перед необходимостью выживания – физического и профессионального, все больше

утверждались конформизм, равнодушие и даже цинизм, следование политической конъюнктуре при утрате подлинных мотивов научного творчества, примитивизация методологии и методики, а, значит, и результатов труда. Все это самым удручающим образом проявилось во второй половине 80-х гг., когда был зафиксирован глубокий кризис советской исторической науки.

Проблемно-тематические стандарты изучения складывались и корректировались в соответствии с социальным заказом Коммунистической партии и ее руководителей, прежде всего Сталина. Политическая концепция борьбы за власть, которая предопределяла эти стандарты, исключила из исследований все многообразие и сложность, альтернативность исторического процесса, чрезвычайно идеологизировала, обезлюдила и исказила его. Вся отечественная история укладывалась в марксистскую теорию социально-экономических формаций и преподносилась почти исключительно как история классовой борьбы трудового народа с угнетателями.

Отсюда приоритет в советской науке на многие десятилетия таких направлений, как социально-экономическая история и история революционного движения. В этом смысле основной стержень толкования всех проблем гражданской войны 1918–1920 гг. был простым и ясным – остройшая форма классовой борьбы трудящихся во главе с партией большевиков против эксплуататорских классов. В частности, уже в 1928 г. Истпарт опубликовал «Инструкцию по составлению хронологии Октябрьской революции и гражданской войны» (Пролетарская революция. 1928. № 2). Последующий конкретный анализ историографии истории белого движения подтверждает это.

Вместе с тем было бы неверно огульно отвергать все результаты работы советских историков на протяжении более чем пяти десятилетий. Даже в дискуссиях по различным проблемам отечественной истории 20-х – 30-х годов XX века и в

более поздних, несмотря на всю их детерминированность политическим курсом партии, были подняты новые исследовательские пластины, вводились в научный оборот неизвестные материалы по истории революционного движения в России, в том числе гражданской войны. Советская наука в 30-х – первой половине 80-х годов XX века активно участвовала в создании основ историографии новейшего времени, начиная с Октября 1917 г., заложила основу воспитательного потенциала истории и тем самым внесла неоценимый вклад в формирование интернационального и патриотического мировоззрения советских людей.

Для историографии истории белого движения в изучаемый период были характерны все те черты, которые отличали советскую историческую науку в целом. Вместе с тем в изучении антибольшевистского лагеря периода гражданской войны произошли заметные изменения. Они касались, прежде всего самой концепции истории 1918–1920 гг., в которой решающая роль в организации победы над белогвардейцами и интервентами приписывалась Сталину, – Где Сталин, там победа» [3]. В разработке этого тезиса самое активное участие приняли К.Е. Ворошилов (изменение проблематики и резкое уменьшение числа работ по истории гражданской войны во многом связано с его работой «Сталин и Красная Армия», вышедшей в «Правде» 21 декабря 1929 г.), Л.П. Берия, Е.М. Ярославский, М.С. Ольминский и др. .

Классовая позиция и партийная тенденциозность в определенном отборе фактов и их соответствующей интерпретации теперь была недостаточной. На смену им все больше приходили мифотворчество и подтасовка фактов, искажение статистики, строгая цензура со стороны ЦК ВКП(б) над всеми изданиями по истории, унификация в освещении фактов и событий, резкое ограничение самостоятельности и творческой свободы авторов в трактовке тех или иных вопросов, появление запретных для изучения тем и персонажей. История

становилась средством для решения задач идеологической и политической борьбы (об этом свидетельствовали и терминология и стилистика, и содержание работ), причем не просто выполняла социальный заказ, а очутилась в тисках диктата и предписания свыше, теряя самоценность научного знания.

Эталоном при освещении всей отечественной истории стал изданный в 1938 г. «Краткий курс истории ВКП(б)», утверждавший единомыслие на базе идеологии сталинизма и культа личности, допускавший лишь официальное, проверенное ЦК ВКП(б) толкование всех вопросов истории, в т.ч. революции и гражданской войны. Превращение истории партии в ведущую отрасль исторического знания сделало изучение истории белого движения однобоким – с точки зрения того, как большевистские организации утверждали власть Советов, опираясь на всенародную поддержку, вопреки изначально обреченным на поражение контрреволюционным силам. Собственно их история выпадала из исследовательского процесса, она служила лишь комментарием, иллюстрацией для раскрытия победоносной теории и практики большевизма.

Примечательны в связи с этим рассуждения М.С. Ольминского, который в письме в журнал «Пролетарская революция» в 1929 г. резко протестовал против продолжения публикации работ, мемуаров и другой литературы, написанной противниками Советской власти. «Возможно, что в этом ворохе контрреволюционного хлама промелькнут факты, полезные и для нас, – писал он. Но зачем же перепечатывать этот хлам целиком? Не полезнее ли бы предоставлять это благодарное занятие заграничной белогвардейщине? А то получается, что цари и их чиновники, и эсеровские или меньшевистские контрреволюционеры и коммунисты – все валится на одну кучу под именем «Истории революции». Для них, для пропаганды их идей, все такие издания клад, и эти издания должны раскупаться для контрреволюционных целей, какими большевист-

скими примечаниями и предисловиями они не сопровождались, даже очень дельными» [4].

Подобный изоляционизм сохранялся вплоть до середины 80-х гг. XX века, когда советские историки смогли добиться признания необходимости изучения истории противников большевизма – в оправдание говорилось о возможности таким образом еще более выпукло продемонстрировать историческую правоту и неизбежность победы Коммунистической партии [5]. Это, в свою очередь, наряду с сохранявшими силу ограничениями в доступе к архивам, снижало научную значимость многих творческих начинаний.

Можно констатировать, что белое движение в рассматриваемый период не являлось самостоятельным предметом изучения. Капитальные труды по истории гражданской войны, созданные в те годы, не включали в себя рассмотрение практически ни одного значительного сюжета из истории белого движения, лишь по мере необходимости касаясь в основном военных вопросов. Это, в частности, относится и к двум первым томам «Истории гражданской войны в СССР», запланированной в 1931 г. Более того, их содержание предваряло события собственно гражданской войны, а приставка в названии – «в СССР» – переносила историческое действие в еще несуществующее государство и надолго закрепилась в советской историографии [6]. Сама же работа над этим изданием со второй половины 30-х годов была свернута, а составители 1 тома репрессированы (Н.В. Крыленко, М.И. Кубанин, В.П. Милютин, Б.М. Таль и др.). Перестали выходить журналы «Война и революция», «Красная летопись».

Тем не менее, в 30-е – 40-е гг. XX века вышел в свет ряд работ, так или иначе затрагивавших интересующую нас тему [7]. Аспекты, которые в них рассматривались, избирательно нацеливали читателя на формирование официальной партийной доктрины истории советского общества и утверждение культа личности Сталина, что и предопределяло трактовку

белого движения. Тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения СССР к социализму подтверждался поиском истоков в событиях недавнего прошлого и в действиях недобитых в гражданской войне белых, поддерживаемых антисоветской эмиграцией и капиталистическим окружением из-за рубежа. Место конкретной истории, факта и документа занимали цитаты из трудов лидеров, прежде всего Сталина, партийных решений, искажения, мифы и умолчания, бездоказательная критика уничтоженных или оказавшихся за пределами страны оппонентов власти и столь же безудержное восхваление последней.

И. Кутяков («Разгром белой казачьей армии». М., 1931) широко использовал оперативные документы штаба белоказаков и одним из первых проанализировал военные события на востоке страны зимой 1918/1919 г., мало уделив внимания политической ситуации на Урале. Впрочем, эта книга содержит немало объективных наблюдений о военных аспектах белого дела на Урале, хотя внутреннее состояние казачьего движения не рассматривается, педалируется выдающаяся роль большевистских организаций и советских воинских частей в ходе войны.

Стройневой идеей всех работ о революции и гражданской войне было, конечно, обоснование классового критерия как определяющего и всенародной поддержки большевизма. Через эту призму рассматривались все события периода. Весьма важный в истории гражданской войны в Поволжье эпизод, связанный с восстанием ижевских рабочих против Советской власти в 1918 г., казалось, опровергал тезис о пролетариате как безоговорочно и монолитно вставшем на сторону большевиков классе. Но в ущерб корректному анализу причин восстания и его значения историки шли на поводу у политики.

Поэтому, в частности, в статье В. Максимова «Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание» (Историк-марксист. 1932. Т.4-5. С.109-162) утверждалось, что оно явилось звеном в

цепи общероссийской контрреволюции, участниками его была, прежде всего, кулацкая прослойка на заводах, состоявшая в партии эсеров и проводившая контрреволюционную работу в деревне. Декларативное признание экономических трудностей, ошибок большевистских организаций и связи рабочего, крестьянского и национального вопроса сопровождалось в статье искусственным завышением уровня сознательности, планомерности выступления рабочих как предусмотренного не только «злейшими врагами» социализма и Советов – эсерами и меньшевиками, но и мировой контрреволюцией.

Автор выполнял общую задачу разоблачения социалистических противников партии коммунистов и доказательства авангардной роли и готовности российского рабочего класса к социализму. В этом ключе заявлялось, что только зажиточно-кулацкая часть крестьян, бывшие привилегированные рабочие и отдельные элементы наиболее отсталых представителей трудящихся отступили с белыми и воевали в армии Колчака в воткинской и ижевской дивизиях – подлинных пролетариев там не было. Только в настоящее время историки приступили к научному выявлению как классовых, так и других критериев политического поведения разных социальных групп общества в условиях революции и гражданской войны.

В целом вышедшие в эти годы работы, касавшиеся истории белого движения, сосредоточивались на тех ее аспектах, которые помогали решению насущных политических задач, идеологическому обоснованию курса партии на индустриализацию и насилиственную коллективизацию крестьянства. Примером служит книга Н.Т. Лихницкого «Классовая борьба и кулачество на Кубани» (Ростов н/Д, 1931). В ней обзор истории кубанского крестьянства и казачества с дореволюционных времен до конца 1929 г. подчинен доказательству верности тезиса об обострении классовой борьбы в связи с социалистическим строительством, подкреплению его фактами недавнего прошлого.

Показательно в этой связи, что факт автономизма казачества, его федералистские устремления расцениваются как неотъемлемая черта «поместной контрреволюции», а сословные противоречия, имевшие глубокие исторические корни и серьезно влиявшие на расстановку сил и ход войны в регионе, толкуются исключительно как результат происков кулачества. Решающую роль в переходе больших масс казачества на сторону контрреволюции, доказывал автор, сыграли не ошибки местных Советов и большевиков, а Деникин, который при помощи немецких войск захватил Краснодар в августе 1918 г. и возглавил кубанскую контрреволюцию, да иностранная поддержка ее. При этом середняки и часть бедноты воевали за своих классовых врагов под ширмой борьбы за казачьи традиции [8].

В то же время Лихницкий пытался выявить реальные противоречия между Кубанской Радой и деникинским командованием, показать неоднородность последнего, влияние национального фактора и социально-политических отношений разных групп населения (прежде всего казачества и иногородних) на перипетии борьбы за власть на Кубани. Однако основу контрреволюции, доказывал он, составило именно кулачество – и казачье, и иногороднее, сохранившее свою контрреволюционность и боровшееся против социалистических преобразований уже в конце 20-х – начале 30-х гг. XX века и, соответственно, подлежавшее уничтожению как класс.

События гражданской войны на Юге России рассматривались и в других работах. Например, причины успешного наступления Деникина в середине мая 1919 г. А.И. Егоров («Разгром Деникина (1919 г.)». М., 1931) также, как и Кутяков, освещает с точки зрения положения и действий частей Красной армии, не анализируя собственно военную операцию и другие события в лагере противника. Вследствие переориентации историков на доказательство решающей роли Южного фронта и боев на Царицынском участке в 1918 г. под ру-

ководством Сталина в исторической литературе появилось утверждение, что целью Добровольческой армии в это время был захват Царицына, тогда как центром борьбы была Кубань (Генкина Э.Б. «Борьба за Царицын в 1918 году». М., 1940. С. 8, 45, 170).

Одна из немногих работ тех лет, специально посвященных истории Добровольческой армии, – статья А.В. Четыркина «Развал фронта и разложение армий Деникина» [9]. Она обильно снабжена высказываниями Сталина и аргументацией «Краткого курса истории ВКП(б)» и объясняет поражение Деникина исключительно классовыми причинами, отсутствием контакта между тылом и фронтом, антинародной политикой режима, а его временные успехи – помощью интервентов, колебаниями крестьянства и казачества, изменой отдельных советских военачальников, «покровительствуемых предателем Троцким» и т.п. Изложение общеизвестных фактов заменяет серьезный детальный анализ динамики социально-политической ситуации в районе действия Вооруженных Сил Юга России, взаимоотношений руководителей антисоветских организаций, их программ и повседневной политической линии. Аналогичную направленность имели работы обобщающего плана, такие, как книга С. Рабиновича «История гражданской войны в СССР» (М., 1933, 2-е изд. 1935), а также тематические, например, В. Меликова «Героическая оборона Царицына (1918)» (М., 1938; 2-е изд. 1940), В.В. Хрулева «Чехословацкий мятеж и его ликвидация» (М., 1940), П. Софинова «Чехословацкий мятеж» (Исторический журнал. 1940. № 12) и др.

В годы Великой Отечественной войны и до середины 50-х гг. XX века историки направляли свои усилия на укрепление патриотизма и интернационализма советских людей с помощью уроков исторического опыта, обращая внимание на военные операции и строительство Красной Армии в 1918–1920 гг., развитие подпольного и партизанского движения, взаимодействие советских фронтов и тыла, деятельность партий-

ных организаций и т.д. Белое движение как самостоятельный предмет изучения по-прежнему не выдвигалось. В литературе, посвященной истории гражданской войны, тема затрагивалась только сквозь призму деятельности РКП(б) и успехов Красной Армии, ограничивалась шаблонной риторикой и общими рассуждениями.

Так, в книге М.Н. Корчина «Донское казачество (Из прошлого)» (Ростов н/Д, 1949) говорится, что победа атамана Ка-ледина на Дону в декабре 1917 г. была обусловлена пассивной позицией широких масс, слабым пролетарским влиянием, недостаточной политической сознательностью, наивностью и усталостью от войны, а также тем, что большевистские организации просто «не успели организоваться» и воспитать массы в революционном духе. Вместе с тем в последующем описании автор явно преувеличивает социалистическую сознательность масс, оперирует воинственной терминологией в разоблачении белых (П.Н. Краснов, например, – просто наймит германского имперализма), подкрепляя ее цитатами из «Краткого курса истории ВКП(б)», речей и докладов И.В. Сталина – продолжателя дела В.И. Ленина, вождя и организатора всех побед на фронтах гражданской войны, доказывая исключительную роль К.Е. Ворошилова в действиях 5 армии в мае – июне 1918 г. [10].

Рубежными для советской исторической науки стали годы т.н. «оттепели», когда дали о себе знать тенденции относительной демократизации, развивавшиеся в противоборстве с консервативно-охранительным направлением, которое с конца 60-х гг. возобладало. В 1956-1957 гг. стали выходить новые исторические журналы («Вопросы истории КПСС», «История СССР», «Новая и новейшая история» и др.) и в то же время подвергся резкой критике журнал «Вопросы истории». В них, в частности, развернулась дискуссия о пересмотре сталинской трактовки истории гражданской войны. Вместе с тем основные постулаты старой концепции всей истории страны

оставались почти неизменными, а ее модификации ограничивались рамками постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий».

После прихода к власти Л.И. Брежнева усилилась тяга к реанимации отживших схем и догм, утверждался тезис о недопустимости «очернения» нашего прошлого, ужесточились правила доступа исследователей к архивам. Непрерывный и прогрессирующий отход исторической науки в 70-х – первой половине 80-х гг. XX века от решений ХХ съезда КПСС к сталинским стереотипам сделал невозможным сколько-нибудь серьезное продвижение вперед в изучении истории белого движения.

Короткий период либерализации политического режима в СССР сделал возможным определенный прорыв в изучении целого ряда тем, в том числе истории гражданской войны и белого движения. Особенно заметно это стало к середине 60-х годов. Вышли в свет 3-5 тома «Истории гражданской войны в СССР» (в 1954 г. после критической переоценки запланированного в 1931 г. издания было решено подготовить не 16, а 5 томов), 3 том «Истории КПСС», 4 том «Истории СССР», трехтомник документов «Из истории гражданской войны в СССР» (М., 1960-1961) с включением и некоторых документов белого лагеря [11]. Появился ряд новых монографических исследований [12], мемуаров и трудов участников гражданской войны [13]. Для литературы этих лет стал характерен отход от чисто военной тематики и расширение источников базы исследований, большее разнообразие изучаемых сюжетов и проблем, освобождение от явно ненаучных политизированных поступатов сталинской историографии.

В то же время любые попытки выйти за рамки заданной доктрины, в которой объектом критики стал культ личности И.В. Сталина, а не коренные вопросы политической истории СССР, решительно пресекались. Например, выход в свет сборника «Великая Октябрьская социалистическая революция и

победа Советской власти в Армении» в 1957 г., где были представлены документы дашнакского правительства, был встречен резкой критикой. Обнародование этих источников квалифицировалось как политическая ошибка. Когда же после XXII съезда КПСС режим публикации источников несколько либерализовался, этот факт рассматривался уже как сильная сторона издания [14]. Однако требование соответствующего комментирования «вражеских» документов выполнялось неукоснительно и служило рецептом их использования для исследователей.

В целом благодаря усилиям советских ученых были критически пересмотрены ключевые вопросы истории гражданской войны. В статьях и книгах С.Ф. Найды, Н.Ф. Кузьмина, С.С. Хесина, В.П. Наумова и др. [15] опровергались ошибочные и фальсификаторские версии событий гражданской войны и роли отдельных личностей в ней, прежде всего связанные с культом личности Сталина. Советские историки сконцентрировали внимание на расширении исследований истории КПСС в 1918-1920 гг., объективной оценке значения тех или иных фронтов и боевых операций на разных этапах войны, ее периодизации, роли рабочего класса и крестьянства в разгроме противников Советской власти при руководящей роли большевиков и пр.

Вместе с тем основополагающие оценки характера, мотивации, программ и политики белого движения и отдельных его представителей и структур остались практически неизменными. Сам белый лагерь не рассматривался специально во всей его многоликости и сложности, а выступал лишь в связи с освещением названных выше сюжетов и тем. Об этом свидетельствуют, например, работы Ф.Г. Попова, И.С. Лутовинова, М.В. Спиридонова, Б.М. Шерешевского, К.В. Хмелевского, И.К. Спатаrella и др. [16]. Например, Попов в книге о Комуче, кстати, крайне бедной архивным материалом, утверждал: «Пришедшее к власти на штыках иностранных интервентов,

это «правительство» так же, как и все другие, было звеном в общей цепи всероссийской контрреволюции. Монархическое, черносотенное офицерство считало более удобным на первых порах действовать под «демократической» вывеской Кому-ча» [17]. По существу эта работа стала в значительной степени простым переизданием более ранней книги того же автора «Чехословацкий мятеж и Самарская учредилка» (Самара, 1932).

В то же время именно в 60-е годы происходит возрождение некоторых из тех суждений, которые признавались очевидными при анализе истории белого движения в первые годы Советской власти. (Вторая после 30-х годов волна их опровержения наступила в 70-е – 80-е годы XX века). В частности, появились более трезвые оценки специфики феномена казачества и его роли в антисоветской борьбе [18].

Одна из наиболее примечательных работ о военных событиях 1918–1920 гг. была написана советским военачальником времен гражданской войны Г.Х. Эйхе [19]. В отдельной главе «Колчакия» он проанализировал военные и политические особенности белого движения на востоке страны, а также рассмотрел ход военных действий и разгрома армии Колчака. Автор, стремясь освободить картину прошлого от искажений и умолчаний, характерных для 30-х гг. XX века, в основу своих оценок положил ленинские работы.

Колчаковщину он определил как военно-политическое явление в истории русской революции, маскирующее контрреволюционную суть фразами и лозунгами о «демократии», поддерживаемую и вдохновляемую эсерами и меньшевиками. При этом решающая роль в создании белогвардейских сил на востоке отводилась чехословацкому мятежу, подчеркивалась их зависимость от союзников-интервентов и отличие в применении лозунгов и приемов идеально-политической борьбы (при одинаковости классовой сути и конечных целей) от режима Деникина : если «южная контрреволюция шла напролом», то

Колчак проводил более гибкую политику в отношении крестьян, национальных меньшинств и др. [20].

В книге содержится объективный анализ взаимоотношений внутри лагеря белых на востоке страны с точки зрения военных обстоятельств, причин поражения Советов летом 1918 г. и колебаний политических настроений крестьянства Сибири (от отстраненности и пассивного созерцания событий к неприятию реставраторской политики белых и активному противлению ей, с учетом различий между т.н. старожилами и новоселами в отношении к власти Колчака), контрреволюционной позиции казачества. Автор считал необходимым, как и другие историки второй половины 50-х – 60-х гг., отказаться от сталинской периодизации истории гражданской войны по походам Антанты, обосновал ошибочность изложенной в четвертом томе «Истории гражданской войны в СССР» (М., 1959) точки зрения о главном направлении действий Колчака и ряда других положений.

Заслугой историка является вскрытие глубинных пороков власти и армии, белых в Сибири, предопределивших их поражение (неумение организовать и провести операцию в масштабе фронта, добиться взаимодействия соседних армий; стремление удержать захваченное пространство, даже если это ведет к распылению сил и нарушению их взаимодействия; разрушительный смысл самой идеи создания армии контрреволюции за счет классово враждебных буржуазии масс трудающихся, насильтственный характер объединения в колчакии антагонистических социальных сил).

Наряду с этим он показал, что Колчаку удалось обеспечить проведение мобилизаций и призывов в армию, поддерживать работу железнодорожного транспорта, сохранить за собой важнейшие пункты, районы, ссоединяющие их коммуникации и защитить их от партизан, приспособить некоторые советские идеи и положения для укрепления своей власти. К ним относятся формирование особых воинских частей из на-

дежных солдат («егерских»), вовлечение кулачества и середняков в борьбу против повстанческого движения, создание специальных агитационно-пропагандистских органов, принятие закона о трудовой повинности, создание совета обороны и др. [21]. Впрочем, это было не столько заимствование, сколько жесткое веление военного времени, политического прагматизма и здравого смысла, в котором советские историки белым традиционно отказывали.

Впервые в научный оборот В.Д. Поликарповым были введены материалы о деятельности ставки верховного главнокомандующего и калединского войскового правительства на Дону (Поликарпов В.Д. «Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917 – февраль 1918 г.» М., 1976). Ю.К. Кириенко («Крах калединщины». М., 1976) проанализировал состояние классовых сил на юге России.

Остановимся более подробно на работах В.Д. Поликарпова. В них основательно разбирается одна из важных проблем историографии гражданской войны – ее начало: причины, время, соотношение сил революции и контрреволюции, прежде всего роль армии и ее командования. Автор рассматривает только вооруженную борьбу как форму классового противоборства и показывает общероссийский масштаб контрреволюции. Важно, что одним из немногих в те годы Поликарпов сделал ее специальным предметом исследования. Так, Быховское сидение он определяет как своеобразный семинар для верхушки зарождавшегося белого движения, а бегство бывших царских генералов на Дон как практический шаг к сколачиванию его ядра.

Историк не отходит от заданного социального заказа, но и в его ограниченных рамках, возлагая всю ответственность за развязывание гражданской войны на противников Советов и большевиков, дает масштабную картину ее зарождения в стане врагов революции, приводит многочисленные новые документы и материалы о деятельности не только Ставки как

центра контрреволюции страны, что уже отмечено, но и об «Алексеевской организации» в двух столицах в конце 1917 г., о правительстве атамана Каледина, выработке программы Добровольческой армии и т.д. [22].

Он к тому же дает критические оценки работ эмигрантских и зарубежных авторов, ряда советских историков. Здесь, впрочем, нельзя согласиться с мнением Поликарпова об ошибочности рассмотренной выше точки зрения историка 20-х гг. Анишева о дифференциации белого движения и контрреволюции на Юге России. Последний, как известно, дал довольно точную характеристику противоречий между белым командованием с его централистскими великодержавными проектами и весьма самостоятельным казачьим автономизмом. Поликарпов же считает, что это были лишь этапы в развитии тенденции контрреволюции с мест продвинуться к завоеванию общероссийской власти.

Интересно замечание автора о термине «белая гвардия» – он относит его к первое упоминание к октябрьским боям 1917 г. в Москве, указывая также, что употреблялся он и в 1905–1906 гг., особенно в Одессе [23]. В ценной историографической работе «Начальный этап гражданской войны (История изучения)» (М., 1980) Поликарпов продолжает развивать свою научную позицию. Начальный этап войны он датирует тремя с половиной месяцами, начиная с октября 1917 г., и предлагает анализ историографии вооруженной борьбы в этот период, настаивая на ответственности контрреволюции за войну. В монографии обосновывается положение об отсутствии у белых единой военной стратегии и слабости их политической консолидации.

Следует отметить и продолжение в изучаемый период отдельных исследований по истории гражданской войны и в том числе контрреволюции в разных регионах страны. Например, в 1985 г. в Минске вышла монография Н.С. Сташкевича «Приговор революции: крушение антисоветского движения в Белоруссии».

руссии (1917–1925)». Автор не отходит от традиционной концепции обреченности банкротства мелкобуржуазных партий и национальных, прежде всего Белорусской Народной Рады, лишь в сжатом виде представляя саму их историю.

Важным достижением советской историографии 60-х годов является появление и развитие в последующие годы практически нового направления – более углубленное изучение истории т.н. мелкобуржуазных партий – эсеров и меньшевиков, анархистов и др., которое было продолжено и в последующем. Стало утверждаться мнение о правомерности изучения «вражеского лагеря» для всестороннего раскрытия антинародной сущности контрреволюции и исторической неизбежности ее краха. Преподносимая по-прежнему сквозь призму победоносной борьбы большевиков против соглашательской и контрреволюционной политики этих социалистических партий и организаций, картина участия отдельных политических образований в революции и гражданской войне стала благодаря этому более полной и, прежде всего, касалась, естественно, бего движения [24].

Эта работа была дополнена изучением в целом непролетарских, т.е. и несоциалистических партий, в том числе в ходе регулярных научных конференций и симпозиумов, которые по решению отделения истории АН СССР проводили Научный совет АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», Институт истории АН СССР и Калининский государственный университет [25]. В поле зрения ученых находились вопросы деятельности эсеров, трудовиков, меньшевиков в период революции и гражданской войны, кооперативных и других общественных организаций, отдельные аспекты их программ и политики, прежде всего аграрный, а также т.н. националистических партий и движений.

Остановимся на наиболее значимых результатах развития этого направления исторической мысли. Всего от начала

60-х до середины 70-х гг. XX века было опубликовано около 500 книг и статей, в т.ч. более 20 крупных монографических исследований по истории политических партий России [26]. Наиболее важными в этом плане являются труды К.В. Гусева (также в соавторстве с Х.А. Ерицяном), В.В. Гармизы, Л.М. Спириной, Г.З. Иоффе, Н.Г. Думовой [27]. В частности, исследования К.В. Гусева значительно продвинули советскую историографию вперед в воссоздании истории партии эсеров, участия ее организаций и представителей в белом движении.

Он выделил три этапа послеоктябрьской истории мелкобуржуазных партий в целом и соответственно их роли в антисоветской борьбе: 1) организация борьбы за свержение Советской власти, 2) передача первенства в ней до весны 1920 г. интервентам и белогвардейцам, 3) возобновление лидерства в лагере контрреволюции в конце гражданской войны и при переходе к мирному строительству. При этом Гусев, как и Спирин, относили кризис «демократической контрреволюции» к середине 1918 г., несмотря на ее активное участие в белом движении и впоследствии.

Деятельность противников большевизма эти и другие авторы всегда рассматривали в соответствии с генеральной установкой официальной науки – сквозь призму борьбы пролетариата и его политического авангарда с буржуазией, помещиками, их партиями и соглашательскими союзниками – эсерами и меньшевиками. Несмотря на то, что многие конкретные сюжеты истории белого движения в такой постановке исключались из рассмотрения, благодаря названным работам открылся простор для творческого поиска отечественных ученых в ранее совершиенно или почти забытых сюжетах истории гражданской войны.

В изданной в 1977 г. монографии «Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.)» Спирин на ранее неизвестных архивных источниках впервые в обобщенном виде представил историю возникновения, разви-

тия и крушения всех политических организаций противников революции, заложил основы изучения социальной природы, сравнительного анализа деятельности партий, представленных в белом движении, в отдельных регионах страны. Несомненную ценность представляет приложение, в котором автор классифицировал сведения о помещичьих и буржуазных партиях, указав их лидеров, центральные органы, численность в разные периоды революции и войны, представительство в Государственных Думах, количество полученных на выборах в Учредительное собрание голосов, время возникновения и распада.

Значительное число использованных в работе свежих документов, ее солидная фактическая основа и новизна самой тематики для советской историографии заслуживают высокой оценки, несмотря на то, что теоретико-методологические подходы автора не претерпели изменений, что, впрочем, объясняется, прежде всего, условиями работы советских ученых. Известные принципы партийности, классового подхода, опора на ленинские труды и решения КПСС как первоисточник в научном творчестве и т.д. оставались незыблемыми.

Непролетарские партии объявлялись главной организующей силой в борьбе против Советской власти, что и служило естественным оправданием их разгрома и полной ликвидации пролетариатом и его партией. К тому же, «в годы гражданской войны и интервенции одна часть буржуазии и помещиков грабила Россию вместе с немецкими капиталистами, другая – вместе с англо-французскими и американскими». Наличие же различных мнений и действий в непролетарских партиях, в отличие от монолитного единства большевиков, рассматривалось как одна из самых больших их слабостей [28]. Действительно, политический и мировоззренческий плюрализм – неотъемлемые свойства демократии – составили серьезную проблему для белого движения в условиях объективно необходимого единства воли и действий в ожесточенной борьбе за

власть, но отвергались они советской идеологией как принципиально неприемлемые в любых обстоятельствах.

Во многом новое слово в изучении белого движения сказали В.В. Гармиза и С.Г. Лившиц. Последний достаточно детально разобрал историю Временного Сибирского правительства как одного из оплотов антисоветской борьбы на востоке страны [29]. В трудах Гармизы [30] использован сравнительно-сопоставительный метод анализа программы и политики эсеровских правительств, дифференцированы различия в организации, структуре и деятельности Комуча, Временного Сибирского правительства и Директории, определены социально-политическая сущность и значение заключенного в Уфе в сентябре 1918 г. временного и неустойчивого компромисса буржуазии и помещиков с мелкой буржуазией в лице соглашательских партий.

Благодаря этим и другим исследованиям становилась очевидной необходимость признания сложности и многогранности белого движения, но в праве на выдвижение и отстаивание собственных альтернатив общественно-политического устройства страны и вывода ее из кризиса советская историография ему по-прежнему отказывала. Вообще неполитизированное, без априорной заданности выводов сравнение моделей, сочетавших в себе административные и рыночные рычаги управления, признание успешности ряда мероприятий белых в социально-политической и экономической сферах и их непредвзятое детальное изучение, причин и значения массовой поддержки антисоветских правительств и организаций на отдельных этапах войны не предпринималось. Приведем в качестве примера типичное с этой точки зрения суждение Ю.В. Журова: «Буржуазия в целом, несмотря на сопротивление наиболее реакционных и довольно влиятельных ее слоев, не могла обойтись без хотя бы куцей аграрной реформы, и не только потому, что этим она пыталась привлечь к себе мелкую буржуазию деревни, но и потому, что

интересы расширенного капиталистического воспроизводства, извлечения прибыли, расширения внутреннего рынка властно требовали реформы прогнившего общественного строя деревни» [31].

Важный вклад в изучение истории белого движения внесли труды Г.З. Иоффе. Основанные на широком круге новых архивных и других источников, написанные ярким языком, густо населенные персоналиями, снабженными образными характеристиками и портретами, они представили монархическое крыло антибольшевистского лагеря как сложное, неоднородное социально-политическое явление. Ученый проанализировал социальный состав, эволюцию программы и политической практики российских монархистов и их организаций, обосновал ведущую роль кадетов в объединении всех антисоветских группировок, проследил взаимоотношения внутри них и основное содержание деятельности белых правительств. В книге подтверждается сделанный ранее вывод о различиях в монархических ориентациях режимов Колчака и Деникина: первый определенное время прикрывался ширмой «демократической контрреволюции», тогда как второй изначально и откровенно опирался на собственную кадетско-монархическую основу.

Как и другие историки, Иоффе указывал на бесплодность попыток социалистов играть роль «третьей силы» и кадетов проводить «среднюю линию» – и та и другая свелись к капитуляции перед реакционерами и монархистами. Оставаясь на позиции разоблачения контрреволюции во всех ее ипостасях, он также отвергал наличие демократического потенциала и реализации его элементов в политике белых (это относится, например, к оценке деятельности подготовительной комиссии по разработке вопросов о всероссийском представительном органе учредительного характера, созданной при правительстве А.В. Колчака, аграрной политики П.Н. Врангеля и др.) [32].

Следующая работа этого историка была посвящена белому движению в Сибири [33]. Колчакию, следуя ленинской терминологии, он считал не локальным явлением, а важнейшей частью всероссийской контрреволюции, наиболее полно раскрывающей ее эволюцию от лозунга «чистой демократии» и третьей силы к монархизму.

Иоффе практически первым сосредоточил внимание на анализе внутреннего состояния колчаковского лагеря и его политической истории, привлек большое число неизвестных ранее документов и материалов разного происхождения, в том числе дневников и мемуаров героев антисоветской борьбы на востоке страны. Отвергая тезис западных историков о либерализме Верховного правителя, одним из первых в отечественной историографии он создал полновесный, хотя и не всегда объективный, политический портрет одного из лидеров белого движения – А.В. Колчака.

В монографии освещается история формирования идеологии и организационных структур белого дела, их эволюция на разных этапах гражданской войны, делается вывод о том, что эсеро-монархическая коалиция строилась на взаимных просчетах и неизбежно должна была рухнуть, подробно исследуются механизм переворота 18 ноября 1918 г. в Омске, зигзаги «эсера-кадетизма» в зависимости от развития военно-политической ситуации и бонапартизм политики Колчака [34].

Существенную роль в расширении представлений белом движении сквозь призму истории партии кадетов сыграла монография Н.Г. Думовой «Кадетская контрреволюция и ее разгром. Октябрь 1917–1920 гг.» (М., 1982). Ей удалось ввести в научный оборот значительный комплекс новых источников, прежде всего документы самой партии народной свободы мемуары, материалы личного характера. Это позволило более предметно выявить процесс выработки и изменений кадетами политического курса в условиях гражданской войны, их кон-

крайнее участие в организации борьбы против большевизма и Советской власти в разных регионах, природу и существо идеальных и тактических расхождений в кадетской среде на отдельных этапах и по наиболее актуальным проблемам деятельности белых правительства. Думова проследила динамику взаимоотношений кадетов с т.н. мелкобуржуазными партиями, вычленила их оценку разных антисоветских правительства, прежде всего Директории 1918 г. как компромиссной, переходной формы коалиции разнородных сил белых. Она поддержала общепринятую оценку роли кадетской партии как идеологического авангарда и политического организатора антисоветской борьбы и белого движения.

Соглашаясь с точкой зрения Иоффе, Спирина и других авторов о тесной взаимосвязи контрреволюционных центров и объединяющей роли в них кадетов, их твердой приверженности военно-буржуазной диктатуре и декларативном характере заявлений о демократии, антинародной сущности и закономерном провале внутренней политики белокадетов, Думова вместе с тем высказала свой взгляд на отдельные вопросы. В частности, она считала неверным вывод Иоффе о центризме Национального центра и обосновывала его подчиненность правомонархическому Совету государственного объединения России (СГОР) как реальной силе, нежелание многих либералов в деникинском лагере сотрудничать с эсерами и меньшевиками, использование их лишь в качестве фальшивого прикрытия для обмана трудящихся и умиротворения зарубежных покровителей.

Думова полемизировала и со Спириным, считавшим, что партия народной свободы все-таки не дошла в своей политике в стане белых до идеи реставрации царизма. Независимо от субъективных стремлений кадетов, доказывала она, объективно главной силой была монархическая военщина, и даже со скидкой на военное время режим, создаваемый по их инициативе мог быть даже гораздо хуже дореволюционного. Думова

последовательно отстаивала тезис о реакционности, монархизме, антинародности кадетской политики и организации, отводя разногласиям в проектах, действиях и идеологии ее лидеров и организаций сугубо второстепенное место, считая их отражением специфики окружающей обстановки.

В работе значительное место отведено критике трудов западных историков российского либерализма и опровержению их выводов о демократизме кадетов. Его проявления (например, Крымский эксперимент, попытки сотрудничества с эсерами и меньшевиками) объясняются не вполне естественным изменением политического курса в соответствии с объективными обстоятельствами, а лицемерием, страхом перед трудящимися и осознанной классовой ненавистью и пр. [35].

Определенный итог изучению истории непролетарских партий к середине 80-х гг. был подведен в коллективной монографии «Непролетарские партии России. Урок истории» (М., 1984). Значительное место в ней отведено деятельности этих партий в рядах антисоветского лагеря, доказательству их виновности в развязывании гражданской войны, обоснованию пособнической роли т.н. мелкобуржуазных партий умеренных социалистов и иллюзорности их попыток реализовать идею «третьего пути», антинародной деятельности белых правительств.

В работе резюмируются результаты советской историографии и дается определение понятия «белое движение» или «белое дело» как самостоятельного течения в общероссийском потоке российской контрреволюции. Монархисты были его ведущей силой, наиболее реальными выразителями идеологии и политики белогвардейщины, а социальную базу составили помещики, кулаки, дворянство, духовенство, крупная и мелкая городская буржуазия, деклассированные элементы, за которыми пошли несознательные слои рабочих и крестьян. Белое движение объединило, как указывалось далее, партии черносотенцев, бывших октябристов, нацио-

налистов и прогрессистов, правых кадетов и промежуточные течения. Ударной силой его было офицерство, а руководство осуществляли верхи генеральско-монархической контрреволюции.

Идеология и программа белого дела, как считали советские историки, включала провозглашение примата православия, верности «историческим началам», непредрешения государственного строя до «умиротворения» и проведения Учредительного собрания, возрождения «единой, неделимой и великой России». На самом же деле она означала великодержавный шовинизм, прикрытый демагогическими претензиями на надклассовость, надпартийность и патриотизм, стремление к возрождению монархии столыпинского образца. Политика же непредрешения имела не принципиальное, а чисто тактическое значение для расширения социально-политической базы белых, демократического прикрытия антинародной и реставраторской политики.

В монографии также дается сводная картина развития программы, тактики, географии белого движения сквозь призму деятельности партий, представленных в нем, включая т.н. националистические [36].

Таким образом, в конце 60-х – начале 80-х гг. XX века отечественная историография пополнилась новыми трудами, в значительной мере расширявшими конкретно-историческую картину развития белого движения с точки зрения его партийно-политической основы, идеологии и практики. Исследование истории т.н. непролетарских партий в годы гражданской войны, даже в основном с позиций борьбы против них большевиков, позволило приподнять завесу над запретными для объективного исследования сторонами этого этапа отечественной истории.

Значительно менее плодотворным было изучение судьбы казачества в годы гражданской войны и его роли в белом движении. По существу, позитивных сдвигов здесь – ни в расши-

рении фактологической основы, ни в концептуальном отношении – не произошло [37].

В целом же только в периодических журналах за 1956–1977 гг. было опубликовано более 1500 материалов по истории интервенции и гражданской войны [38]. Одним из примеров изучения истории гражданской войны к середине 80-х годов XX века можно считать коллективный двухтомный труд «Гражданская война в СССР» [39]. Авторы (общая редакция Н.Н. Азовцева) строго следовали установленным образцам и стереотипам историко-партийной концепции в объяснении природы, программы, политики и судьбы белого движения, уделяя этим вопросам второстепенное внимание и сосредоточившись главным образом на военно-политических аспектах истории гражданской войны, придерживаясь заданности и односторонности оценок – от оглавления до содержания всех глав монографии.

В определенной итоговым трудом можно считать подготовленную в 1984 г. в 1985 г. монографию Л.М. Спирина и А.Л. Литвина «На защите революции: В.И. Ленин, РКП(б) в годы гражданской войны: историографический очерк». Авторы подсчитали, что за годы Советской власти по теме истории гражданской войны вышло около 15 тысяч книг, брошюр, статей) [40]. В монографии выделены этапы развития исследований, изложена как базовая для советской науки ленинская концепция гражданской войны. Основное внимание уделено историографии деятельности В.И. Ленина и партии по созданию и укреплению Красной Армии, организации вооруженной борьбы с контрреволюцией и интервенцией на фронтах, в тылу, в идеологической и политической сферах.

К завершающим доперестроечный этап историографии гражданской войны можно отнести и выход в 1986 году второй книги двухтомного издания «Гражданская война в СССР» – «Решающие победы Красной армии. Крах империалистической интервенции, март 1919 – октябрь 1922 гг.». Эта

официальна работа подтверждала основы советской методологии изучения проблемы и оценки основных явлений периода гражданской войны, в том числе белого движения.

В ней, в частности, международный империализм квалифицировался как главный виновник развязывания гражданской войны: «Империализм для борьбы против Советской Республики организовал многотысячные белогвардейские армии, ядро которых, особенно армии Колчака и Деникина, составляло реакционное офицерство России. Они были, по существу, армиями империалистов Антанты, существовали и действовали только благодаря огромной помощи империалистических государств» [41].

Утверждение белогвардейских режимов в разных регионах страны рассматривается поэтапно, как переход власти от мелкобуржуазных демократов к буржуазно-помещичьей контрреволюции, устанавливающей военную диктатуру с целью реставрации монархии. Не отступили авторы от установленных постулатов и в оценке идеологии и политики белых. К примеру, по поводу Добровольческой армии говорилось: «Стремление деникинцев к восстановлению «единой, неделимой России» не находило поддержки буржуазно-националистических элементов Украины и Кавказа, мечтавших о создании собственных государств. Учитывая это, администрация Деникина первое время всячески пыталась прикрыть свои монархические цели туманными обещаниями о созыве Национального собрания, местном само управлении, земельных реформах, гражданских свободах и рабочем законодательстве. Это, однако, не мешало ей восстанавливать царские порядки и законы, возвращать земли помещикам, подавлять рабочие организации и национально-освободительное движение» [42].

В работе проводится дифференциация политических оттенков белых правительств. Так, обосновано, что «колчаковское правительство сильнее других белогвардейских режимов выражало идею создания единого всероссийского правительства

тва, поддерживаемую всеми антисоветскими элементами. Его социальной опорой были буржуазия, зажиточные слои казачества и крестьянства, полуфеодальная знать малых народностей, а также бежавшие из центральных районов элементы разбитых эксплуататорских классов. Утверждению белогвардейской диктатуры на первых порах способствовали колебания мелкой буржуазии, особенно сибирского среднего крестьянства» [43].

Мероприятия колчаковской администрации относительно организации местного самоуправления, общественных организаций и другие характеризуются как социальная демагогия. Причины поражения белых также традиционно без полутона усматривались в антинародной, реакционной сущности их программ и практических действий, что в целом соответствовало действительности, но далеко не разъясняло сложность и противоречивость, многоцветность исторического процесса.

Итак, с 30-х до середины 80-х годов XX века советская историография белого движения пережила определенные перемены. От времени полного преодоления методологического плюрализма, запрета на изучение и фальсификации исторической правды в 30-х – начале 50-х гг. ученые перешли к кратковременному ренессансу многообразия мнений, получили относительную свободу дискуссий и творческого поиска, которая в 70-х – первой половине 80-х гг. сменилась смягченным вариантом тоталитаризма, освященного официальными охранительными установками руководства КПСС. Солидная основа для проведения научных исследований позволила вместе с тем расширить публикацию исторических документов, которая однако страдала односторонним подходом, умолчанием значительного числа проблем, искажением по ряду вопросов. Так, только в 1956–1960 гг. было издано около 200 документальных сборников по истории Октября и гражданской войны, тогда как за предшествующие 40 лет – около 100 [44].

В то же время, следуя принципу историзма, следует с уважением относиться к работе отечественных историков в указанный период. В крайне сложных для подлинно свободного научного творчества условиях был сделан определенный шаг в расширении тематики, восстановлении конкретной истории белого движения через призму развития т.н. непролетарских и мелкобуржуазных партий России. Наметились сдвиги в осмыслении политических аспектов истории белого движения, роли различных партийных образований в нем, их взаимодействия, деятельности ряда антибольшевистских правительств. Проведение симпозиумов и конференций по истории политических партий России способствовало возрождению дискуссий, коллективной формы научного творчества, оживлению обмена мнениями.

Однако по-прежнему за рамками исследовательского процесса оставались социальная природа и состав белого движения в развитии (не признавалось или не получало вразумительного объяснения, например, участие в нем на разных этапах разных и достаточно многочисленных групп трудящихся), мотивация его участников, многие важные направления политики антибольшевистских правительств (социально-экономическая, национальная, культурная и др.), военно-исторические аспекты – собственно анализ военных планов, тактики, операций белых армий, политические биографии лидеров белого дела и т.д. Недоступными для ученых были многочисленные фонды архивов, в которых хранились документы антисоветских организаций, движений, политических и военных деятелей и партий контрреволюционного лагеря. Советские историки были практически лишены возможности приобщиться к результатам зарубежной, в т.ч. эмигрантской, историографии, а специальные работы о них сводились, как известно, к огульному отрицанию не только реальных ее достижений, но и самой возможности таковых.

Коренные пороки всей обществоведческой литературы советского периода – опора на догматизированную методологическую базу, идеологизация и конъюнктурность, изоляционизм, вульгаризация и пр. – снижали общую методологическую культуру исследований и негативно отражались на конкретных исторических трудах. Пожалуй, наиболее сильно это сказалось на изучении истории белого движения.

Литература

1. Шелестов Д.К. Советская историография гражданской войны и военной интервенции в СССР // Вопросы истории. 1964. № 2. С.34; История гражданской войны. Проект плана издания. М., 1931; История гражданской войны. План издания, утвержденный Главной редакцией 27 марта 1932 г. М., 1932.
2. Волобуев О.В., Кулешов С.В. Очищение: История и перестройка. М., 1989; Маслов Н.Н. «Краткий курс истории ВКП(б)», – энциклопедия культа личности // Суровая драма народа. М., 1989. С.334-352; Репрессированная наука / Под ред. М.Г. Ярошевского. М., 1991; Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. М., 1992; Советская историография. М., 1996; Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996 и др.
3. Сталин: Сб.ст. к 50-летию со дня рождения. М.-Л., 1930. С. 10, 44.
4. Пролетарская революция. 1929. № 1. Цит. по: Шерман И.Л. Советская историография гражданской войны в СССР (1920-1931). Харьков, 1964. С. 38-39.
5. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 6; Его же. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983. С. 3 и др.
6. Гражданская война 1918–1921 гг. Оперативно-стратегический очерк боевых действий Красной Армии. Под ред. А.С. Бубнова, С.С. Каменева, М.Н. Тухачевского и Р.П. Эйдемана.

М., 1930; История гражданской войны в СССР. Т. 1. Подготовка Великой пролетарской революции (От начала войны до начала Октября 1917 г.). М., 1935; Т. 2. Великая пролетарская революция (октябрь – ноябрь 1917 года). М., 1942.

7. Колчаковщина на Урале. Свердловск, 1929; К 10-летию интервенции. М., 1929; Корнатовский Н. Северная контрреволюция. Гражданская война в очерках. М., 1930; Кандидов Б. Религиозная контрреволюция 1918-1920 гг. и интервенция. Очерки и материалы. М., 1930; Его же. Церковь и гражданская война на юге (материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны). М., 1931; Кутяков И. Разгром Уральской белой казачьей армии. М., 1931; Лихницкий Н.Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов-на-Дону, 1931; Максимов В.А. Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание (1918) // Историк-марксист. 1932. № 4-5; Попов Ф. Дутовщина. М.-Самара, 1934; Петров С.М. Борьба с дутовщиной. Челябинск, 1937; Огородников Ф.Е. Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938; Таубин Р.А. Из истории борьбы с меньшевистской и эсера-кулацкой контрреволюцией в период гражданской войны в бывшей саратовской губернией // Уч. зап. Саратов. ун-т. Сер. ист. фак-та. Саратов, 1939. Т. 1 (XIV). Вып. 1. С.3-46; Федоров А.М. Разгром контрреволюционных очагов Красной гвардией (ноябрь 1917 – февраль 1919 гг.). М., 1940; Четыркин А.В. Развал тыла и разложение армий Деникина // Историч. записки. Т.XII. М., 1941. С. 3-38; Захаров В. Разгром Колчака. М., 1942; Петровский Н. Украинские националисты на службе у немецких захватчиков в 1918 г. // Исторический журнал. 1943. № 7; Коротков И.С. Разгром Врангеля . М., 1948; Корчин М.Н. Донское казачество. Ростов-на-Дону, 1949; Хесин С.С. Разгром белогвардейской авантюры в Карелии в 1921-1922 гг. М., 1949 и др.

8. Лихницкий Н.Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д, 1931. С. 23-29, 39-47, 61-65.

9. Четыркин А.В. Указ. раб.

10. Корчин М.Н. Донское казачество (Из прошлого). Ростов н/Д, 1949. С. 89-91, 160-162.
11. История гражданской войны в СССР. Т. 3, 4, 5. М., 1957, 1959, 1960; Из истории гражданской войны в СССР. М., 1960-1961; Краткая история гражданской войны в СССР. М., 1962; История КПСС. Т. 3. Кн. 2. М., 1968; История СССР. Т. 4. М., 1968.
12. Малышев В.П. Борьба рабочих и крестьян за установление Советской власти на Амуре в 1917-1922 гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1954; Найда С.Ф., Петров Ю.П. Коммунистическая партия – организатор победы на Восточном фронте в 1918 г. // Вопросы истории. 1956. № 10; Кузьмин Н.Ф. К истории разгрома белогвардейских войск Деникина // Там же. 1956. № 7; Его же. Крушение последнего похода Антанты. М., 1958; Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование ДВР. М., 1957; Шурыгин А.П. Коммунистическая партия – организатор и вдохновитель разгрома иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции на советском Дальнем Востоке (1918-1922 гг.). М., 1957; Липатов Н. Некоторые вопросы разгрома врангелевщины // Вопросы истории. 1957. № 12; Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. М., 1957; Минц И.И. История Великого Октября. В 3-х тт. М., 1967-1973 и др.
13. Якир И.Э. Воспоминания о гражданской войне. М., 1957; Путна В.К. Восточный фронт (Штрихи). М., 1959; Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. М., 1960; Блюхер В.К. Статьи и речи. М., 1963; Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. М., 1963 и др.
14. Вопросы истории КПСС. 1958. № 4. С. 171-173; Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М., 1962. С. 546-547.
15. Кузьмин Н., Найда С., Петров И., Шишkin С. О некоторых вопросах истории гражданской войны // Коммунист. 1956. № 12; Кузьмин Н.Ф. К истории разгрома белогвардейских войск Деникина // Вопросы истории. 1956. № 7; Найда С.Ф.

О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР. М., 1958; Наумов В.П. К историографии белочешского мятежа в 1918 г. // Уч. зап. АОН при ЦК КПСС. Вып. 40. 1958. С.142-180; Хесин С. Некоторые вопросы историографии первых лет Советской власти (К завершению издания «Истории гражданской войны в СССР») // История СССР. 1961. № 3. С. 103-115 и др.

16. Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование ДВР. М., 1957; Кузьмин Г.Ф. Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1958; Попов Ф.Г. За власть Советов. Разгром самарской учредилки. Куйбышев, 1959; Кондрашов И.Ф. Очерки истории СССР (1918-1920). М.,1960; Лутовинов И.С. Ликвидация мятежа Керенского-Краснова . М., 1965; Спиридовонов М.В. Политический крах меньшевиков и эсеров в профсоюзном движении (1917-1920 гг.). Петрозаводск, 1965; Хмельевский К.В. Крах красновщины и немецкой интервенции на Дону (апрель 1918 – март 1919). Ростов-на-Дону, 1965; Соловьев О.Ф. Великий Октябрь и его противники. М., 1968; Шерешевский Б.М. Разгром семеновщины (апрель – ноябрь 1920 г.). Новосибирск, 1966; Спаторель И.К. Против черного барона. М., 1967;
17. Попов Ф.Г. Указ. раб. С. 67.
18. Алексашенко А. Крах деникинщины. М., 1968; Агуреев К.В. Разгром белогвардейских войск Деникина . М., 1961.
19. Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966.
20. Там же. С. 5-6, 17, 23-24, 118-120, 125.
21. Там же. С. 265-271, 351-354.
22. Поликарпов В.Д. Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917 – февраль 1918 г. М., 1976. С. 9-12, 28, 36, 54-73.
23. Там же. С. 104, 401.
24. Комин В.В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных партий в России. Курс лекций. Ч. 1-4. Калинин, 1970; Воробьева В.Я. Крах меньшевистской контрреволюции Поволжья и Сибири в гражданской войне. Автореф. дис. ...

канд. ист. наук. М., 1970; В.И. Ленин и история классов и политических партий в России. М., 1970; Щагин Э.М. Крах белогвардейских контрреволюционных союзов в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922) // XXIV Герценовские чтения. Ист. науки (Кр. содержание докладов). Л., 1971. С. 37-40; Его же. О политической борьбе за крестьянские массы Сибири и Дальнего востока в 1919-1922 гг. (Возникновение и крах крестьянских союзов) // Общественно-политическая жизнь советской сибирской деревни. Новосибирск, 1974. С. 19-28; Из истории гражданской войны и интервенции. 1917-1922 гг. Сб.ст. М., 1974; Журов Ю.В. Крестьянство Сибири в годы гражданской войны (1918-1920). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1975; Иванов Б.В. Сибирская кооперация в период Октябрьской революции и гражданской войны. Томск, 1976; Кириенко Ю.К. Крах калединщины. М., 1976; Кузьмин Г.В. Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917-1922 гг. М., 1977; Лосева А.В. Банкротство трудовой народно-социалистической партии (февраль 1917-1922 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; Сергеев В.Н. Банкротство мелкобуржуазных партий на Дону. Ростов-на-Дону, 1979; Берхин И.Б. Вопросы истории гражданской войны в сочинениях В.И.Ленина. М., 1981; Иллерицкая Е.В. Аграрный вопрос: провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981 и др.

25. Материалы конференций по истории непролетарских и мелкобуржуазных партий были опубликованы в специальных сборниках: Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917-1922 гг. В 2-х ч. М., 1977; Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980; Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России. М., 1981; Большевики и непролетарские партии в период октябряской революции и в годы гражданской войны. М., 1982; Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями. М., 1983.

26. Спирин Л.М. Некоторые теоретические и методичес-

кие проблемы изучения непролетарских партий в России // Банкротство мелкобуржуазных партий России. 1917–1922 гг. М., 1977. С. 3.

27. Гусев К.В., Ерицян Х.А. От соглашательства к контрреволюции (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). М., 1968; Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970; Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975; Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968; Его же. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977; Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром октябрь 1917–1920 гг.). М., 1982.

28. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. С.269-270, 280, 296-298; Его же. Некоторые теоретические и методические проблемы ... С. 11.

29. Лившиц С.Г. Крах «Временного правительства автономной Сибири» // Вопросы истории. 1974. № 8. С. 87-98; Его же. Временное Сибирское правительство (июль – ноябрь 1918 г.) // Там же. 1979. № 12. С. 98-107.

30. Гармиза В.В. Указ. раб.; Его же. Директория и Колчак // Вопросы истории. М., 1976. № 10. С. 16-32.

31. Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972. С. 45-46.

32. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С.308-311, 113-114, 126, 167-168, 181, 192, 200, 263-264 и др.

33. Его же. Колчаковская авантюра и ее крах. М., 1983.

34. Там же. С. 5-8,40-49, 56-68, 76-103, 214-215.

35. Думова Н.Г. Указ.раб. С. 104, 157, 194-201, 286-292, 357-362.

36. Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984. С. 13-14, 380, 395, 407, 413-414, 437-440.

37. См.: Ермолин А.П. Революция и казачество. М., 1982;

Футорянский Л.И. Современная советская историография о казачестве в период гражданской войны // Историография гражданской войны и империалистической интервенции (1918-1920 гг.). М., 1983. С. 146-156.

38. Парусимов Я.П. Проблемы интервенции и гражданской войны в СССР в современных периодических журналах. 1956-1977 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 4.

39. Гражданская война в СССР. В 2 т. Т. 1. Подавление внутренней контрреволюции. Срыв открытой интервенции международного империализма (октябрь 1917 г. – март 1919 г.). М., 1980; Т.2. Решающие победы Красной Армии. Крах империалистической интервенции (март 1919 – октябрь 1922 г.). М., 1986.

40. Спирин Л.М., Литвин А.Л. На защите революции: В.И. Ленин, РКП(б) в годы гражданской войны: историографический очерк. Л., 1985. С. 53.

Из других историографических работ рассматриваемого в этом разделе периода см. также: Историография гражданской войны на Урале. Челябинск, 1985; Шишкин В.И. Современная советская историография иностранной интервенции и гражданской войны в Сибири: дискуссионные проблемы. // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917–1922. Новосибирск, 1985; Наумов В.П. Итоги изучения и нерешенные проблемы истории гражданской войны // Защита завоеваний социалистических революций. М., 1986; Литвин А.Л. Советская историография гражданской войны в Поволжье. Казань, 1988; Кривошеенкова Е.Ф. Гражданская война и военная интервенция: историко-партийные аспекты. М., 1989; Наумов И.В. Гражданская война на Дальнем Востоке в советской историографии середины 1950-х – середины 1980-х годов. Иркутск, 1991.

41. Гражданская война в СССР. В двух томах. Том второй: Решающие победы Красной Армии. Крах империалистической интервенции, март 1919 – октябрь 1922 гг. М., 1986. С. 407.

42. Там же. С. 7, 8.
43. Там же.
44. Шелестов Д.К. Советская историография гражданской войны и военной интервенции в СССР // Вопросы истории. 1964. № 2. С. 42.

1.3. Советские историки об антибольшевизме в 1985–1991 гг.: первые попытки переосмысления

Начало перестроечных процессов в СССР весной 1985 г., как известно, повлекло за собой глобальные перемены всего миропорядка и радикальную трансформацию отечественной государственности, всех сторон жизни советского общества. Однако закономерные изменения в развитии исторической науки произошли не сразу. Вплоть до 1987 г. необходимость решительного отказа от явно устаревших представлений и подходов и качественного обновления методологического и конкретного фактического и методического арсенала отечественной истории еще не осознавалась. Ученые, как и вся страна, по-прежнему работали, руководствуясь постулатами и установками идеологического аппарата КПСС о перспективах реформированного социализма. Призывая учить по-новому мыслить и действовать, он и в конце 1986 г. отстаивал традиционные взгляды [1]. Сохранялось и бережное, основанное на многолетней практике воспитательной и идеально-политической работы, отношение к отечественной истории как непреходящему источнику патриотизма, высокой нравственности и в то же время непререкаемого доказательства безошибочности избранного в 1917 году пути.

Вместе с тем 1987 год, отмеченный как 70-летие Великого Октября, ознаменовался резким нарастанием не только интереса к истории, которая стала в течение последующих двух лет

самым чувствительным элементом общественного сознания, но и остро критической оценкой советского опыта. Более того, именно история превратилась в один из важнейших инструментов политической борьбы. В 1987–1989 гг. начались коллективные обсуждения «белых пятен» и дискуссионных вопросов прошлого, вышли сборники статей и диалогов по многим актуальным сюжетам [2]. Эта позитивная практика закрепилась и получила дальнейшее развитие.

В ходе дискуссий удалось обозначить важнейшие направления научного поиска. Показательно, что инициаторами здесь выступили ведущие специалисты по истории революции и гражданской войны, в ортодоксальной преданности которых партийной доктрине никто не сомневался. Так, на Всесоюзной научной конференции «Великий Октябрь и гражданская война. Исторический опыт и современность» (24–26 февраля 1987 г., Казань) академик И.И. Минц признал: «Долгие годы были свернуты целые направления в изучении истории революции и контрреволюции», – и констатировал отсутствие анализа сил и характеристики «главарей» (старая обличительная терминология была еще приемлема) контрреволюции в работах по истории гражданской войны и империалистической интервенции. Л.М. Спирин призвал вводить в оборот документы противников большевизма, а Н.П. Ерошкин подчеркнул, что в большинстве трудов их действия, история белогвардейских правительств не освещается [3]. Это предвещало появление нового, отдельного предмета изучения – истории белого движения.

Серьезный сдвиг в историографической ситуации, осознании историками новых задач и внутренней переоценке их собственных позиций, методов и объектов научной деятельности, однако, сразу привел к преодолению кризиса исторического знания, начавшегося до середины 80-х годов. Более того, именно тогда в науке и особенно публицистике явственно дали о себе знать конъюнктурность, дилетантизм

и новая догматизация, приводящие к очередной мифологизации общественного сознания и разрушению исторической памяти.

Объективные трудности обновления методологии науки дали о себе знать в трудах, продолжавших начатую в предшествующие годы практику изучения т.н. непролетарских партий и в целом партийно-политической системы страны в начале XX века. С одной стороны, в работах Л.М. Спирина, М.И. Басманова, К.В. Гусева, В.А. Полушкиной, П.Н. Дмитриева, П.А. Подболотова, В.К. Григорьева и других авторов содержался новый фактический и документальный материал о «демократической контрреволюции», меньшевиках и эсерах в 1918–1920 гг. и их роли в антисоветской борьбе, национальных формированиях и предопределенности провала их альтернативы большевизму. С другой стороны, прежние теоретические построения и постулаты не давали возможности выйти за рамки заданной схемы, раздвинуть тематические, источниковые, содержательные и концептуальные границы исследования [4].

Обратимся в качестве примера к монографии М.И. Басманова, К.В. Гусева и В.А. Полушкиной «Сотрудничество и борьба. Из опыта отношений КПСС с непролетарскими и некоммунистическими партиями» (М., 1988). Она как бы подводила итог предшествующему этапу изучения истории т.н. непролетарских и некоммунистических партий. Вместе с тем в работе акцентировалось внимание на актуальной в новых политических условиях стороне проблемы – поиске компромисса, эффективности и правомерности многопартийной или однопартийной политической системы в странах реального социализма, общей характеристике взаимоотношений Коммунистической партии и международного коммунистического движения с их социалистическими оппонентами на протяжении всего XX столетия.

В специальной главе, посвященной периоду гражданской войны и военной интервенции, авторы указывали, что мень-

шевики и эсеры выступили на стороне внутренней контрреволюции сразу после установления Советской власти, т.е. включили эти партии в состав антибольшевистского движения. Более того, пояснялось далее, именно меньшевики и эсеры стали идеологами и авангардом этого движения в начале гражданской войны, так как главные враги революции – кадеты – не имели опоры в массах. Следовательно, буржуазия и помещики на первых порах вынуждены были использовать умеренных социалистов как ширму для прикрытия истинных целей и намерений [5]. Последнее утверждение вполне правомерно, вместе с тем вряд ли можно прямолинейно обвинять социалистических противников большевизма в контрреволюционности. Более корректно было бы говорить о их противодействии большевистской модели социализма, методов и форм политической практики и собственных проектах социалистического переустройства России.

В то же время авторы, верно, определили общую линию эволюции меньшевистско-эсеровского сопротивления большевикам, объективно приведшего их в стан контрреволюции и к союзу с противниками социализма. Ключевым моментом здесь была осень 1918 г., когда наступил кризис «демократической контрреволюции» и все, что за этим последовало, вплоть до ее поражения. Однозначно как бесперспективная оценивается в книге политика «третьей силы», которая, несмотря на справедливость общего вывода, сегодня изучается более детально, на примере разных групп и регионов.

В монографии нашла место и проблема «буржуазно-националистических и правых мелкобуржуазных националистических партий, входивших в контрреволюционный лагерь, сложившийся еще до Октября» [6]. Их позиция, взаимоотношения с руководством белого движения, меньшевистско-эсеровскими правительствами не рассматриваются (это не входит в задачу авторов), а общая характеристика базируется на прежних доктринальных основаниях. Тем не менее, показ такти-

ки большевиков по отношению к разным группам, входившим в состав «демократической контрреволюции», высвечивает, в неизбежном сравнении с белыми, слабости организационной, идеино-политической, пропагандистской деятельности последних, а, значит, и причины их поражения.

Итак, в противоречиях, поиске новой исследовательской перспективы на всех уровнях общественного сознания все настойчивее ощущалось понимание необходимости внутренней перестройки мышления, теоретических и методических основ научного творчества. На состоявшемся 3 октября 1989 г. в ЦК КПСС совещании историков из уст главы идеологического ведомства секретаря ЦК партии В.А. Медведева прозвучал призыв проводить глубокие непредвзятые исследования, окончательно искоренить прежние представления и догмы, обрести новый взгляд на вещи, с тем, чтобы укрепить основные позиции партии и социалистические перспективы общественного развития.

Вместе с тем выступавшие ученые, охарактеризовав основные проявления кризиса обществознания и истории, отметив исключительную ответственность момента, назвали наиболее важные направления и вопросы, требующие основательного переосмыслиния. Основания для оптимистической оценки перспектив научного творчества давал, в частности, факт снятия ограничений с более чем 5,5 млн. дел, хранившихся в государственных архивах, в том числе знаменитого Пражского Русского Заграничного Исторического Архива, с 1946 г. находившегося в СССР и вместившего уникальные документы о белом движении и гражданской войне [7]. Постепенно, хотя до сих пор далеко не прямолинейно, расширяется и доступ к фондам партийных архивов.

Конкретные перипетии происходившего тогда в исторической публицистике, закономерно на данном этапе вышедшей вперед в обсуждении болевых моментов нашего прошлого, а также в развитии самой науки, основательно проанализирова-

ны академиком Ю.А. Поляковым, а также в опубликованных в последние годы историографических трудах [8].

В целом отечественная историческая наука в 1988–1991 гг. пережила сложный период разрушения старых методологических основ, одной из которых был классовый подход, признала принципиальную важность плюрализма мнений и стала обновлять культуру научной дискуссии, обретать творческую свободу, хотя поворот этот еще далеко не был завершен. Обозначилось стремление профессиональных ученых к углубленному, объективному изучению истории, накоплению и обновлению фактического материала, корректному восприятию опыта мировой историографии и в то же время продолжалось политизированное, легковесное, тенденциозное толкование прошлого, что отражало противоречия постепенного преодоления кризиса науки. Не случайно довольно часто в 1988–1989 гг. давала о себе знать тенденция умолчания, когда по-старому говорить и писать о многих явлениях было уже невозможно, а новый, научный подход только нащупывался.

Именно в эти годы возникла потребность в первоочередном изучении вооруженного сопротивления Советской власти и большевизму в 1917–1922 гг., в том числе истории белого движения, началось открытие засекреченных за 60 лет до этого архивных материалов, публикация запрещенных ранее сочинений, мемуаров и исследований противников революции и нового строя. В комментариях к ним, рецензиях и научных трудах, с одной стороны, сохранялись основные оценки и стилистика прежних лет, несущая негативную аксиологическую нагрузку в отношении антибольшевизма во всех его проявлениях, основанная на жесткой классовой парадигме [9].

С другой стороны, все больше, поначалу в публицистике, проявлялось стремление найти новые ракурсы в осмыслении проблемы. Наиболее радикально настроенные авторы безапелляционно предлагали вообще отвергнуть объективно существовавшую классовую подоплеку российской смуты на-

чала XX века. В то же время звучал заслуживающий внимания призыв признать за противниками Советов законное право на патриотизм независимо от политической позиции, выяснить истинную природу и мотивы поведения крупных общественных групп и классов, прежде всего крестьянства, в войне и т.д. [10]. Обостренный общественный интерес к событиям гражданской войны подогревался и растущим социально-политическим напряжением в обществе.

Важную роль в приближении к научному осмыслению белого дела сыграла, как уже было сказано, публикация произведений его участников и документальных материалов из отечественных и зарубежных архивов и периодических изданий разных лет, в том числе эмигрантских [11]. Однако без основательного источниковедческого анализа подобная практика вряд ли могла исправить критическое состояние в изучении белого движения, лишь добавив к многочисленным старым мифам и стереотипам новые, не менее одиозные. В связи с этим предпринятые учеными (В.Г. Бортневский, Г.З. Иоффе, А.И. Ушаков, А.И. Козлов, С.В. Карпенко, А.И. Дерябин и др.) комментарии к переизданиям произведений белых и специальные разработки имели важное значение на этом этапе. Они намечали основные подходы к обновляющейся источниковой базе (в том числе на уровне кандидатских диссертаций), развитые в последующих исследованиях [12].

Появились и первые опыты исторических биографий белых лидеров – как в научных изданиях, так и в методических и популярных, предназначенных для преподавателей и широкого круга читателей [13]. Это способствовало объективизации представлений о противоречивых судьбах противников большевизма, их вкладе в отечественную историю, подлинных и мнимых заслугах и преступлениях.

В данном отношении наиболее представительной является работа известного специалиста по истории гражданской войны Г.З. Иоффе ««Белое дело». Генерал Корнилов» (М., 1989).

Автор выходит за рамки биографического повествования и исследует истоки идеологии белого движения, несомненно, связанные с именем и политической судьбой Л.Г. Корнилова, прежде всего его выступлением в августе 1917 г. (Напомним, что эти сюжеты в доперестроечное время наиболее глубоко исследовал В.Д. Поликарпов). Именно накануне мятежа в его заявлениях намечались отвечающие тревогам противников разрушения армии и революционной стихии пути спасения России – опора на православие, великодержавие и верность союзническому долгу (война до победы над Германией), непримиримость к большевизму как главной опасности, бонапартизм и социальная демагогия, включая отрицание контрреволюционных планов.

Национализм, патриотизм, «внепартийность», государственность России как великой державы – эти ключевые лозунги белого движения, как свидетельствует анализ Иоффе, оформились в Быхове после провала корниловского выступления и послужили основой для его организационного оформления уже после бегства бывших царских генералов на Дон. Их программные положения противопоставлялись «интернациональным» устремлениям большевиков, антивоенной позиции левых, а также и дезинтеграционной политике Временного правительства, хотя Корнилов в то же время заявлял о верности идеи Учредительного собрания [14].

Несмотря на хронологическую ограниченность рассмотренных сюжетов, ученый обозначил важные дискуссионные аспекты темы – истоки, определение понятия, программа и причины поражения белого движения, впрочем, не сомневаясь в его закономерной обреченности.

Приметой времени стала активизация региональных исследований и выдвижение отдельных коллективов авторов в качестве ведущих в изучении истории белого движения – Томск, Петербург, Волгоград и Нижний Новгород и др. В качестве примера приведем кандидатскую диссертацию Л.А. Шикано-

ва «Сибирская контрреволюция на начальном этапе гражданской войны (октябрь 1917 г. – ноябрь 1918 г.)» (Томск, 1989). Автор попытался исследовать диалектическое единство революции и контрреволюции на примере событий в Сибири до колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. и утверждения военной диктатуры. Он осветил динамику взаимоотношений левых и правых сил в антисоветском лагере региона, показал механизм укрепления военных, консервативных кругов в политическом спектре контрреволюции, их социальную опору и события, приведшие к краху социалистических и либерально-демократических альтернатив большевизму в Сибири.

Томские историки интенсивно изучают основные аспекты истории гражданской войны в регионе, справедливо акцентируя внимание на малоизученных сюжетах и спорных вопросах, опираясь на наработанный ими в предшествующие годы полезный опыт. Это подтверждают и кандидатские диссертации Л.Г. Гариповой и Н.И. Наумовой [15]. Первая достаточно объективно оценила состояние историографии гражданской войны в Сибири в конце 60-х – 80-е годы и предложила ученым обратить внимание на обновление подходов к изучению всего комплекса вопросов истории сибирской контрреволюции и интервенции, а также крестьянства и партизанского движения в регионе, имевших существенные и немаловажные в судьбе белого дела особенности.

Наумова посвятила свой труд одной из все еще недостаточно изученных тем – национальной политике белых на примере колчаковщины. Несмотря на довольно однозначную, не отличающуюся концептуально от устоявшихся схем общую оценку, она сумела расширить фактологическую канву проблемы, дала срез национальной политики белых в отношении, как коренных народов Сибири, так и национальных меньшинств и отметила ее второстепенное место в их практике, показала отношение белых к проектам национально-государственно-го устройства России, что само по себе было полезно. Работа

отражала переходное состояние методологии истории и способствовала расширению научного поиска в избранном направлении.

Серьезную заявку на глубокий анализ новых для отечественной историографии тем сделала историк из Волгограда В.Д. Зиминая. В ее учебном пособии анализируется история и крах германофильской монархической контрреволюции на Юге России в годы гражданской войны и интервенции [16]. Основательное изучение широкого и во многом нового комплекса источников позволило автору не только воссоздать хронологическую канву событий конца 1917 – начала 1918 гг. и зарождения добровольчества, первых военных действий белых в регионе.

Она показала сложный характер взаимоотношений Деникина с казачьими органами власти, проанализировала основные пункты программы и идеологии белого движения, систему управления и роль в ней Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России (ВСЮР). Несомненно, эта работа, несмотря на однозначно негативную оценку белого движения, отсутствие дефиниций в размышлениях о непростых перипетиях становления белой гвардии, ее отношений с казачеством, немецкими и союзническими силами, стала заметным явлением в историографии проблемы в изучаемый период.

Таким образом, советская историография белого движения во второй половине 80-х годов отражала объективные процессы, происходящие в обществе и научной сфере. В ней присутствовали как старые, недостоверные или явно недостаточные представления, так и первые попытки нового прочтения актуальных вопросов прошлого России. Тематически они не выходили пока за рамки отдельных, ограниченных временными и географическими рамками сюжетов, что объяснялось и сложностями корректного введения в научный оборот распущенного потока новых источников.

Общий переходный уровень исторических представлений на конец 1989 – начало 1990 гг. отразила статья одного из ведущих специалистов по истории гражданской войны Ю.А. Полякова, самим названием приглашавшая к творческой дискуссии и дальнейшему обновлению концепции истории гражданской войны [17]. Не отвергая имеющуюся историографию, ученый утверждал необходимость принципиальных изменений в изучении истории гражданской войны, показав основные слабости и пороки предшествующего научного опыта и подчеркнув: «В советской историографии практически нет исследований по истории белогвардейского лагеря» [18].

В статье намечены узловые задачи для исправления сложившегося положения – отказ от односторонности и предвзятости, в том числе в самой терминологии по отношению к белым; создание крупных работ по истории социальных и политических сил контрреволюции, структуры, политики и войсковых формирований белых режимов, демографии, истории повседневности – условий труда и быта и других сторон жизни народных масс во время войны по обе стороны противоборства; новая оценка зарубежной и эмигрантской историографии.

Далее, Ю.А. Поляков обратил внимание и на такие более частные, но немаловажные вопросы, как социальный состав белых и красных (здесь, далеко не всегда прямолинейно, действовал в первую очередь все-таки классовый принцип), мотивация и психология участников белого движения, вооруженные силы, стратегические и оперативные замыслы и действия командования белых в ходе операций, его военное искусство, роль политических и общественных деятелей в стане белых и причины их невостребованности в качестве лидеров при явном недостатке политического опыта и общей неудовлетворительной деятельности военных в роли политиков (Краснов, Колчак, Деникин, Врангель и др.).

Автор подчеркивал, что все стороны жизни представителей контрреволюционного лагеря, трагедия побежденных в войне являются неотъемлемой составной частью нашей истории – именно это в данный период необходимо было осознать и принять, чтобы продвинуться вперед в научном поиске. Он наметил также и другие направления исследования белого движения – роль интервенционистского фактора, в том числе с привлечением зарубежных архивов, социально-экономическая, национальная, культурная политика белых, проблемы государственности, история локальных очагов белого движения и региональный аспект в целом, численность и потери в ходе войны с обеих сторон [19].

К статье прилагался подготовленный автором план-проспект пятитомного издания «Гражданская война в России (Исторические очерки)». Он дополнил размышления Ю.А. Полякова, изложенные в статье, и способствовал дальнейшему переосмыслению всего комплекса проблем эпохи революции и гражданской войны. Так, при изучении возникновения и причин войны предлагалось исходить из признания фактическим ее началом вооруженной борьбы в ходе установления Советской власти и одновременно изучать террористическую и заговорщическую деятельность контрреволюции, зарождение ее вооруженных сил, а затем активизацию в связи с иностранным нашествием, что помогало исследователям в решении спорного вопроса о начале белого движения.

В проспекте обращалось внимание на географическое размежевание сторон в войне с учетом его закономерностей, особенностей и условности этого понятия, определение периодизации, как самой войны, так и внутри нее белого движения, параллельно с оформлением советского лагеря и его вооруженных сил. Представляется необходимым перечислить предложенные Поляковым этапы, в которые вполне укладывается вопрос о периодизации белого дела (выделим в них только характеристики, относящиеся к теме нашего исследования).

Весна 1918 г. – подготовка контрреволюции к вооруженной борьбе, австро-германская интервенция. Лето – осень 1918 г. – переход контрреволюции к широкомасштабным вооруженным действиям и возникновение фронтов, развертывание интервенции (в том числе выступление чехословацкого корпуса). В конце 1918 – начале 1919 гг. на следующем этапе происходит нарастание интервенции, а далее, с весны 1919 по весну 1920 гг. – ее провал, крупнейшие сражения войны и решающие поражения белых армий. Полная победа над вооруженными силами контрреволюции и ее подавление были обеспечены весной 1920 – весной 1921 гг., а до конца 1922 г. постепенно ликвидированы локальные очаги сопротивления Советской власти [20].

Отметим наиболее существенные положения плана-проекта, касающиеся других аспектов исследования белого движения – политическая пестрота контрреволюции и проблема «третьей силы», эволюция политических взглядов белых, деятельность основных антисоветских правительств и государственных образований, зарождение и формирование, а также боевая история вооруженных сил белых (включая казачество и национальные части), ход военных действий, условия жизни (питание, наличие товаров первой необходимости, здравоохранение и пр.) на территориях, находящихся под оккупацией и белогвардейским правлением. Сюда же относятся вопросы социальной психологии, красного и белого террора, дезертирства, политики белой администрации в сфере культуры, роль выдающихся политических и военных деятелей обеих сторон, итоги и последствия войны [21].

Столь масштабный подход можно рассматривать как перспективную программу для специалистов по истории гражданской войны. Она, разумеется, не могла быть реализована должным образом в короткое время, да и нацеливала не наспешность, а на серьезную творческую работу. План стимулировал уже определившийся глубокий интерес профес-

сиональных историков к многочисленным «белым пятнам» в истории белого движения.

Это подтвердил и «круглый стол» ученых в Архангельске в 1990 году. Здесь говорилось о необходимости детального изучения вопроса об общем и особенном в политической системе царизма, керенщины и белогвардейщины, роли вождей белых в организации власти и управления, разного уровня их органов и структур, их взаимодействия, места армии, силовых структур в целом, местного самоуправления и политических партий в белом лагере, церкви и общественных организаций [22]. Становилось все более очевидным, что это имеет значение не только для самого предмета исследования, но и для всестороннего понимания всей советской истории, механизмов и причин становления однопартийного режима, форм и методов государственного руководства, идеологии большевизма и отдаленных последствий войны для советского общества.

В том же году явно новые подходы к изучению темы обозначились в монографии В.П. Федюка «Деникинская диктатура и ее крах» (Ярославль, 1990). Посвященная, как и работа Зиминой, событиям в белом лагере на Юге России, она делала следующий шаг в переосмыслении сюжета. Автор подробно показал взаимоотношения деникинцев с населением, эволюцию психологии и настроений добровольцев, место монархического компонента и непредрешенчества в политике и идеологии белых, осветил систему пропагандистской деятельности на подвластной им территории, ее существование, формы и методы, проекты государственного переустройства, разрабатывавшиеся ими. Работа написана хорошим литературным языком, содержит немало интересных зарисовок, портретов белых лидеров, дающих конкретно-историческое представление об эпохе. Широко привлечены как новые архивные источники, так и мало до того известная эмигрантская литература.

Изучение локальной истории белого движения продолжила докторская диссертация В.Н. Дариенко [23], вновь на-

помнившая о сложностях преодоления устаревших догм. Он избрал в качестве предмета изучения противоборство сил революции и контрреволюции на Юго-востоке страны в 1917–1920 гг. – во Внутренней губернии (Букеевской степи), Уральской области и Мангышлакском уезде Закаспийской области. Сама география работы предопределила внимание к национальному и региональному вопросу в гражданской войне. Автор рассмотрел ход формирования казачьей контрреволюции на примере Уральского войска, историю Юго-восточного Союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, казахского автономистского движения Алаш.

Однако поставленная историком задача объективного и одинаково полного изучения обеих лагерей, на наш взгляд, выполнена недостаточно удовлетворительно. В оценке противников Советской власти преобладает негативизм, необоснованно утверждается, что казачьи мятежи были априори органически связаны со стратегическими замыслами обще-российской контрреволюции при поддержке интервентов, тогда как именно история уральского казачества 1917–1920 гг. наглядно демонстрирует во многом самостоятельный, областнический характер позиции казаков в войне. Столь же прямолинейными и не соответствующими исторической правде являются перекочевавшие из литературы 30-х годов утверждения о байско-буржуазной природе казахского движения и его органа Алаш-Орды, что подтверждается другими исследованиями [24].

Гораздо более убедительными выглядят оценки и выводы авторитетного историка В.Д. Поликарпова, в 1990 г. выпустившего монографию «Военная контрреволюция». Он, сохранивая приверженность основанным на многолетнем исследовательском опыте автора идеям об исторической обреченности контрреволюции, специально освещает программу белогвардейщины. С этой целью привлечены не только опубликованное 9 января 1918 г. воззвание Добровольческой армии, но и

другие не менее важные материалы. Частная переписка противников революции, их мемуары, документы контрреволюционных организаций (в частности, «Правого центра» и П.Н. Милюкова) позволяют проследить эволюцию этой программы и идеологии белого дела, причины все усиливавшегося по мере нарастания ожесточения войны крена вправо, к реставраторским настроениям и монархизму [25].

Такой подход объясняет динамику социальной опоры белых, причины неудавшегося альянса «демократической контрреволюции» и военных вождей белой гвардии, поддерживаемых либералами, также далеко неоднозначно монархически или республикански настроенными. Не менее важно учитывать и роль национальных движений в судьбе контрреволюции, изначально связанной с полигэтническими окраинами бывшей империи. Кроме того, в продолжение изучения процесса становления белых военных диктатур, предпринятое еще в доперестроечный период Иоффе, Думовой и другими авторами (см. выше), молодые историки в духе времени изменили ракурс рассмотрения этого сюжета. Кризис советской и буржуазной – учредиловской – демократии, по мнению Г.А. Бордюгова и В.А. Козлова, явился причиной возникновения и укрепления диктаторских начал.

«Сторонники учредиловской демократии были, – писали они, – дискредитированы невольным сотрудничеством с белыми генералами, находились в состоянии разброда и шатаний. Большевистская партия с ее ориентацией на Советы прошла через варварские формы «чрезвычайщины» и встала на путь утверждения однопартийной диктатуры». В итоге, считали они, летом-осенью 1918 г. произошла резкая смена существа режимов управления, ставших жесткими именно из-за кризиса демократических форм левой политики и сделавших неизбежным утверждение белой и красной диктатур [26].

Соглашаясь с этим предположением, следует вместе с тем отметить, что кратковременная передышка весны 1918 г.

не могла изменить общей доминирующей еще со времени углубления системного кризиса империи тенденции к консолидации и централизации сил, претендующих на полновластие. Иначе в объективно сложившихся условиях начала XX века, с учетом исторических, географических, политических, правовых, социокультурных и других традиций и факторов развития России, очевидно, ситуация развиваться не могла.

Синхронизация процесса становления диктатур и централизации управления в условиях эскалации войны, которую прослеживают названные авторы, была естественным ответом именно на объективную обстановку, тем более что, как показали многие исследования отечественных и зарубежных ученых, стремление к порядку, законности, стабилизации было всеобщим для измученных тяготами войн и революционных потрясений масс и обещало поддержку тем, кто сможет этого добиться. В целом же синхронистический подход к изучению не только данного, но других не менее важных вопросов истории гражданской войны по обе стороны «баррикад», безусловно, весьма перспективен. К тому же, взаимный учет позитивного опыта, эксплуатация красными и белыми сходных идей, масовых настроений, иллюзий и надежд отмечались уже самими участниками событий [27].

Не менее важен синхронистический подход и для понимания судеб армии, ее офицерского состава в годы революции и гражданской войны. Выявление политических, социальных, идеальных, нравственных и психологических мотивов его поведения и их смены в ходе войны необходимо как при изучении белого движения, так и истории становления командного состава Красной Армии, хотя в этом направлении и раньше было сделано немало. Поликарпов в уже названной выше работе выделяет классовые критерии как определяющие в «идеологическом перерождении» перешедших на сторону Советов офицеров, и в то же время признает сложность определения их прогрессивности и демократизма лишь на основе прина-

длежности к разночинской, а не дворянской или буржуазной среде [28].

Еще в 1989 г. ростовский историк А.И. Козлов также обратился к этой проблеме. Он акцентировал внимание на далеко не аристократическое происхождение белых вождей Корнилова и Деникина, которые в противовес представителю элиты Брусилову оказались в стане противников революции. Ученый предложил отказаться от примитивного догматического стереотипа из сталинского арсенала в суждениях о мотивах и политических ориентациях тех или иных деятелей, непродуктивного голого социологии.

Нисколько и никоим образом не сбрасывая со счетов классовую подоплеку, писал он, «нельзя не видеть вместе с тем и нечто еще более сложное, что с ним переплеталось самым причудливым образом, образуя относительно устойчивую и самостоятельную субстанцию, определявшую в конечном итоге поведение конкретных людей в конкретных условиях» [29]. Остается только, отрешившись от этих верных, но сугубо эмоциональных размышлений, дать взвешенный научный анализ явления. Пожалуй, наиболее точным он может быть при использовании методов как исторической науки, так и социальной психологии, социологии и других гуманитарных отраслей знания.

В обсуждении этого, казалось бы, не самого главного вопроса, между тем также обнаружились общие проблемы переходного состояния исторической науки – наряду с прежними подходами [30] все четче обозначались новые, и расхождения специалистов отнюдь не определялись их возрастом или предшествующим научным опытом. Так, чисто классовый, «буржуазно-помещичий» состав Добровольческой армии подверг сомнению П.Г. Горелов. Он сослался на данные А.Г. Кавтарадзе о происхождении командного состава армии и участников «Ледяного похода» – 94% из них не имели недвижимости, потомственных дворян был 21%, личных – 39%, остальные вы-

шли из семей мещан, солдат, крестьян, мелких чиновников. Это относится и к генералам – сыну солдата сверхсрочной службы М.В. Алексееву, сыну коллежского секретаря Л.Г. Корнилову, сыну майора А.И. Деникину [31].

В целом не расходился с этими оценками и подсчет Ю.А. Полякова – из тех же 71 генерала и офицера дворяне составили 41 человек, но поместья имели лишь 5, а шестеро вышли из крестьян. Разумеется, дело не в простой констатации количественных показателей – историки обсуждали их, понимая, что не они или не только они определяли причины выступления царских офицеров на стороне красных или белых. Трагедия участников белого движения, – развил он это положение, – как раз и состояла в борьбе против интересов класса или слоя, из которого они вышли.

Ученый выделил такие мотивы контрреволюционности белых: оценка большевиков как разрушителей государственности и культуры России, ненависть к солдатам, боровшимся с золотопогонниками, и обида за насильственное лишение честно завоеванных заслуг и званий, потеря состояния и крах привычного уклада, а также личных перспектив. А главное – объективная неумолимая логика борьбы вела их к эскалации ожесточения и непримиримости [32]. Последствия этого упадка значения общечеловеческих ценностей, моральной деградации общества крайне негативно сказались на последующем его развитии.

Как показано в главе монографии, посвященной литературе русского зарубежья, качественные изменения в составе и соответственно позициях офицерского корпуса русской армии, произшедшие в ходе мировой войны, подметили еще эмигрантские историки (Головин, Зайцов и другие). Основательное знакомство с их работами позволило В.П. Федюку поддержать и развить их идеи. Он, в частности, писал, что демократизация офицерского состава царской армии привела к росту в нем стремления противостоять анархии и развалу,

а не демократическим преобразованиям революции. Основная же масса офицеров поначалу держалась нейтрально, ведь именно политически наивные юнкера, учащаяся молодежь, младшие офицеры в основном становились добровольцами, руководствуясь идеализированными представлениями и мотивами [33].

В итоге облик противников революции и большевизма все более очеловечивался, становился очевидным общий для всего народа и государства трагизм прошедшего в 1917–1922 гг. Как одна из сторон этого трудного переосмысления прошлого и его значения выступает и история партийно-политических, а еще более – межличностных взаимоотношений в руководстве как белых, так и красных, нравственных императивов их поведения [34].

Не менее острым стал вопрос о красном и белом терроре, связанный с более общей проблемой об инициаторе, виновнике развязывания гражданской войны. В 1990 г. в СССР была впервые опубликована книга С.П. Мельгунова «Красный террор в России». Безусловно предвзятая, она оправдывала белый террор и однозначно негативно оценивала красный, но способствовала развертыванию дискуссии в среде публицистов и историков по этой сложной теме.

Ангажированная публицистика на волне растущей, часто огульной критики коммунистической идеологии и всей советской истории, опиралась на весьма спорный довод Мельгунова о том, что для белых террор был скорее исключением, что они стремились придерживаться права и закона в своей политике. Наиболее ярко эту точку зрения отразил Ю. Фельштинский: для белых террор не был системой, облаченной в рамки специальной организации и идеологически необходимой, в отличие от большевиков [35]. Это вполне согласуется с известными утверждениями ряда западных историков, о чем говорится в соответствующей главе книги.

Вместе с тем нельзя отвергать и право на существование

позиции, которую отстаивал ряд авторитетных ученых, возлагавших вину за саму войну и ее неслыханные тяготы, прежде всего на белых. П.В. Волобуев, в частности, считал, что большевики упредили белый террор, взяв власть в свои руки, а Ю.И. Кораблев однозначно относил к участникам белого террора исключительно буржуазию, монархистов и их прислужников – врагов рабочих и крестьян [36].

В целом же в споре о терроре отчетливо проявилось, как трудно учиться культуре компромисса, уважению неприемлемой позиции, освободиться от груза идеологических и политических пристрастий: «Споры о красном и белом терроре часто напоминают бесконечный обмен ударами, яркими фактами зверств и истязаний, цифрами казненных в конкретном месте и в конкретное время и т.п. И этот «бой» может длиться бесконечно, поскольку «защитники» как красного, так и белого террора всегда в запасе будут иметь новые «аргументы», – убедительно заметил В. Бортневский бесплодность крайних точек зрения и нежелания участников дискуссии слышать и уважать мнение другой стороны [37]. Только комплексное исследование идеологии, механизма и организации террора позволит выйти из замкнутого круга.

В ряду откровенно неудачных как по содержанию, так и стилистике работ о белом движении, ставших приметой перестроичного времени, можно назвать брошюру С.В. Карпенко «Крах последнего белого диктатора» (М., 1990), которая не выполнила заявленную автором задачу нового прочтения деятельности П.Н. Врангеля на неизвестных доселе источниках. Тем не менее, она напомнила о настоятельной необходимости наращивания объективного научного потенциала переосмысления нашей истории и умения вести корректную, обоснованную полемику с западными коллегами.

Некоторые дополнительные основания получила в советской историографии второй половины 80-х годов XX века традиционная тема причин поражения белого движения в

гражданской войне. В перечислении аргументов больше внимания стало уделяться констатации неудовлетворительной социально-экономической и национальной политики белых, но с прежней обличительной аргументацией [38]. Кроме того, замечание Полякова, высказанное в уже упоминавшейся статье, о военно-политических обстоятельствах как решающих в крахе белого бала и победе большевиков, при признании высокого военного искусства белых военачальников [39], еще не нашло достаточно развернутого подтверждения в конкретно-исторических исследованиях рассматриваемого периода.

Подводя итоги анализу изучения истории антибольшевизма в условиях перестройки, необходимо констатировать, что в обстановке кризиса советской исторической науки, несмотря на объективно крайне сложные условия ее развития, постепенно начали проявляться серьезные позитивные изменения в осмыслении многих проблем белого движения в гражданской войне. Этому способствовало снятие ограничений в пользовании архивными и иными источниками и литературой, быстрый рост документальных публикаций о событиях 1917–1920 гг. в России, оживление творческого обмена мнениями и исследовательскими достижениями между отечественными и зарубежными учеными.

Переходное состояние развития исторического знания отразилось на исследовании практически всех аспектов названной темы. С одной стороны, сохранялись явно устаревшие представления и стереотипы в толковании сущности, программы и идеологии, социальной природы, деятельности и причин поражения белых. В то же время произошел всплеск огульного отрицания наработанного прежде опыта, идеализации и романтизации, поверженных в гражданской войне, что лишь затрудняло поиск адекватных исторической правде ответов.

Однако, все более отчетливо стала усиливаться тенденция объективного, непредвзятого, взвешенного обсуждения

как ранее изучавшихся, так и прежде закрытых тем, хотя был велик их разброс по уровню обобщений, документальной оснащенности и степени важности в изучении проблемы в целом. Среди наиболее значимых результатов такого подхода выделим начало воссоздания объективной конкретно-исторической картины развития белого движения на Юге России и в Сибири, уточнение социального состава и мотивов политического и иного поведения белого офицерства и всех участников белого дела, попытки нового прочтения сути и значения террора в войне, причин поражения белых, периодизации их истории, целей, программы и идеологических основ.

Можно констатировать, что белое движение именно со второй половины 80-х гг. выделяется в отдельный предмет исследования в советской историографии впервые за всю ее историю. Результаты проведенной в этом направлении работы способствовали наращиванию качественных сдвигов на следующем этапе развития отечественной историографии.

Литература

1. Коммунист. 1986. № 15.
2. Там же. 1987. № 12; Вопросы истории. 1988. № 3, 6; Историки спорят. М., 1988; Страницы истории УПСС. Факты. Проблемы. Уроки. М., 1988; Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди. М., 1989; Урок дает история. М., 1989; Исторический опыт и перестройка. М., 1989 и др.
3. Вопросы истории. 1987. № 10. С. 115, 117.
4. Спирин Л.М. Россия 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987; Басманов М.И., Гусев К.В., Поплушкина В.А. Сотрудничество и борьба. Из опыта отношений КПСС с непролетарскими, некоммунистическими партиями. М., 1988; Подбоготов П.А., Спирин Л.М. Крах меньшевизма в Советской России. Л., 1988; Дмитриев П.Н. Временный Прикамский комитет членов Учредительного собрания – орган

власти мелкобуржуазной контрреволюции в Удмуртии в 1918 году (очерк возникновения и деятельности) // Гражданская война в Удмуртии. 1918-1919 гг. Ижевск, 1988; Григорьев В.К. Противостояние (Большевики и непролетарские партии в Казахстане. 1917-1920 гг.). Алма-Ата, 1989.

5. Басманов М.И., Гусев К.В., Полушкина В.А. Указ. раб. С. 198-200, 202-204, 205.

6. Там же. С.208-211.

7. Вопросы истории. 1990. № 1. С.3-5, 10, 18; № 11. С. 19-30.

8. Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. М., 1995; Советская историография. М., 1996; Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996 и др.

9. Сонин В.В. Крах белоэмиграции в Китае. Владивосток, 1987; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М., 1987; Политические и экономические проблемы Великого Октября и гражданской войны. М., 1988; Кривошеенкова Е.Ф. Гражданская война и военная интервенция: историко-партийные историографические аспекты. М., 1989; Революция и народы России: полемика с западными историками. М., 1989 и др.

10. Если по совести. М., 1988; Большаков В. Эмиграция: вопросы к самим себе // Правда. 1989. 9 января; Васильев В. Люби Россию в непогоду... // Известия. 1989. 17 января; Васильцов С. Мы снова в бой пойдем? // Родина. 1990. № 10. С. 31 и др.

11. Майский И.М. Демократическая контрреволюция (В огненном кольце). М., 1988; Деникин А.И. Поход на Москву (Очерки Русской Смуты). М., 1989; Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилов. Ростов н/Д, 1989; Белое движение: начало и конец. М., 1990; Арестант пятой камеры. М., 1990; Колчак Александр Васильевич. Барнаул, 1991; Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). В 2 тт. М., 1991; Белые армии, черные генералы: Мемуары белогвардейцев. Ярославль, 1991 и др. Отметим также издание альманахов под редакцией Г.З. Иоффе и В.Г. Бортневского «Факел» и «Русское прошлое».

12. Бортневский В.Г. Источники о деятельности белогвардейских судебно-следственных органов Севера в фондах ЦГАОР СССР и ЦГАСА // Археография и источниковедение Европейского Севера. Ч.1. Вологда, 1989; Его же. Источники о контрреволюционных армиях и правительственные учреждениях Поволжья и Урала периода гражданской войны в фонде Политической канцелярии Особого совещания // Историография социалистического строительства в Поволжье и на Урале. Уфа, 1990; Павлова Т.Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11. С.19-30; Штыка А.И. Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов. Автореф. дис. .... канд. ист. наук. Томск, 1991; Никитин А.Н. Периодическая печать как источник изучения гражданской войны в Сибири. Томск, 1991 и др.

13. Соколов Ю.В. А.А. Брусилов // Вопросы истории. 1988. № 11; Дроков С.В., А.В. Колчак // Там же. 1991. № 1; Кара-Мурза В., Полонский А. Белое движение в лицах // Преподавание истории в школе. М., 1990 и др.

14. Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 124-125, 171.

15. Гарипова Л.Г. Советская историография гражданской войны в Сибири (конец 60-х – 80-е гг.). Автореф. дис. .... канд. ист. наук. Томск, 1991; Наумова Н.И. Национальная политика колчаковщины. Автореф. дис. .... канд. ист. наук. Томск, 1991. Последняя, начиная с 1987 г., провела детальное изучение разных аспектов избранной темы. См., например, ее статьи: Дипломатическая переписка как источник по изучению классовой сущности национальной политики колчаковщины // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987. С.94-96; К вопросу о взаимоотношениях колчаковского правительства и сионистов Сибири // Великий Октябрь и социальные преобразования в Сибири. Новосибирск, 1987. С.88-90; Соотношение классового и национального в политических установках белогвардейцев // Сибиряки в борьбе

за власть Советов и защиту социалистического Отечества. Новосибирск, 1990. С. 53-55.

16. Зимина В.Д. Крах германофильской монархической контрреволюции на Юге России в годы гражданской войны и интервенции. Калинин, 1989.
17. Поляков Ю.А. Гражданская война в России (Поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2. С.98-114.
18. Там же. С. 101.
19. Там же. С. 102, 104, 106-114.
20. Там же. С. 115.
21. Там же. С. 116-117.
22. Сквозь бури гражданской войны. «Круглый стол» историков. Архангельск, 1990. С. 30-31.
23. Дариенко В.Н. Революция и контрреволюция на Юго-востоке страны 1917-1920 г. Автореф. д-ра ист. наук. М., 1991.
24. О прошлом для будущего. Алма-Ата, 1990; Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. М., 1994.
25. Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905-1917. М., 1990. С.326-345.
26. Бордюгов Г.А., Козлов В.А. От «чрезвычайщины» к «тоталитаризму». Как укреплялась большевистская диктатура // Диалог. 1990. № 6. С. 92, 87.
27. Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. София, 1921. Это подметил и В. Бортневский, анализируя книгу В.В. Шульгина «1920». См.: Сквозь бури гражданской войны. С. 123.
28. Поликарпов В.Д. Указ. раб. С. 350.
29. Козлов А.И. О Деникине, Корнилове и этой книге. Вступит. статья // А.И. Деникин. Поход и смерть генерала Корнилова. Ростов н/Д, 1989. С.10-11.
30. Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск, 1986; Буравченков А.А. В ногу с революцией: демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалист-

тической революции. Киев, 1988; Васьковский О.А., Ниренбург Я.Л., Плотников И.Ф., Пожидаева Г.В., Тертышный А.Т. Урал в гражданской войне. Свердловск, 1989; Революция защищается. Свердловск, 1989.

31. Горелов П.Г. Они вернулись и не уйдут. Предисловие // Белое движение: начало и конец. М., 1990. С. 8-9.

32. Поляков Ю.А. Гражданская война в России (Поиски нового видения). С. 109.

33. Федюк В.П. По ту сторону фронта. Вступит. статья // Белые армии, черные генералы. Ярославль, 1991. С. 7.

34. Белое движение: начало и конец. С.481, 483; Бортневский В.Г. Обмен секретной информацией между Колчаком и Деникиным в конце 1918 – первой половине 1919 г. // Сибиряки в борьбе за власть Советов, за защиту социалистического Отечества. Новосибирск, 1990.

35. Фельдман Д. Преступление и ... оправдание // Новый мир. 1990. № 8; Феофанов Ю. Идеология у власти // Известия. 1990. 4 октября; Василевский А. Разорение // Новый мир. 1991. № 2; Родина. 1990. № 10. С.40.

36. Родина. 1989. № 11. С.17; Страницы истории советского общества. Факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 82. См. также: Литвин А.Л. ВЧК в советской исторической литературе // Вопросы истории. 1986. № 5. С.96-103; Литвин А.Л., Поликарпов В.Д., Спирина Л.М. Гражданская война. Ломка старых догм и стереотипов // Историки спорят. 13 бесед. М., 1989. С.46-83; Спирина Л.М. Партия большевиков в гражданской войне // Коммунист. 1990. № 14. С.95.

37. Бортневский В.Г. Красный и белый террор в гражданской войне // Сквозь бури гражданской войны. Архангельск, 1990. С. 123.

38. Тагиров И.Р. Из истории борьбы партии большевиков против национальной контрреволюции в годы гражданской войны // Защита завоеваний социалистических революций. М., 1986. С.72-73; Булдаков В.П. Национальный вопрос в пла-

нах российской контрреволюции в 1917 году // Политические и экономические проблемы Великого Октября и гражданской войны. М., 1988. С. 167; Карпенко С.А. Материальная помощь международного империализма врангелевскому режиму // Гражданская война на юге республики. Тезисы Северо-Кавказской региональной конференции историков СССР. Новочеркасск, 1989. С. 41.

39. Поляков Ю.А. Гражданская война в России (Поиски нового видения). С. 110.

1.4. Белое дело в российской исторической литературе после 1991 г.

Вторая половина 1991 года ознаменовалась важнейшим переломом в истории СССР. Поражение КПСС и ее ликвидация после августовского путча предопределили распад Советского Союза, ставший трагедией для абсолютного большинства его граждан, а драматические события 1993 г. свидетельствовали о глубоком кризисе всех институтов власти, с трудом, доходя до непростительных вооруженных столкновений, нащупывавших пути перехода к новой модели экономического развития, политической системы, идеологии, государственности, отношений с «ближним» и «дальним» зарубежьем.

«Праздник свободы» от «тоталитарного» режима как будто снимал все барьеры на пути научного творчества. Однако прямой связи здесь быть не может, да и остающаяся по сей день непривычной и дискомфортная по сути обстановка не-предсказуемости настоящего и будущего обусловила и такой парадокс, как «непредсказуемое прошлое», говоря словами Ю.А. Полякова [1]. Тем не менее, наметившиеся в перестроечный период тенденции в изучении белого движения сохранились, а ряд из них получил развитие.

Прежде всего, отметим продолжающуюся практику раскрытия архивов – после антикоммунистической революции это относилось, прежде всего, к хранилищам документов КПСС. Впрочем, и в государственных архивах активизировалось выявление всего, что связано с ранее запретной тематикой, в том числе белым движением [2]. Получило дальнейшее развитие и издание документов, материалов, мемуаров, произведений участников белого движения, антисоветских организаций и пр. Здесь следует выделить «Очерки русской смуты» А.И. Деникина, которые продолжил публиковать журнал «Вопросы истории», тогда как издательство «Наука» смогло выпустить лишь два тома, что было следствием резкого сужения источников государственной поддержки науки в целом. Журнальная версия, как и репринты ряда других изданий (например, 22 томов эмигрантского «Архива русской революции»), выполнены без необходимых комментариев. Это также стало показательным в ситуации кризиса экономики и финансов страны.

Вместе с тем выходили и вполне добродушно подготовленные документальные издания – многотомник «Белое дело» с взвешенными комментариями С. Карпенко [3], двухтомник «Белый Север. 1918–1922 гг.», подготовленный и прокомментированный В.И. Голдinem [4], сборник Института российской истории РАН и ГА РФ «Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов» [5].

Так, Голдин попытался в документах представить все многообразие белого Севера и включил в сборник работы военных – генералов Е.К. Миллера, В.В. Марушевского, С.Ц. Добровольского, И.А. Данилова, полковника Н.П. Зеленова, политических деятелей – кадета С.Н. Городецкого, энеса С.П. Мельгунова и эсеров П.А. Сорокина и Б.Ф. Соколова. В «России антибольшевистской» основное место отведено ключевым фигурам противников РКП(б), среди которых Н.И. Астров, А.Ф. Керенский, Г.Е. Львов, Б.В. Савинков, Н.В. Чайковский

кий, другие представители Комуча, Директории, правительства А.И. Деникина и А.В. Колчака и т.д.

Появились публикации документов, касающихся региональной истории белого движения. Пестрая картина бурной политической жизни, позиций многочисленных и разноправленных организаций Томской губернии представлена в содержательном сборнике «Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.)» (Томск, 1992). Он помогает в изучении процесса борьбы за власть в Сибири, взаимоотношений разных общественных сил и слоев, политического развития белого движения вплоть до колчаковского переворота. В составленном А. Дерябиным сборнике «Октябрь 1920-го. Последние бои русской армии генерала Врангеля за Крым» помещены воспоминания участников событий – П. Врангеля, А. Туркула, С. Реснянского, Н. Туроверова, П. Шатилова и других [6]. Под редакцией В. Данилова и Т. Шанина Международный фонд «Демократия» в 1997 г. выпустил сборник «Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг.», дающий документальную основу для изучения истории донского казачества в революционную эпоху.

Одной из примет времени стала также реанимация старых, в том числе эмигрантских, изданий и основание различных альманахов по истории, включающих и изучаемую проблематику – «Русское прошлое», «Новый часовой», «Белая армия. Белое дело» [7], а также оживление разных форм коллективного обсуждения научных достижений и спорных вопросов истории, как в крупных центрах страны, так и в университетах, объединяющих историков Сибири, Севера, Поволжья, Северного Кавказа. Все эти весьма полезные издания и форумы, к сожалению, почти не координируются, что приводит к ненужным повторам, да и уровень научной подготовки документов в разных изданиях весьма различен.

Научная неравноценность, разброс в тематике и содержательная пестрота исследований продолжают сохраняться на современном этапе развития историографии белого дела. Это отметили участники «круглого стола» по истории гражданской войны в России, состоявшегося 17 марта и 28 апреля 1992 г. в Институте российской истории РАН. Его участники – ведущие специалисты по этому периоду – прежде всего, остановились на истоках и сущности войны как многогранного и неоднозначного явления, порожденного сложным комплексом причин и обстоятельств. Среди них важнейшими были революция и острое столкновение непримиримых социально-классовых интересов, приведшее к расколу общества, затронувшему личность, семью, коллектив, нации и народности, общество. При этом сами границы раскола были крайне условны и подвижны, что требует учета скачкообразных изменений массового сознания (В.И. Петров, В.Р. Копылов, Л.М. Спирина, В.П. Дмитренко) [8]. Это раздвигает рамки изучения социальной основы, как белого движения, так и его противников.

Ю.И. Игрицкий, в частности, разделил противоборствующие стороны по отношению к вопросу о власти, который и был источником конфликта – с одной стороны было революционное посягательство на власть, а с другой – отстаивание пошатнувшейся власти. Эту точку зрения поддержал и Г.З. Иоффе, а В.О. Дайнес, Л.М. Спирина, В.П. Наумов дополнили тезис размышлениями о судьбах армии, институтов государственной власти в центре и на местах, национальном факторе в гражданской войне, ее огромной во всех отношениях цене и других аспектах темы [9]. Так или иначе, дискуссия вывела на одно из первых мест вопрос о виновнике войны.

В этом смысле полезно обратиться к вышедшей чуть позже статье Ю.А. Полякова «Гражданская война в России: возникновение и эскалация», в которой автор развил свои взгляды, изложенные в 1990 г. и как бы включился в обсуждение. Он пришел к выводу о бесплодности общей постановки вопроса

– следует, подчеркивал он, рассматривать конкретно разные этапы эскалации противоборства. В таком ключе становится ясно, как показал автор, что весной-летом 1918 года ни одна из сторон уже не только не собиралась, но и не могла остановить войну. Белые, так же, как и красные, прямо противоположно в сравнении со своими противниками оценивали положение в стране и свои цели, психологически были настроены на неизбежность борьбы до поражения одной из сторон [10].

В таких условиях «третий путь» меньшевиков и эсеров, несмотря на его привлекательность, был невозможен и потому лишен поддержки, как масс, так и белых, и красных. Последовательно отстаивая предложенную ранее периодизацию войны, Поляков правомерно рассматривает основные критерии каждого этапа в диалектическом единстве действий главных участников широкомасштабного конфликта [11]. Позднее он обстоятельно рассмотрел также внешние и внутренние последствия войны, показал ее негативное влияние на возможности демократизации общества [12].

Своебразный вклад в осмысление обозначенных вопросов внес тогда же и П.Г. Шевоцуков. В статье «Гражданская война. Взгляд через десятилетия» он также подчеркивал известную запрограммированность войны объективными и субъективными условиями и в качестве аргумента к необходимости конкретного, не ограниченного классовым подходом, ее изучения на каждом этапе привел пример участия ижевских рабочих в белой борьбе и царских офицеров в Красной Армии. Он обратил внимание и на расхождение целей белого движения и антибольшевистских выступлений крестьянства, позиция которого была достаточно самостоятельной.

Автор, призывая не идеализировать ни красных, ни белых, высказался по ряду главных вопросов истории белого дела. В частности, он считал, что, несмотря на ведущую идеологическую роль в подготовке контрреволюции, партия кадетов на деле оказалась на вторых и третьих ролях в белом движении

из-за преобладания в нем консервативных и реставраторских настроений. Это положение оспаривало традиционную для советских историков оценку партии народной свободы и стимулировало поиск новых оснований для выяснения истины.

Сила же белогвардейских режимов, по мнению Шевоцукова, заключалась, прежде всего, в военной диктатуре их вождей, а слабость и трагедия, несмотря на превосходство военной организации и иностранную поддержку, – в узости социальной базы и неустранимых противоречиях внутри белого лагеря, эгоизме правивших и имущих в недавнем прошлом классов [13]. Эта оценка подтверждает уже сделанные многими другими авторами выводы. Вообще же в начале 90-х годов историки по-прежнему немало места отводили «привыканию» к мысли о необходимости без политических клише, непредвзято, в равной мере изучать всех участников гражданской войны.

С этой точки зрения полезны работы, посвященные локальным очагам белого движения. Начатые в предшествующий период, они получили продолжение в 90-е годы. Так, Н.А. Чирухин обратился к изучению дутовщины в 1917–1918 гг. на Урале. На конкретном примере, выявляя эволюцию развития антибольшевистского движения в регионе, он подтвердил общий вывод историков о постепенном обострении противоборства социально-политических сил и закономерности ужесточения политического режима. В то же время ценно освещение автором судьбы оренбургского казачества, позволившее обосновать стихийный, локальный и оборонительный характер его сопротивления Советской власти в конце 1917 – начале 1918 гг., выявить динамику настроений казаков на каждом этапе войны, отношение их к Комучу и Директории, психологическую склонность к твердой власти, что послужило одной из основ утверждения единовластия А.И. Дутова.

Автор также обосновал место движения Дутова в антибольшевистском лагере, правомерно не ограничивая его как исключительно белое, но и не останавливаясь на дефинициях

понятийного аппарата [14]. Эта работа стал шагом в качественном обновлении изучения дутовщины, предпринимавшегося еще в доперестроечный период.

Растущий интерес историков к истории белого движения и одновременно сохраняющийся разброс тем в ее изучении зафиксировала состоявшаяся в 1993 г. международная научная конференция «Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год». Она проводилась совместными усилиями Комитета по высшему образованию России, Московского педагогического университета и Института российской истории РАН. Участники конференции обсудили такие вопросы, как происхождение гражданской войны и ее начало, социальную основу и динамику народной стихии после Октября 1917 г., мозаику политических сил и этнополитический фактор в 1918 г., начало вооруженного противоборства и политические режимы России на начальном этапе войны. Отдельно была выделена история белого движения с характерным подзаголовком: «антибольшевизм или реставраторство?».

При этом основное внимание было уделено идеологии и психологии белого движения, в том числе его командного состава, а также истории белых на Юге России и созданию их вооруженных сил на отдельных территориях (оккупированных Германией и на Урале). Значительное место заняла проблема казачества – донского, уральского, оренбургского, были затронуты отдельные сюжеты истории антисоветских правительств [15].

Представленные доклады, таким образом, обнажали моzaичность и нескоординированность исследований. Тем не менее обмен мнениями между маститыми и начинающими историками, в том числе зарубежными, дал новый импульс к углублению поиска. Особенно следует выделить в этом смысле выступление академика П.В. Волобуева, открывшего конференцию. Он остановился на некоторых ключевых проблемах происхождения гражданской войны. Важнейшие выводы

ученого заключались в следующем. У российского общества не было иммунитета против гражданской войны, и изучать ее надо в системе координат своего времени, учитывая, конечно, современный уровень знания. Далее, кардинальное перераспределение власти и собственности в 1917 г. объясняет закономерность ставки на реставрацию у свергнутых классов и слоев, так же, как и тягу масс к коренному изменению и обновлению своей жизни. А потому у каждой гражданской войны две правды, – подчеркнул П.В. Волобуев.

Непосредственное происхождение войны спонтанно, но началась она с естественного сопротивления большевизму и Советам, – указывал он. У истоков ее «как более организованные силы в антибольшевистском стане стояли генералитет, контрреволюционное офицерство и представители так называемой революционной демократии в лице правых эсеров и части меньшевиков», – так был определен состав контрреволюции [16]. Отсюда – проблема социальной и политической разнородности антибольшевизма, его раздробленности, что справедливо отмечал еще В.И. Ленин [17].

Между тем, весь комплекс противоречий, порожденных несовпадением интересов социальных слоев, партий, амбициями их лидеров и т.п., – отметил далее ученый, – раскрывается в нашей историографии еще недостаточно. Он также обратил внимание на интервенционистский фактор в истории контрреволюции, потребность в более объективном исследовании, в том числе роли чехословацкого корпуса.

Предваряя обсуждение сути белого движения в секции, которое, однако, не дало ответа на заявленный в ее названии вопрос, Волобуев высказал свой взгляд по поводу самого понятия, что крайне важно в силу сохраняющихся разнотечений в его определении. «... белое движение следует понимать в узком и широком смысле. В узком – оно одна из составных, хотя наиболее сильных и организованных частей антисоветского, антибольшевистского движения. Очевидна его социальная

природа – буржуазно-помещичья, старобюрократическая и военно-полицейская. ... С лета 1918 г. можно, вероятно, говорить о белом движении в широком смысле, поскольку оно стало доминирующей силой в антисоветском фронте. Во всяком случае, с этого времени все противники красных воспринимались как белые (зеленые, махновцы и другие промежуточные силы появились позднее)» [18].

Данное определение может служить основой для конкретно-исторического изучения истории белого движения, так как предусматривает ее динамику – и хронологическую, и социально-политическую, а также позволяет уточнить эволюцию программы, идеологии и политики, белых в зависимости от изменения их социальной природы и места в антисоветском лагере.

Однако на такой уровень обобщения российские историки в первой половине 90-х годов пока не вышли и по-прежнему сосредотачивали свои усилия на разработке более частных вопросов, что, безусловно, необходимо и для создания целостной картины истории белого движения, и для выхода на новое качество в теоретическом осмыслении проблемы. Так, разнородность и противоречивость объединений в лагере белых подтвердили работы Ю.Н. Ципкина, посвященные событиям на Дальнем Востоке. Здесь, показал историк, либеральные и диктаторские ориентации в армии белых привели к обострению разногласий между сторонниками В.О. Каппеля и Г.М. Семенова соответственно, дополнившись проблемой отношений с японским командованием. В итоге, указывал он, белым не удалось превратить Дальний Восток в свободную от большевиков республику и плацдарм для возобновления борьбы [19].

Обсуждавшаяся ранее в общем, плане проблема эскалации насилия и ожесточения в гражданской войне переросла в отдельную тему, которая, впрочем, не была новой – о красном и белом терроре. Здесь наиболее крупную работу подго-

тавил казанский историк А.Л. Литвин. В его статье за 1993 год «Красный и белый террор в России 1917–1922» [20] констатируется популярность точки зрения С.П. Мельгунова, оправдывавшего белых (его книга «Красный террор в России 1918–1923» вышла за рубежом в 1924 г., была в начале 90-х годов переиздана в России и весьма повлияла на взбудороженное общественное сознание. Ее оценка содержится во II разделе настоящей работы).

Справедливо критикуя такой подход, Литвин обратил внимание на неизбежное сходство органов, методов террора у красных и белых, его связь с социально-политическими действиями их правительств, заявлявших о себе как о суверенных государственных образованиях, и бессмысленность террора для достижения цели, несмотря на его обусловленность природой диктатуры. Кроме того, в статье подчеркивается невозможность установить численность жертв террора, который с любой стороны выступает как наиболее варварский метод борьбы за власть и преступление перед человечеством.

В специальной монографии «Красный и белый террор в России 1918–1922 гг.» (Казань, 1995) Литвин развил свои мысли. Он рассмотрел роль политического террора в борьбе за власть, охарактеризовал советскую карательную политику и репрессивную политику антибольшевистских правительств и тотальный террор с обеих сторон.

Тему террора затрагивает и Г.А. Бордюгов, специализирующийся на проблеме «чрезвычайщины» в условиях гражданской войны. Он сопоставляет системы управления в советской республике и при белых режимах, продолжая обосновывать выдвинутую во второй половине 80-х гг. совместно с В.А. Козловым версию. Массовый террор в подчинении собственного тыла служит, по мнению историка, одним из наиболее характерных проявлений одинакового скатывания властей – и красных, и белых – в критических ситуациях к «чрезвычайщине» как особому состоянию и способу управления. Степень

успешности в применении этой меры, однако, была различна, о чем свидетельствуют итоги войны [21]. Автор подтверждает свои выводы ссылкой на аналогичные разработки других историков [22].

Несомненно, важная тема террора, принципиальные оценки подхода, к изучению которой даны в предыдущей главе, тем не менее, освещает лишь одну из граней истории белого движения. Такой же дополняющей и оживляющей ее стороной служит создание портретов белых, активизированное на современном этапе. Это и понятно – расширилась источниковая база, никогда не ослабевает общественный интерес к истории в лицах, да и сам жанр исторических биографий более доступен на уровне накопления знаний, позволяет избежать необходимости отвечать на неясные вопросы или, наоборот, поставить их в связи с персонификацией истории.

Среди наиболее популярных героев белого движения оказались адмирал А.В. Колчак, генералы А.И. Деникин, Я.А. Слащов, В.З. Май-Маевский, М.В. Ханжин, В.О. Каппель, барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг, атаманы Г.М. Семенов, А.И. Дутов и другие [23]. В 1996 г. вышел биографический справочник «История «белой» Сибири в лицах», представивший 22 деятеля антисоветских правительств региона.

Наиболее типичной слабостью ряда таких работ является идеализированное представление авторами своих героев, что можно объяснить прежней закрытостью биографий «врагов», но не дает приращения научного знания, за исключением, пожалуй, фактологической стороны. Не случайно даже один из наиболее активных исследователей белого дела В.Г. Бортневский не избежал очарования «первооткрытия». «Изучая историческую литературу, мемуары, советские и зарубежные архивы, я, сталкиваясь постоянно с лавиной позитивной информации об этом человеке, пытался найти какие-либо свидетельствующие против него лично сведения – дабы избежать расхожего обвинения в идеализации. Но тщетно! Таких све-

дений, по всей очевидности, просто нет» [24], – писал он о В.О. Каппеле. В эмоциональном, почти фантасмагорическом ключе подает своего героя Р.Ф. Унгерна и Л. Юзефович: он видит в нем символ эпохи, демонстрирующий «напор тьмы, грозную близость подземных сил, в любой момент готовых прорвать тонкий слой современной цивилизации» [25].

Между тем, наряду с подобного рода весьма удаленными от науки работами, к середине 90-х годов происходит дальнейшее наращивание профессионального подхода к изучению истории белого движения. Об этом говорит, в частности, тематика докладов на второй международной конференции, продолжившей в 1994 году начатое за год до этого обсуждение истории гражданской войны в России на последующем этапе, в 1919–1920 гг. [26]. На секциях, посвященных противоборству диктатур, взаимоотношениям народа и власти, вооруженным силам и военному искусству в войне, массовому сознанию и психологии гражданской войны, организаторы предоставили возможность выступить и специалистам со стажем, и начинающим ученым. В итоге дискуссия охватила широкий круг важных тем и показала возросший уровень их научного изучения. Это относится к типологии белых режимов и организации власти и управления в них, отдельным направлениям их политики, взаимоотношениям крестьянских масс разных регионов с белыми властями и армиями, боевым действиям белых и причинам их поражения, политическим портретам видных фигур контрреволюции.

Углубленный анализ отдельных сторон истории белого движения представлен и в вышедших в 1994 г. сборниках статей российских и зарубежных историков «Россия в XX веке: Историки мира спорят» и «Гражданская война в России: перекресток мнений». К примеру, Ю.А. Поляков, рассматривая историю начала и эскалации войны, в ее определении отметил динамику формирования и масштабов действий вооруженных сил белых и контрреволюции в целом – от отдельных

групп и соединений к регулярным армиям, а также разнообразие форм борьбы, включая восстания, мятежи, разрозненные столкновения, крупномасштабные военные операции и действия вооруженных отрядов в тылу, диверсионно-террористические акции [27].

Он также призвал активнее изучать историю локальных антисоветских очагов, военное искусство белых, все стороны жизни и деятельности масс в контрреволюционном лагере, не забывая о трагедии побежденных как составной части нашей истории [28]. Ю.И. Игрицкий проследил этапы нарастания контрреволюционного движения с августа 1917 г., когда произошел корниловский мятеж, до лета 1918 г. как окончательного перелома от слабой возможности снятия угрозы войны к ее неизбежности. Он заметил, что белые изначально не имели ясных идентификационных символов и объединяемого социального резерва, но разгон Учредительного собрания, Брестский мир и продразверстка дали их, а Антанта подкрепила материально и духовно.

Игрицкий поставил вопрос о будущем страны в случае победы белых и пришел к выводу, что они не смогли бы избежать жестокого контроля над обществом, в том числе в целях возмездия, но при этом не сумели бы обеспечить системную встроенность сверхцентрализованных механизмов управления государственной и хозяйственной жизнью, так как в отличие от большевиков не имели и не могли иметь организацию типа РКП(б) [29]. Такие гипотетические построения в общем дают определенную возможность лучше понять само белое движение, а приведенные автором причины его поражения подтверждают беспочвенность теоретических умозаключений, если они не основаны на точных фактах.

Тем не менее, конкретика в изучении белого движения доминировала, но наполнялась новыми сюжетами и направлениями. К примеру, появились работы, посвященные офицерскому корпусу как ядру белых армий – здесь анализируются

их численность в разных вооруженных силах, политические настроения и образование, условия жизни и быта [30]. В целом же, говоря о социальной основе белого движения, нужно отметить приоритетное внимание российских историков на этом этапе к казачеству.

Кроме уже охарактеризованных работ, отметим монографию А.В. Венкова «Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны» (Ростов н/Д, 1995). Автору удалось показать обстоятельства борьбы белого командования за влияние на казачество и его использования в антибольшевистской борьбе, успехи и неудачи на этом пути, особенности политики по отношению к казачеству в деятельности сменивших друг друга лидеров ВСЮР. В частности, убежден Венков, попытка П.Н. Врангеля найти поддержку среди рядового казачества и его автономистских слоев оказалась неудачной и на Дону, и на Кубани. К тому же упоминавшаяся выше территориальная замкнутость казачества основательно мешала белому командованию в его стремлении к центру России и ее столицам [31].

К вопросу о социальной основе белого движения примыкает тема национальной политики антисоветских режимов. Организованные изначально на полигэтнических окраинах бывшей империи, они были вынуждены считаться с национальным фактором и проявлениями центробежных тенденций, повсеместно усилившимися с 1917 года. Начатые в предшествующий период исследования этой стороны истории белого дела продолжили более работы Н.В. Подпрятова, В.Т. Тормозова [32] и других авторов.

Так, Подпрятов предпринял параллельное изучение процесса формирования национальных воинских частей на Восточном фронте войны красными и белыми. Он выявил различия между политикой правительства «демократической контрреволюции» в этом отношении и диктаторских белых режимов, сменивших их. Первые опирались на программный

пункт о праве наций на самоопределение и приоритет Учредительного собрания в законодательном разрешении проблемы, относительно демократически решали вопрос о создании национальных воинских частей. Военное же руководство белых правительств, прежде всего Колчака, также руководствовалось основополагающими идеями в этом частном вопросе. Единство и неделимость России, великодержавность, старые принципы формирования армии и недоверие к «националам» определяли отношение к национальным частям. Автор показал и дифференциацию подхода Колчака к этому вопросу относительно представителей народов европейской части страны и малых коренных народов Сибири.

В монографии М.М. Кульшарипова «З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917–1920 гг.)» (Уфа, 1992) представлен довольно удачный анализ истории башкирского национального автономистского движения во главе с Заки Валидовым, которое, как известно, в 1918 г. активно боролось против Советской власти на стороне белых. Автору удалось на новом документальном материале преодолеть искаженное прежде представление о башкирском автономизме и его лидере, показать сложный, драматический характер развития самого движения и перипетии взаимоотношений башкирских националистов с белыми правительствами, причины и трудности перехода на сторону большевиков как одно из проявлений общей исторической судьбы национальных движений и организаций в условиях революции и гражданской войны в России.

Его выводы подтверждает и развивает Д.А. Аманжолова, монография которой посвящена истории казахского автономистского движения Алаш в 1917–1920 гг. Подробно рассматривая национальную политику Комуча и Временного Сибирского правительства, Директории и правительства Колчака применительно к Алаш, она приходит к обобщенному заключению о закономерной, отражавшей общие тенденции разви-

тия антибольшевизма, смене курса – от признания принципа федерализма эсеро-меньшевистскими властями до отрицания права народов на территориальную автономию и вынужденное признание возможности автономии национально-культурной, трагизме положения национальных организаций, в годы войны оказавшихся между молотом и наковальней.

Отсюда и двойственный характер национальной политики белых: «Объективные потребности военного времени в хозяйственных, экономических, управлеченческих вопросах требовали максимальной централизации власти и сужения демократических ее основ. В то же время разбуженные революционными потрясениями начала ХХ века национальные движения заставляли даже наиболее правые силы в белом лагере учитывать их роль и значение в обеспечении социально-политической опоры своей деятельности» [33].

В более поздних работах Аманжоловой подробнее обосновывается тезис о недостаточной изученности и неоднозначности национальной политики белых, необходимости выявлять ее невостребованный демократический потенциал и причины его неосуществимости в сфере государственного строительства, местного самоуправления и гармонизации межнациональных отношений, дальнейшего изучения всех сторон национальной политики антибольшевистских сил как одного из главных испытаний на жизнеспособность. Наряду с этим историк рассматривает проблему национально-государственного строительства в проектах белых на примере Сибири, взаимодействие сибирских областников и национальных движений, в том числе на примере башкирского, алтайского и других [34].

Другое важное направление успешных исследований, явственно обозначившихся в 90-е годы, касается социально-экономической политики белых правительств. Так, на примере Сибири, Урала и Дальнего Востока Н.И. Дмитриев, С.В. Марчук, В.М. Рынков, Л.Н. Долгов, О.Ю. Никонова и другие

рассматривают проблемы государственного регулирования белыми экономики в условиях войны, соотношение рыночных и административных мер в нем, в том числе отношение к ним разных групп буржуазии и роль военных вождей белых в формировании социально-экономической политики, методы управления отдельными сферами хозяйственной жизни и отношения собственности, финансовую и социально-экономическую политику белых [35].

На богатых материалах из местных и центральных архивов, периодической печати авторы показывают, какую роль в стремлении властей оживить экономику и повернуть ее на нужды войны сыграли такие меры, как денационализация предприятий и возрождение крупной частной собственности на землю, таможенная, тарифная и кредитная политика, деятельность банков, выработка новой модели внешней торговли и социального законодательства, методы развития потребительского рынка – от стихийной вольнице до попыток государственного вмешательства. Изучение этих вопросов позволяет полнее воссоздать картину жизни белого тыла, ту самую историю повседневности, о необходимости создания которой в 1990 г. писал, в частности, Ю.А. Поляков (см. параграф 1.3).

Общий итог социально-экономических проектов и деятельности белых был, как известно, неудачным и обусловил рост напряженности в тылу. По мнению же Ю.Д. Гражданова, централизованное руководство экономикой объективно необходимо во время войны, но большевики при его осуществлении проявили большую гибкость и pragmatism [36]. Это положение в общем подтверждено и в ходе изучения экономики воюющих стран в годы Первой мировой войны.

Проблемы социально-экономической политики связаны с вопросом о степени массовой поддержки белых режимов, и здесь наиболее важен анализ аграрных мероприятий белых. Доверие населения к власти определялось не только военными

успехами, но и прежде всего его собственным самочувствием, состоянием хозяйства, быта, решением земельного вопроса – основного для крестьянства страны. В этом смысле внимание ученых привлекла аграрная политика А.В. Колчака и реформа П.Н. Врангеля. Первый, по их мнению, отдавал приоритет хуторянам, отрубникам и выделенцам, но лишь декларативно, не понимая их социального положения и настроений, что привело к восстаниям крестьян. Врангель осознавал, что крупное землевладение отжило и необходима поддержка мелкого собственника – крестьянина. Но, как показал А.В. Ломкин, пройти до конца путь от лозунга до реальной реформы Врангелю не удалось в силу недоверия к крестьянству и вообще народным массам, а последних ко всем властям, стремления командования быстрее получить ресурсы, а не дать юридические гарантии собственности населению, слабости разъяснительной и пропагандистской работы и других обстоятельств [37].

Наряду со статьями, тезисной разработкой отдельных вышеперечисленных сюжетов истории белого движения рассматриваемый период отмечен появлением крупных монографических исследований, авторы которых выходят на более высокий уровень обобщений и оценку ключевых вопросов общей проблемы. К ним относятся труды В.Д. Зиминой и Ю.Д. Гражданова, В.П. Слободина, В.П. Федюка и А.В. Венкова, Н.С. Ларькова и С.В. Устинкина.

Указанные авторы отмечают объективные трудности в определении понятия «белое движение» – груз старых схем и догм, стереотипов мышления, недостаточную разработанность понятийного аппарата, некритическое использование трудов и идей эмигрантских и зарубежных исследователей и другие. В то же время они предлагают свои трактовки понятия. Так, Г.З. Иоффе на примере Добровольческой армии выделяет в качестве основы для понимания белого движения программные установки – непредрешенчество, неопределенность в вопросе о будущем государственном устройстве России [38].

Это не новое положение, и его недостаточно для выяснения критерииев определения, хотя предмет авторского интереса в данном случае прямо не связан с белым движением.

Именно разность в отборе критерииев составила основу отличий в формулировках отдельных историков, их сильные и слабые стороны. В.П. Слободин выделяет белое движение из антибольшевистского лагеря, в который входили также интервенты, казачество, армии «демократической контрреволюции». Поэтому «белое движение, – пишет историк, – это самостоятельное военное и общественно-политическое течение, выработавшее либерально-консервативные взгляды части русского общества по объединению всех его слоев на общенациональной платформе, организации эффективного сопротивления внешней угрозе целостности и независимости страны со стороны блока Центральных держав, а затем принявшее противобольшевистский характер. Оно выступало за определение демократическим путем будущего России в учредительном собрании в соответствии с идеями Февральской революции, за сотрудничество с передовыми государствами мира на основе приоритета национальных интересов, а так же за сохранение культурных и религиозных ценностей, накопленных многовековой историей российского народа» [39].

Это сложное определение включает в себя и социально-классовые, и политические, и идеологические, и внешнеполитические аспекты и потому противоречиво – нужно иметь ввиду программы и практику их реализации, динамику состава и идеологии и прочие моменты, которые подрывают целостность формулировки и показывают ее недостаточную корректность.

Аналогичное перечисление разных по критериям определений и характеристик белого дела дает и С.В.Устинкин, это приводит к путанице и подмене понятий, противоречивости выводов. Так, антибольшевистское движение он характеризует как аморфное, включавшее несовместимые по установ-

кам силы, а белое движение как более узкое, первоначально не включавшее социалистов и монархистов, надпартийное, русское государственно-патриотическое, имевшее организационную структуру и вооруженные силы в качестве главного элемента государственного аппарата, с опорой на офицерство. Тут же, однако, говорится, что белогвардейцы в широком смысле – все участники движения, начавшие антисоветскую борьбу, а в узком – добровольцы [40].

Определение белого движения выглядит так: это «сложная система, включающая: действия различных социальных, демографических, национальных групп и политических партий; организационную структуру и неформальных лидеров; единые государственно-патриотические, национальные, религиозные и культурные ценности; близкие нравственные нормы и принципы поведения; специфические способы мифологизации названных норм и ценностей в политической идеологии».

К особенностям белого движения причисляются как целостность, так и противоречивость, «эссенциализм» (социальный состав, организационная структура, идеология определили суть – такая постановка еще больше запутывает читателя), динамичность. Все это дополняется пространными перечислениями определений, данных советскими, эмигрантскими, западными историками, а также цитатами из философских трудов по общим проблемам российской истории [41].

Похвальное стремление к беспристрастности и диалектическому подходу в анализе противоборствующих сторон обернулось противоречивостью, запутанностью, смешением мало совместимых критериев и, в конечном счете, неудачным решением поставленной задачи. В этом смысле вновь необходимо напомнить на предложения П.В. Волобуева и Ю.А. Полякова, в развитие которых наиболее продуктивной представляется позиция Ю.Д. Гражданова и В.Д. Зиминой. Они не ставят знака равенства между контрреволюцией и белым

движением, выделяя разнородность социально-политических элементов последнего, наличие в нем как монархистов, так и сторонников Февральской революции, как либералов, так и просто не понимавших сути большевизма людей. При этом они справедливо называют антибольшевизм как объединяющую основу в белом движении. Эти ученые к тому же продолжают начатое ранее изучение роли внешнеполитического фактора в составе, программе и идеологии белого дела на примере прогерманской его части. Это выводит их на создание более точных представлений о перипетиях гражданской войны и судьбы белых режимов на Украине, в Крыму, на Юге страны [42].

Зимина к тому же дополнила данные о внешнеполитических ориентирах белых, показав рост противоречий среди них в связи с опорой на Германию или Антанту. Но по сути, считает она, и «германофилы», и колчаковские деятели имели одного врага – большевиков, а потому объективно могли объединиться в борьбе за восстановление единой и неделимой России и монархии. Скрытая симпатия ставленника Антанты Колчака к Германии, однако, утверждает она далее, помешала единству сил и действий [43]. Эти сюжеты, как отмечалось во 2 главе, разрабатывались и прежде.

К этим выводам примыкают размышления М.В. Назарова, который не только назвал сторонников прогерманской ориентации среди белых – А.В. Кривошеина, П.Б. Струве, П.Н. Милюкова и других – это было известно и раньше. Он попытался объяснить причины такой направленности внешнеполитических симпатий и остановился на традиционных типах государственности, неприятии офицерами политики Временного правительства, а также разочаровании армии в союзниках по Антанте (об этом немало написано в эмигрантской литературе – см. параграф 2.1 главы II). Под влиянием эмигрантских авторов, очевидно, сделан и вывод о том, что Деникин ошибочно направился на Кубань в 1918 году, чтобы противостоять

расширению экспансии немецких войск, вместо того, чтобы идти к Волге и Царицыну [44].

В другой работе Зиминой «Белое движение в годы гражданской войны» (Волгоград, 1995) выделяются централизаторское общероссийское направление белого движения и областническое, прежде всего казаческое, разделенные подходами к спасению страны и объединенные необходимостью взаимной поддержки. Здесь же ученый указывает, что требование воссоздания «единой и великой России» не имело какой-либо солидной концептуальной основы, так же как и программного характера, а лишь определяло довольно общие и весьма расплывчатые контуры конечной цели борьбы и предназначалось прежде всего для консолидации сил антибольшевизма – как и непредрешенчество.

В то же время оно подрывало социальную базу движения, действовавшего на национальных окраинах, и запоздалый «тактический федерализм» Врангеля не мог спасти положение. Зимина наряду с этими верными оценками подчеркивает и переплетение в белых режимах авторитарных и демократических признаков, «непредрешенчество» как причину такого явления, с ориентацией на сохранение и поддержание исторически традиционных форм государственной и общественной жизни страны, неспособность преодолеть гипертрофию государства, характерную для России. Не случайно вместе с Граждановым она считает декларативным и пропагандистским для белых лозунг Учредительного собрания, при приоритете административно-бюрократических и насильтственных методов управления [45].

В вопросе о периодизации истории белого движения этот специалист предлагает использовать разработанную военным историком эмигрантом А. Зайцовым в изданной в 1934 г. работе «1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны». Есть и попытки самостоятельного решения задачи. Так, В.П. Слободин наметил следующие этапы, взяв за основу ру-

бези развития движения: его зарождение и выработка идеологии с весны по ноябрь 1917 г.; затем становление движения с ноября 1917 по ноябрь 1918 гг.; далее – образование «белой» России (ноябрь 1918 – ноябрь 1919 гг.) и, наконец, упадок и распад белого движения (ноябрь 1919 – октябрь 1922 гг.) [46].

Здесь вновь проявляется необходимость первоначально определить критерии периодизации – брать ли за основу развитие и судьбу вооруженных сил, поскольку именно они играли решающую роль в войне (не случайно в своей периодизации гражданской войны Поляков пишет, прежде всего, об этом, относительно контрреволюции в том числе), или изменения программы и идеологии, или же историю антисоветской государственности во время войны. Очевидно, в предложении Слободина предусматривается несколько моментов в качестве базовых, но не ясно, какой из них дал ключ к хронологии рубежей.

Сущностные основы белого движения – наиболее важный и сложный вопрос. Это подтверждается уже приведенным выше анализом ряда работ современных историков, а также их выводами о программе, идеологии и политике белых режимов и всего движения в целом. Так, Устинкин считает научной новизной своего труда показ того, что трагедия белой гвардии состояла в насильственном изгнании со сцены общественного развития класса, не исчерпавшего исторических возможностей, способного принести огромную пользу Отечеству [47]. Не оспаривая самого этого тезиса, тем не менее сложно согласиться с именно научной, а не психологической, идеологической новизной такой постановки вопроса для отечественной историографии. К тому же непонятно, о каком классе идет речь – ведь белая гвардия не являлась классом, а, наоборот, по наблюдениям того же автора, состояла из представителей самых разных слоев и групп общества.

Пытаясь дать еще более точное объяснение сути белого дела, он опять высказывает противоречивые суждения. С од-

ной стороны, белые, пишет историк, были не только монархистами, но и кадетами и эсерами, и коренная причина их антибольшевизма заключалась не в собственности, а в требовании территориальной целостности, культуры и демократии. С другой стороны, далее утверждается, что террор и злоупотребления были заложены в костяке белого движения – офицерстве, а программа включала прежде всего пункт о частной собственности и социально-политические факторы играли определяющую роль в судьбе белых армий.

Говоря об идеологии белого дела, Устинкин настаивает на ее единстве (несмотря на наличие представителей разных партий), которое основывалось на соотношении реальных сил и возможностей, изменении группировок от эсера-меньшевистских, эсера-кадетских к правым кадетам и монархистам, межпартийных объединениях и повышении их роли в координации действий, русском офицерстве [48]. Вряд ли такая аргументация плодотворна.

В программу белых он включает также гражданский мир, правовое государство, сильную национальную власть, идейный и политический плюрализм, возрождение духовности, христианскую нравственность, свободное соревнование этически-эстетических ценностей и вместе с тем неразрывную связь с православием. Отсюда Устинкин выводит и общие концептуальные установки белой идеологии – традиционный, общенациональный характер, надклассовость и надпартийность, верность историческим началам, строгое соблюдение законности, духовность и моральная правота – с точки зрения теоретиков белого дела [49]. Здесь происходит перенос размышлений философов русской эмиграции постфактум на саму историю белого движения в годы войны.

В аналогичном ключе определяются и политические лозунги белого движения: свержение большевиков, восстановление Единой и Неделимой России, государственного правопорядка; созыв народного Собрания на основе всеобщего

избирательного права; проведение децентрализации власти путем областной автономии и широкого самоуправления (весьма спорное утверждение – В.Т.); гарантия гражданских прав и свобод, свободы вероисповедания и культурно-национальной автономии; признание права частной собственности; проведение земельной реформы для устранения нужды трудающихся; немедленное введение рабочего законодательства [50]. Даже если всерьез воспринимать лозунги как программу, требование объективности и историзма предполагает их со-поставление с реальной практикой, выявление мотивов выдвижения тех или иных лозунгов, анализ их взаимосочетаемости и истинных намерений и других факторов – вспомним хотя бы приводившееся выше мнение Игрицкого о возможной политике белых в случае их победы.

Не менее многословны и противоречивы суждения Устинкина об этике, эстетике (об этом, кстати, ничего нами не обнаружено), социальной психологии белого движения. Он дает и еще одно его определение: это русское государственно-патриотическое движение, буржуазное по социальной природе, в политическом плане эволюционировало от коалиции правых социалистов с кадетами через чистый кадетизм к кадето-монархизму. В идеологии оно прошло путь от социального реформаторства с элементами государственно-патриотического милитаризма через либерализм к консерватизму. В этике – это конгломерат установок нравственного кодекса офицерской чести, православных норм, этики либерализма и консерватизма, в организационной структуре – вооруженные силы, стержень которых составило офицерство [51].

Общие рассуждения и оценки правомерны лишь при опоре на достоверные факты, строгий научный анализ широкого круга источников. Такой основательный подход продемонстрировал ярославский историк В.П. Федюк. В его монографии «Белые. Антибольшевистское движение на юге России 1917–1918 гг.» (М., 1996) рассматривается начальный этап истории

Добровольческой армии как главной силы антибольшевизма. Кстати, уже в названии автор ставит знак равенства между антибольшевистским и белым движением, тем самым как бы отмежевываясь от споров об определении понятия. В то же время он отмечает, что наиболее организованные формы антибольшевистские силы приобрели в белом движении, таким образом, признавая все-таки существовавшие различия. Работа, как и другие труды этого ученого, отличается живостью и образностью изложения, насыщенностью конкретно-историческими деталями и зарисовками.

Федюк исследовал процесс формирования Добровольческой Армии, события на Украине и взаимоотношения антибольшевистского лагеря, Германии и Антанты в выбранный хронологический период. Он критически оценивает попытки беспочвенной романтизации белого движения и на основе разнообразных источников доказывает закономерность выдвижения Добровольческой армии на лидирующие позиции в антибольшевистском лагере, единство которого, однако было результатом подчинения, а не компромисса. Автор подчеркивает важную роль духовной общности добровольцев, сложившейся в первых походах, и ее негативные последствия – замкнутость добровольчества, усиление его неуправляемости, а для самой армии – отрицательную роль выполнения не свойственных ей функций государственного управления. Важен вывод и о проявлении основных факторов слабости белого дела уже на начальном этапе его развития [52].

В 1997 г. в соавторстве с А.И. Ушаковым вышла еще одна книга В.П. Федюка «Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920». В ней продолжено описание военной истории белых на Юге от катастрофических событий конца 1919 г. до эвакуации из России, означавшей конец истории белого движения в гражданской войне. Положительной стороной этой книги является показ смены руководства в Вооруженных Силах Юга России и в многом реформаторской политики Врангеля на завершающем

этапе войны. Снабженная научно-справочным аппаратом, она вместе с тем может служить для популяризации исторических знаний в широких кругах общества.

Весьма полезной для углубленного изучения многих важных проблем избранной темы представляется работа Н.С. Ларькова, изучившего один из важнейших вопросов в истории страны и, особенно в эпоху революции и гражданской войны – армия и власть. Наряду с взвешенной характеристикой историографии проблемы он внес свой оригинальный вклад в ее исследование, выявил рубежи и этапы военно-политического противоборства на примере Сибири в конце 1917–1918 гг.; показал особенности политического поведения армии на каждом этапе этого периода; дал характеристику военной и гражданской бюрократии, борьбы за политическое лидерство; осветил военную деятельность партий, организаций, групп; провел сравнительный анализ процессов создания противоборствующих вооруженных сил, состояния материальных и людских ресурсов и резервов сторон, выявил механизм эскалации вооруженной борьбы, степень готовности и участия масс и социально-психологические факторы, а также суть феномена «атамановщины» и «партизанщины», процесса рождения военной диктатуры в Сибири [53].

Выполняя эти задачи, ученый внес свой вклад в освобождение исторического знания от ошибочных и искаженных представлений и попытался синтезировать разные методологические подходы, изучить ментальность, социокультурные особенности развития страны, применить методы смежных дисциплин для углубленного понимания анатомии гражданской войны. Это позволяет уточнить и вопросы истории белого движения на примере Сибири.

В частности, Ларьков детально осветил зарождение и действия антисоветского подполья в регионе как инициированного самими сибиряками, а не извне, и в то же время его политическую неоднородность и внутреннюю противоре-

чивость, конкретный состав подпольщиков (51,4% их состояли офицеры). Повстанческо-партизанская борьба против большевиков зимой и весной 1918 г. в Сибири, как выяснил автор, имела стихийную подоплеку, а антибольшевистские убеждения крестьян были неустойчивы и содержали большой элемент отрицания всякой власти вообще. При этом происходило постепенное углубление интереса масс к политике и в то же время неприятия крестьянами идеи братоубийственной войны, тогда как обе стороны не смогли создать массовую вооруженную силу к лету 1918 г. Лишь чехословацкий мятеж кардинально изменил ситуацию в пользу белых, хотя и не был согласован с действиями подполья [54].

Ларьков показал эволюцию политических настроений в сибирских правящих кругах в 1918 г. и в этом плане подтвердил уже известные выводы советских историков о тенденции поправления их. Он подчеркнул также, что альянс военных и правых состоялся на основе национально-государственной идеи как политической оси белого дела и росте авторитаризма, но призвал не гипертрофировать, как было ранее, монархизм сибирских офицеров. В анализе причин и хода утверждения диктатуры А.В. Колчака новым является внимание историка к внутреннему положению в Сибири, позиции крестьянства, поддержке диктатуры не только буржуазией либеральными деятелями, но и маргиналами-беженцами, уставшим населением. Верхушечный по форме переворот в итоге стал проявлением глубочайшего социально-политического кризиса, охватившего Россию [55].

Заслугой ученого является обоснование тезиса о том, что выдвижение вооруженных сил обеими сторонами в качестве источника власти привело к деформации социальной системы власти и росту военно-политических подсистем в ущерб экономической, правовой и другим на всех уровнях. При этом доминирование тенденции эскалации войны у белых и красных (ученый констатировал синхронность установления диктатур

по обе стороны фронта) было вызвано глубокими противоречиями – у белых это разнонаправленность эсеров и военных, различия в подходах и технологии формирования власти. Он также подчеркнул, что война обнажила глубинные противоречия между городами и деревней, государством и крестьянством во всей России. Армия же, не реакционная и не антнародная, но авторитарная по природе, попыталась реализовать альтернативный большевизму путь выхода из системного кризиса и возрождения России, не более утопичный и жестокий, чем леворадикальный, но едва ли не в равной мере трагичный [56].

Такой качественно во многом обновленный подход можно приветствовать как требующий дальнейшего развернутого продолжения. Он также позволяет дополнить наши представления о причинах поражения белого движения не на эмоциональной, а на научной основе. В этом отношении автор исходит из факта политической неопытности и внутренней противоречивости белого движения, не позволивших преодолеть дезинтеграцию российского социума и предопределивших во многом ход и исход войны.

В анализе основных причин поражения белых в современной литературе нет больших разнотечений, в том числе в сравнении с предшествующими периодами развития отечественной и зарубежной историографии. Здесь, пожалуй, более всего наблюдается единодушие историков, главным образом дополняющих и развивающих выдвинутые ранее версии. Так, А.Б. Езеев пишет о том, что уже отмечали эмигрантские авторы – ненадежность связи между основными военными силами и их командованием на Юге и Востоке России, отказ от надлежащей координации военных действий и их не совпадение, не всегда успешное маневрирование отдельными соединениями (хотя, в целом, именно маневренность белых частей составляла их силу, прежде всего за счет кавалерии – В.Т.), неотлаженность механизмов сотрудничества в сфере снабжения армий [57]. В советской историографии, как известно, определенное

время господствовал тезис о тесной взаимосвязи и согласованности всех действий, как самих белых, так и их с союзниками, поэтому данные наблюдения Езеева вносят дополнительную ясность в изучение проблемы.

Наряду с этим историки продолжают развивать мысли о беспочвенности «третьего пути» как альтернативы большевизму и белой власти, роли личных качеств белых вождей и их взаимоотношений, партийно-политической подоплеке программы, идеологии и политики белых режимов, их взаимоотношений с тылом и населением, внутреннем состоянии белых армий и других причинах поражения белого дела [58].

Итак, в 90-е годы в изучении истории белого движения отечественными учеными произошли новые качественные изменения. Продолжается и приобретает более основательную разработку источниковая основа предмета исследования, расширяется публикаторская деятельность научных и общественных центров и организаций. В этом направлении заметно некоторое усиление взаимодействия российской и зарубежной науки, ряда архивных и издательских центров, что отражает утверждение новой тенденции в развитии исторической науки в целом – интеграцию научного знания, создание общего поля исторических исследований, не разделенного на взаимно непримиримые стороны. В то же время следует отметить такое негативное явление, как разрыв традиционных связей и ослабление сотрудничества российских историков со своими коллегами из бывших советских республик. Немаловажную роль здесь играет критическое материальное и финансовое состояние науки в странах СНГ.

Следующим шагом в развитии отечественной историографии белого движения стало дальнейшее нарастание углубленного изучения его локальных очагов, что в совокупности позволяет полнее представить противоречивую, пеструю картину, как самого белого дела, так и всей истории гражданской войны в России. Это относится и ко все более активно

разрабатываемым историками направлениям конкретной деятельности белых правительств юга, севера, востока страны – национальной, социально-экономической, внешней, аграрной политики. Проявлением данной тенденции служит складывание исследовательских групп и практика проведения разного рода коллективных дискуссий не только в Москве и Петербурге, но и в городах, исторически связанных с решающими событиями гражданской войны, – сибирские Томск, Кемерово, Новосибирск, северный Архангельск, поволжские Нижний Новгород, Ярославль, Казань, северокавказские Новочеркасск, Ставрополь, Краснодар и другие.

С помощью методов смежных гуманитарных дисциплин ученые меняют ракурс анализа массовых настроений и поведения как крупных общественных групп в белом лагере, так и его основных составляющих, прежде всего военных и офицеров, в частности. Полезные результаты получаются при корректном освоении новых методологических направлений, прежде всего школы социальной истории.

Накопление фактологической базы исследования проблемы, расширение круга тем и сюжетов, направлений научного поиска проявилось не только в росте изданий малой формы, но и в очевидном увеличении числа монографических работ, кандидатских и докторских диссертаций по истории белого движения. Их авторы рассматривают не только отдельные частные вопросы темы, но и пытаются дать ответы на основные вопросы – сущность, программа, идеология, состав, политика, периодизация, причины поражения белого движения в гражданской войне. Не все такие опыты можно признать удачными. Так, более основательно проработаны вопросы о составе, ходе формирования и деятельности основных вооруженных сил и государственных структур белых, динамике партийно-политических взаимоотношений между ними, политические биографии ведущих лидеров, роль отдельных казачьих и национальных формирований в белом движении, место и роль

ряда направлений политики белых правительств, прежде всего в аграрной сфере, причины поражения белого дела.

Вместе с тем продолжают оставаться дискуссионными определение понятия «белое движение», выделение его основных программных положений и идеологии, а также такие более частные темы, как идеино-политическая и пропагандистская работа белых, повседневная жизнь населения на территориях, подчиненных противникам большевизма, проекты и реализация альтернативных большевизму моделей экономического развития, национально-государственного строительства, системы управления и самоуправления и другие, а также со-поставление имевшихся внутри белого движения проектов по этим и другим вопросам. Недостаточно еще и изучение социально-психологических факторов в истории белого движения, взаимоотношениях армии и власти, армии и народа, государства и масс.

В целом имеющиеся на сегодня наработки позволяют констатировать наступление нового этапа в изучении истории белого движения в российской историографии как самостоятельного предмета. Его исследование все больше опирается на синтез наиболее плодотворных теоретических подходов и методов, плюрализм мнений, свободу научного творчества, постепенное преодоление старых и новых мифов и стереотипов, включение истории белого движения в общую картину исторического процесса России как его неотъемлемой части.

Литература

1. Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. М., 1995.
2. Дроков С.В. Подлинные протоколы допросов А.В. Колчака и А.В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. № 5-6; Его же. Материалы следственного дела А.В. Колчака как источник по истории гражданской войны в Сибири (1918-1920

гг.) // История «белой» Сибири: Тезисы науч. конф. Кемерово, 1997. С. 12-14; Попов А.В. Документы российской эмиграции в архивах Москвы. История формирования комплекса эмигрантских материалов: проблемы выявления, комплектования, описания и использования. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

3. Вышли, в частности, книги: Дон и Добровольческая армия. М., 1992; Кубань и Добровольческая армия. М., 1992; Врангель. В 2-х ч. М., 1992; Генерал Корнилов. М., 1993; Ледяной поход. М., 1993; Поход на Москву. М., 1996; Добровольцы и партизаны. М., 1996.

4. Белый Север. 1918-1922 гг.: Мемуары и документы. В 2-х вып. Архангельск, 1993.

5. Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995.

6. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1992; Октябрь 1920-го. Последние бои русской армии генерала Врангеля за Крым. Сост. А.Дерябин. М., 1995.

7. В «Русском прошлом» за 1992 г., № 3, опубликованы, в частности: А.А. Столыпин. Записки драгунского офицера. 1917-1920 гг. (Публ. Н. Рутыч, И. Архипова); Н.В. Савич. Из красного Петрограда на белый Юг (воспоминания бывшего депутата Государственной думы). (Публ. Н. Рутыч, В. Бортневского); за 1993 г., № 4: К истории осведомительной организации «Азбука» (публ. В. Бортневского); Н.В. Устрялов. 1919-й год. Из прошлого (публ. А.Смолина); за 1994 г., № 5: Кубань и Добровольческая армия в 1918-1919 гг. Из архива РПЦ за границей (США). (Публ. В. Бортневского); «Ставя Родину выше лиц...» (Из архива генерала И.Г. Барбовича). (Публ. В. Бортневского); за 1994 г., № 7: Н.Ф. Иконников. Пятьсот дней: секретная служба в тылу большевиков 1918-1919 гг.

Военно-исторический журнал «Новый часовой» – преемник издававшегося в 1929–1989 гг. в Париже и Брюсселе «Часового» поместил, например, материалы генерал-майора А.Л. фон Лампе о Врангеле (1994. № 1. С.43-74), атамане Семенове (там же. № 2. С.185-191). Научно-популярный альманах «Белая армия. Белое дело» выходит в Екатеринбурге с 1996 г.

8. Отечественная история. 1993. № 3. С. 103-106.
9. Там же. С.111-114.
10. Там же. 1992. № 6. С. 32-39.
11. Там же. С. 39-41.
12. Поляков Ю.А. Гражданская война в России: последствия внутренние и внешние // Новая и новейшая история. 1992. № 4.
13. Шевоцуков П.Г. Гражданская война. Взгляд через десятилетия // Свободная мысль. 1992. № 10. С. 74-84.
14. Чирухин Н.А. Дуговщина. Антибольшевистское движение на Южном Урале. 1917-1918. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1992. С. 11, 14-15.
15. Международная научная конференция «Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год». Материалы первой сессии. В 2-х ч. М., 1993.
16. Там же. Ч.1. С. 3-5.
17. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 7.
18. Международная научная конференция «Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год». С. 5, 6-7.
19. Ципкин Ю.Н. О возможности компромиссов и привлечения части белой армии для борьбы с интервенцией в Дальневосточной республике // Из истории Дальневосточной республики. Владивосток, 1992; Его же. Белое движение на Дальнем Востоке (1920-1922 гг.). Хабаровск, 1996.
20. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России 1917-1922 // Отечественная история. 1993. № 6. С. 46-62.
21. Бордюгов Г. Чрезвычайные меры и «чрезвычайщина» в советской республике и других государственных образова-

ниях на территории России в 1918-1920 гг. // Cahiers du monde russe, 38 (1-2), janvier – juin 1997. Р. 29-44.

22. Бугаев Д.А. На службе милицейской. Кн.1. Ч.1. Красноярск, 1993; Никитин А.Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. Уч. пособие. М., 1995; тезисы для научной конференции в сборнике «История «белой» Сибири» (Кемерово, 1997): Дубровская В.А., Звягин С.П. Обучение чинов Сибирской милиции (1918-1919 гг.). С. 113-117; Греков Н.В. Формирование контрразведывательной службы армии Колчака. С. 58-62; Бортникова О.Н. Тобольская тюрьма накануне и в годы гражданской войны. С. 117-122.

23. Черкашин Н. Звезда Колчака. Размышления над старыми фотографиями. М., 1993; Богданов К.А. Адмирал Колчак. Биографическая повесть-хроника. СПб, 1993; Шишкин В.И. Как Колчак стал Верховным правителем // Сибирские огни. 1993. № 5-6; Апрелков А.В., Попов Л.А. Казачий генерал Зуев: из истории ледового похода Сибирской белой армии // Вестник Челябинского университета. 1994. № 1(7); Козлов А.И. Антон Иванович Деникин // Вопросы истории. 1995. № 10; Курас Л.В. Белая Россия: атаман Г.М. Семенов // Русские за рубежом. Научно-инф. бюлл. гуманит. обществ.-науч. центра. Иркутск, 1995. № 5; Волков Е.В. Михаил Васильевич Ханжин: судьба колчаковского генерала // История «белой» Сибири. С. 55-59; Пчелов Е.В. Монархические идеи барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга // Там же. С.34-36; Тормозов В.Т. Атаман Дутов: «Я люблю Россию...» // История. Приложение к газете «1 сентября». 1997. № 10; Его же. Война и белое дело в судьбе Бориса Анненкова // Там же. 1997. № 29.

24. Бортневский В.Г. Белое дело: Люди и события. СПб, 1993. С. 56.

25. Юзефович Л. Самодержец пустыни (Феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). М., 1993. С. 6.

26. Международная научная конференция «Гражданская

война в России (1919-1920 гг.)». 13-14 декабря 1994 г. Программа. М., 1994.

27. Поляков Ю.А. Гражданская война: начало и эскалация // Гражданская война в России :перекресток мнений. М., 1994. С. 40-54.

28. Его же. Поиски новых подходов в изучении истории гражданской войны в России // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 268-279.

29. Игрицкий Ю.И. Гражданская война в России: императивы и ориентиры переосмысления // Гражданская война в России: перекресток мнений. С. 55-70.

30. Лившиц И.И. О роли кадровых офицеров в гражданской войне // Вопросы истории. 1993. № 6. С.188-189; Войнов В.М. Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918-1920 гг.) // Отечественная история. 1994. № 4; Симонов Д.Г. Из истории вооруженных сил Временного Сибирского правительства // Сибирь в период гражданской войны. Кемерово, 1995; Константинов С.И. Трагедия офицерского корпуса белых армий на востоке страны // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 1996. № 1 и др.

31. Венков А.В. Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. Ростов н/Д, 1995. С. 55-59, 60-66; а также: Гражданов Ю.Д. Донская армия в 1918 году: опыт истории // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докл. на V междунар. науч. конф. Ростов н/Д, 1995. С. 66-67; Сивков С.М. начальный период гражданской войны на Кубани и в Черноморье. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1996.

32. Подпрятов Н.В. Роль национальных воинских формирований в годы гражданской войны на восточном театре военных действий. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1994; Его же. Проблема национальных воинских частей в решениях политических партий России в 1917 г. // Обл. науч. конф. «Человек, политика, рынок».Пермь, 1992. С.14-16; Кульшарипов

М.М. З. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской Республики (1917-1920 гг.). Уфа, 1992; Валиханова Н.С. Политическое противоборство по национальному вопросу в Туркестане (1917-1922 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993; Федюк В.П. Украина в 1918 году. Гетман П.П. Скоропадский. Ярославль, 1993; Тормозов В.Т. Белое движение и национальный вопрос в Сибири (1918-1919 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

33. Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. М., 1996; Ее же. Национальная политика правительства А.В. Колчака (1918-1919 годы) // Вестник Челябинского университета. 1994. № 1(7). С. 32.

34. Аманжолова Д.А. Историография изучения национальной политики // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С.317; Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 229-234, 237-246.

35. Дмитриев Н.И. К вопросу о социальной защите рабочих при Временном областном правительстве Урала // Из истории общественных и политических организаций на Урале. Ч.1. Екатеринбург, 1992; Его же. Белогвардейская эвакуация промышленности Южного Урала // И.И. Неплюев и Южноуральской край. Челябинск, 1993; Его же. Водный транспорт Сибири в период белогвардейского правления // История Советской России: новые идеи, суждения. Тюмень, 1993; Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика колчаковщины глазами современных исследователей // Вестник Челябинского университета. 1994. № 1 (7); Черняк М.Э. Хозяйственная жизнь сибирского города в годы гражданской войны (по материалам периодической печати) // Из истории революций в России (первая четверть XX века). Вып.2. Томск, 1996. С.37-42; Макарчук С.В. Социал-демократы и рабочий вопрос при «белых» правительствах Сибири // История «белой» Сибири. С.28-32; Рынков В.М. Проблема частной собственности в

экономической политике «белых» правительств в Сибири // Там же. С.86-91; Долгов Л.Н. Проблема регулирования потребительского рынка в деятельности «белой» администрации Дальнего Востока (1918-1919 гг.) // Там же. С.74-78; Николаев Р. Деньги белой гвардии. СПб, 1993.

36. Гражданов Ю.Д. Государственные режимы периода гражданской войны в России // История советской России: новые идеи, суждения. С.55.

37. Гражданов Ю.Д. Аграрное законодательство режима Колчака // Сибирь в период гражданской войны. С.65-66; Ломкин А.В. Земельная реформа генерала П.Н. Врангеля // Белое движение на юге России (1917-1920): неизвестные страницы и новые оценки. М., 1997.

38. Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 210.

39. Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Уч. пособие. М., 1996. С. 75.

40. Устинкин С.В. Белое движение в России в годы гражданской войны (1917-1922 гг.). Автореф. дисс. докт. ист. наук. Н. Новгород, 1996. С. 2-3.

41. Там же. С.6; Его же. Трагедия белой гвардии. Н. Новгород, 1995. С. 10, 12-13, 14-18.

42. Гражданов Ю.Д., Зимина В.Д. Союз орлов. Белое дело России и германская интервенция в 1917-1920 гг. Волгоград, 1997. С. 6.

43. Зимина В.Д. Северо-западная германофильская и восточная контрреволюция: попытки взаимодействия и их крах // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917-1922 гг. Новосибирск, 1985. С.156-158.

44. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. С.107.

45. Зимина В.Д. Белое движение в годы гражданской войны. Уч. пособие. Волгоград, 1995. С.13, 17-18,21, 45; Гражданов Ю.Д., Зимина В.Д. Указ. раб. С. 277-278.

46. Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Уч. пособие. М., 1996. С.8.
47. Устинкин С.В. Белое движение в России в годы гражданской войны. С. 11.
48. Там же. С. 34, 36-37, 40-41, 52; Его же. Трагедия белой гвардии. С.167.
49. Его же. Белое движение в России в гражданской войне. С. 56-57.
50. Там же. С. 57-58; Его же. Трагедия белой гвардии. С. 196-207.
51. Там же. С.80.
52. Федюк В.П. Белые. Антибольшевистское движение на Юге России 1917-1918 гг. М., 1996. С.7-9, 143-144.
53. Ларьков Н.С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917 – 1918 гг. Автореф. дисс. докт. ист. наук. Томск, 1996. С.3-17.
54. Там же. С. 29-33.
55. Там же. С. 36-41.
56. Там же. С. 42-44.
57. Езев А.Б. Добровольческая армия и Сибирь (1917-1919) // Белое движение на юге России (1917-1920): неизвестные страницы и новые оценки. М., 1997. С. 20-21.
58. Шишгин В.И. Колчаковская диктатура: истоки и причины краха // История «белой» Сибири. С.7-12; Берснева И.В. Попытки формирования демократической государственности в Восточной Сибири (Межпартийный блок «Политический центр» – ноябрь 1919 – январь 1920 гг.). М., 1995; Платонов О. Почему не могло победить Белое движение // Литературная Россия. 1995. 24 марта.

2. БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

2.1. Литература русского зарубежья: оправдание и осмысление

Особую ценность в историографии белого движения представляют источники, созданные его непосредственными участниками, его современниками, более того – его сторонниками, носителями идеологии белого дела, то есть теми, кто боролся за осуществление его целей и задач, кто потерпел поражение в этой борьбе и пытался, в меру своих сил, вспомнить и запечатлеть события, ими пережитые, осмыслить их и оправдать. Другого варианта осмысления у них не могло быть, как не было его, впрочем, и у их противников. Эта печать предрещенности выводов лежит на работах представителей двух антагонистических лагерей, окрашивая труды одних в цвета грусти, пессимизма и поражения, а других – в оптимистические цвета непогрешимой уверенности в победе и ее исторической обусловленности.

То же можно сказать и о работах, написанных участниками белого движения еще в ходе гражданской войны, когда исход борьбы не был ясен до конца. И вместе с тем они уже тогда скорее ощущали, чем понимали неизбежность краха старого, их мира, не представляя контуров будущего, осознавали трагизм своего положения, когда цели их движения были непонятны или чужды большинству, когда офицеры в массе своей

встали по одну сторону фронта, а солдаты – по другую. В этом массиве вышедшей в России историко-публицистической литературы, как и у сторонников РКП(б), преобладали перенос политики в науку и историческое сознание, тенденциозность и некритическое описание событий и политического поведения лидеров и их окружения, оправдание поражения белого дела субъективными, внешними причинами и обстоятельствами [1].

Отдельные работы были посвящены руководителям белого движения [2]. Они имели, как правило, пропагандистский и апологетический характер, и содержали развернутые биографические справки, свидетельства, документы, статьи и другого рода материалы о личности того или иного деятеля, предназначенные для создания образа патриота, народного вождя, стоящего над схваткой и озабоченного исключительно бескорыстными мотивами служения Отчизне. Так, государственная и общественная деятельность А.В. Колчака оценивалась следующим образом: «Непрестанный подвиг; подвиг военный, подвиг гражданский; благо Родины, благо флота; забвение себя и своих личных интересов во имя долга». Казачий вождь Дутов тоже был представлен как человек независимый, с твердой волей, далекий от карьеризма, демократ по убеждениям [3].

В частности, А. Суворин – Алексей Порошин опубликовал книгу «Поход Корнилова» (Ростов-на-Дону, 1919). Участник похода, он утверждал, что его работа – «о русской доблести, об ее усилиях и страданиях ради спасения России и самого имени народного...», отвергая обвинения в необъективности, несвоевременности такого издания, якобы оскорблявшего Добрармию откровенным описанием ее недостатков и причин трудностей, особенно в тылу [4].

Действительно, автор не скрывал, что «слагать организм армии приходилось из того материала, который давали Россия и – случайность», а «главные силы» армии в рассматриваемый отрезок времени – обозы – были ее бессилием. Люди

и организация дела – главное, и именно из-за беспорядков в тылу, несвоевременности получения всего необходимого для армии, ее пестрого состава и морального разложения белых постигли неудачи, несмотря на героизм, патриотизм и военный гений Корнилова [5]. В книгу также включены очерки о Л.Г. Корнилове, М.В. Алексееве, А.И. Деникине, С.Л. Маркове, о похоронах Корнилова и судьбе раненых, попавших в руки красных и др.

Взгляды Суворина отражали позицию преобладавшего в офицерстве Добрармии монархизма как олицетворения твердой власти и символа порядка, в связи, с чем представляет интерес его проект государственного переустройства России. Автор считал, что в выборе между монархией и республикой в условиях, когда армия и собственно белые во многом заблуждаются по поводу действий, желаний и отношения самого народа к этой проблеме, необходимо пойти по пути создания нового органа. Это должны быть вече, избранное непрямым образом из представителей городов, профессий, приходов, университетов, политических партий и общественных организаций, и несменяемый великий атаман как диктатор. Задача же армии, которая рассматривается как движущая сила борьбы с Советами, состоит в возрождении единой и неделимой России через возвеличивание, прежде всего ее собственной доблести, наведение внутри нее самой порядка и дисциплины, искоренение мешающих осуществлению великой цели привилегий и духа военщины и пр. [6].

Современный исследователь справедливо считает данный проект весьма близким идее «корпоративного государства» итальянских фашистов, лидер которых Муссолини был образцом для подражания в реакционных кругах эмиграции [7]. К тому же опыт белого движения показал политическую недееспособность военных, да и вряд ли можно согласиться с мнением об армии как главном инструменте социальных преобразований и государственного строительства.

Откровенно апологетический характер имеет книга В. Волина «Дон и Добровольческая армия. Очерки недавнего прошлого» (Ростов-на-Дону, 1919). Автор прямо противопоставляет благородство, патриотизм, внепартийность и вне-классовость Белого движения, его верность идеи целостности России и возвращения законности и порядка через Учредительное собрание – антигосударственной, преступной политике революционных правительств, авантюристов-большевиков и «иноплеменных интернационалистов», «ложью и провокацией народа дорвавшихся до власти» и погубивших страну, «залив ее кровью гражданской войны» [8]. Он характеризует ошибки Донского правительства в отношениях с т.н. иногородними и Юго-Восточным Союзом, организации военного дела и помощи формированию Добрармии, безрезультатность попыток достичь компромисса с большевистским ВРК, в конечном счете, предопределивших его падение.

Как известно, получивший название «ледяной поход» добровольцев в феврале-марте 1918 г. сыграл существенную роль в формировании идеологии белого офицерства, рождения белой гвардии и корпоративных традиций, иерархии командного состава. Не случайно этот эпизод из истории белого движения на Юге России описан практически всеми его свидетелями и участниками. Волин, в частности, указывает, что «...огонь согревал души героев, окружал непроницаемой броней, освещал дорогу. Огнем этим была Родина». Униженное национальное чувство нашло выражение и защиту только в Добровольческой армии, которая стала ковчегом национальной идеи, сохранения порядка, закона и государственной мудрости [9].

Автор приводит ряд документов и выступлений руководителей донского казачества – А.М. Каледина, М.П. Богаевского и некоторые другие. Несмотря на очевидную политическую заданность, книга Волина дает дополнительную возможность не только для восстановления конкретной картины рождения

Белого движения на Юге России, но и для понимания его психологии, внутренних взаимоотношений разных организаций и структур в нем, эволюции настроений и позиции донских казаков и в целом населения Донской области в 1918 году.

Оказавшись после разгрома своих армий в эмиграции, бывшие участники гражданской войны, общественные, политические и государственные деятели, военачальники, представители научной и художественной интеллигенции проводили огромную, часто подвижническую работу по сохранению и развитию российской культуры во всем ее многообразии. Неоценимое значение имела издательская деятельность эмигрантов и их организаций, в рамках которой вышло большое число документальных публикаций, мемуаров и исследований по истории белого движения. Как указывает современный историк, уже в середине 1924 г. в русском зарубежье имелось 130 издательских фирм – 87 в Берлине, 43 – в Париже, Праге, Вене, Лондоне, Брюсселе, Софии, Белграде, Варшаве, Константинополе и др. [10].

Литература русского зарубежья занимает исключительное и своеобразное место в историографии белого движения. Основная масса ее написана до второй мировой войны и весьма разнообразна по жанру, стилистике, социальному статусу и политическим убеждениям авторов, научной значимости и объективности. Без всестороннего анализа весомого вклада русской эмиграции в изучение истории белого движения невозможны достоверные историографические результаты и дальнейшее продвижение в развитии данного направления исследования истории гражданской войны в России.

Одно из неоспоримых достоинств русской зарубежной историографии белого движения – в ее неподцензурности, богатстве различных направлений мысли, изначальной включенности в русло мировой исторической науки (именно она обогатила труды западных историков многими темами и идеями). Это относится и к публикаторской работе российской

эмиграции, и к изданным ею мемуарам и исследованиям. Но одновременно она была весьма ограничена в возможностях своего влияния на развитие историографии и исторических представлений на своей родине.

Написанные, как правило, очевидцами, участниками и творцами судьбоносных событий начала XX века в России, произведения российских эмигрантов в массе своей отличались живостью и образностью изложения, обилием ценных наблюдений и деталей, крайне важных для понимания внутренних механизмов развития социально-политических, военных, идеологических, психологических процессов в белом лагере и самого хода гражданской войны, настроений, мотивов поведения, ориентаций разных слоев и групп общества, яркими индивидуальными характеристиками многих видных персонажей.

Для самих авторов, да и для современных читателей одной из самых примечательных характеристик этой литературы является ее эмоциональность, острота личностного восприятия и интерпретации описываемого, даже при часто очевидной предвзятости суждений. Оценивая подобные работы как драгоценный вклад в военную историю, А. Куприн в предисловии к одной из них писал: «... читаешь книгу со странными смешанными чувствами: изумления, ужаса, преклонения, гордости и мучительной жалости» [11], – которые испытывали, вероятно, все, кто волей судьбы оказался на чужбине. Недавнее прошлое покинутой родины для них было и их настоящим, так как объясняло и оправдывало современное положение и нередко сам смысл жизни в новых обстоятельствах.

Несомненно, литература русского зарубежья несла на себе сильный отпечаток субъективизма уже в силу своего происхождения, и данный фактор должен обязательно учитываться при ее анализе. Однако само изучение, осмысление, описание истории белого движения, ставшее доминирующим в содержании и предмете эмигрантской историографии, уже своим

существованием ставило и обосновывало вопрос об альтернативности, многовариантности исторического процесса. В конкретно-историческом плане работы зарубежья представляют собой важнейший комплекс для исследования избранной проблематики.

Это относится, в частности, к известным публикаторским изданиям – «Архив русской революции» (Кн. I-XXII. Берлин, 1921–1937), «Белый архив» (Т. 1-3. Париж, 1926–1928), «Белое дело. Летопись белой борьбы» (Кн. I-VII. Берлин, 1926–1933), «Сибирский архив» (Т. 1-5. Прага, 1929–1935), «Донская летопись» (Т. 1-3. Вена-Белград, 1923–1924) и др. Предпринятые по инициативе военных, политических и общественных деятелей, они содержат не потерявшее до сего дня научную и литературную значимость источники – официальные документы и материалы белых правительств и организаций, политических партий и движений, письма, воспоминания, рецензии, библиографические сведения и т.д. Специальное их источниковедческое изучение в целом должно стать объектом отдельной работы, в настоящем же исследовании они привлекаются в качестве важных историографических источников.

Исключительная многочисленность, жанровое, мировоззренческое и политическое, содержательное разнообразие зарубежной русской литературы по истории белого движения диктует необходимость определенной типологизации ее. Предприняв первую такую попытку, А.И.Ушаков в соответствии с целью своей работы выделил две группы – мемуарно-исследовательские и исследовательские, а также чисто мемуарные труды [12]. Такой подход оправдан, вероятно, для общей характеристики всего комплекса историографии русской эмиграции. Между тем при анализе результатов изучения истории белого движения в ней более плодотворным представляется проблемный принцип.

Одним из основных и оставшихся дискуссионным до настоящего времени вопросов является определение сущности

белого движения и связанная с ним тема об истоках этого движения. Симптоматична яркая эмоциональная и психологическая окраска большинства рассуждений о рождении белого дела. «Оно вытекло из нестерпимой боли замученного в революции русского офицера, из надругательств толпы над нашими лучшими генералами, из предательства русской армии правительством революции», – считал Н.Н. Львов [13]. Противостояние разрушительной стихии революции, идея спасения государственности, патриотизм, а не реставраторские вожделения генералов царской армии, как естественный отпор государственных элементов изначальному насилию большевиков, объединенных почти только жаждой власти, – таковы истоки белого дела, по мнению многих авторов [14].

Зародившись в быховской тюрьме, оно, по словам А.И. Деникина, стало мучительнымисканием сильной национальной демократической власти, но не реакции [15]. В связи с этим, по мнению Головина, истоки русской контрреволюции, переросшей в белое движение, следует искать не в правых политических группировках, а в либеральной интеллигенции, что не заметила советская историография, сосредоточившаяся на мнимой реакционности русского офицерства [16]. Очевидно, такой подход так же односторонен, как и критикуемый Головиным советский – наиболее точный ответ о корнях контрреволюции может быть найден при учете и анализе всей совокупности политических, военных, социальных, экономических, психологических факторов развития ситуации в стране в начале XX века.

Как утверждали Львов, Деникин, Солоневич и другие, неприятие офицерами революции, предательство Временным правительством дела войны и затем реакция Февраля на Октябрь породили белое дело. Русский офицер, лучше сознавший, в отличие от мужика, необходимость в тяжелых условиях «додраться до конца», вел его в бой, поддерживал дисциплину в армии. Но большевики, писал И.Л. Солоневич,

сыграли именно на «золотопогонниках», которые-де «во имя акул мирового капитализма» гонят на бойню трудящиеся массы. Офицер, восставший против брошенного безмерно уставшим массам лозунга «Долой войну! Вся власть советам!», был объявлен врагом и белогвардейцем [17].

В свою очередь, рассуждали далее эмигрантские авторы, социально-психологическое обоснование офицерства, разочарованного в политике Временного правительства и либеральной интеллигенции, от солдат в 1917 г. привело к отдаленным последствиям – изоляции белого движения от контрреволюционных процессов, происходивших в толще народных масс, а также сильно сказалось на его программе и исключительно военном характере [18].

Итак, в русской зарубежной литературе сложилось суждение, что состав белого движения, а шире – контрреволюции и антибольшевистского лагеря – формировался в прямой зависимости от причин его появления как реакции на революцию, развал государства, военные поражения России в мировой войне. В определении социальной основы белого движения при этом присутствуют как чисто эмоциональные, так и достаточно строгие объективные оценки. Генерал П.И. Залесский, например, писал в 1928 г. в статье «Главные причины неудач Белого движения на Юге России»: «Белогвардейцы, белоармейцы, или просто «белые» – гонимые большевиками люди: офицеры, землевладельцы, купцы, промышленники, чиновники, зажиточные крестьяне, вообще – люди, которых грабили, убивали и истязали ... Среди спасавшихся от большевиков было не мало простого люда, и даже полудикие калмыки, киргизы, башкиры и т.п. – подвергшиеся грабежу.

Но особенно ненавистны большевикам были офицеры, как опора прежнего правопорядка». Однако офицеры, объясняет далее он, уходили не для контрреволюции и гражданской войны, т.к. всегда были вне политики, а только из-за невозможности оставаться в районах, где царило дикое необуздан-

ное бесправие и насилие, грабеж без конца – силой событий они принуждены были взяться за оружие, – пишет военный писатель [19].

Нередко эмигрантские историки и мемуаристы подмечали, что гражданская война началась как война внутри всех общественных сил России, а затем приобрела преимущественно межклассовый характер [20], в то же время сводя антибольшевистское движение к интеллигенции и офицерству. Наиболее четкие представления на этот счет имеются у П.Н. Милюкова. Он считал, что антибольшевистской в сущности стала вся Россия, за исключением компартии, в противостоянии ей изначально смешались сознательные патриоты и заинтересованные классы, но постепенно вперед вышли реальные классовые приоритеты, и антибольшевистское движение перерастает в белое, а затем в реакционное [21].

В состав антибольшевистского движения Милюков включал численно преобладавший в нем военный элемент, ядро которого составило оскорбленное и униженное офицерство, представителей старой бюрократии и старого привилегированного класса, враждебного ко всякой революции, правые политические течения, связанные со старым режимом, и левые – демократические и социалистические, но побежденные большевиками, а также окраинное население, на землях которого развернулась вооруженная борьба, особенно казачество. К тому же он дифференцировал состав антибольшевистского лагеря по периодам: летом 1917 г. он объединял всех противников РСДРП(б) от социалистов до кадетов, в 1918 г. сузился главным образом до офицерства и бюрократии, а в 1920 г. при Врангеле вообще стал олицетворяться исключительно белой военщиной [22].

Однако С.П. Мельгунов, обращая внимание на состав белого движения, дополнял кадетского историка – в него входили, указывал он, также крестьяне и рабочие, боровшиеся с большевизмом. Не соглашался с Милюковым и Н.Н. Львов,

который указал на отсутствие изначального единства в антибольшевистском лагере, имея в виду организацию и деятельность «Правого центра», «Национального центра» и «Союза Возрождения России», т.е. политическую структуру белого движения. Разнородность последнего признавал и А.И. Деникин. Фальчиков к тому же уравновешивал военных и государственно мыслящих людей в белом движении и критиковал Милюкова за умолчание главной роли интеллигенции в определении политического облика белых армий [23].

Головин важное место в составе белого движения отвел также т.н. областничеству – казачьему, национально-автоно-мистскому, региональному. Оно являлось реакцией на излишнюю централизацию в империи и в то же время противоречило обостренному национализму собственно белых, выдвинувших лозунг общероссийского характера «Единая Неделимая Россия». Однако общероссийское и областническое антибольшевистские движения нуждались друг в друге, и это предопределило внутреннюю противоречивость и слабость белого дела. Наряду с этим, Головин доказывал, что внутри самого офицерства как ядра белых классовые и сословные интересы совсем не доминировали, т.к. само офицерство в большинстве своем состояло уже из бывших крестьян и объединялось стремлением бороться с большевиками, тем самым, продолжая мировую войну [24].

Размытость, непостоянство состава белых, его тесная связь с социально-политической и психологической мотивацией и конкретными военными обстоятельствами обусловили и разночтения в его определении эмигрантскими авторами, сходившимися, пожалуй, лишь в признании очевидного – ядро белого движения, бесспорно, составило офицерство.

Не менее сложным в связи с этим оказалось для изучавших белое движение и собственно его определение. Отметим здесь, что современная наука так и не дала окончательного ответа на этот вопрос, но наиболее плодотворные попытки

выяснить и сформулировать сущность белого движения были предприняты именно русским зарубежьем. В качестве ключа к определению понятия «белое движение» брались идеологические, политические, военные, социально-психологические и иные аспекты.

Довольно много места при этом нередко занимала чисто эмоциональная, патетическая фразеология, по сути, никак не способствующая пониманию термина. Так, генерал А.В. Туркул писал в 1937 году: «Белая идея есть самое дело; действие, самая борьба с неминуемыми жертвами и подвигами. Белая идея есть пренебрежение, выковка сильных людей в самой борьбе, утверждение России и ее жизни в борьбе, в неутихающем порыве воль, в непрекращающемся действии» [25].

Действительно, зародившись как добровольчество, движение первоначально несло на себе сильнейший духовный отпечаток, объединяло бескорыстных, одушевленных идеей патриотизма и героизма людей. Впрочем, весь трагизм самой гражданской войны, возможно, как раз и состоял в противостоянии одинаково бескорыстно преданных Родине людей, но понимающих ее интересы при этом прямо противоположно.

Это отразилось в размышлениях русских мыслителей о смысле и истоках белого дела. И.А. Ильин, например, видел в нем возрождение русской патриотической традиции и новой, государственно-здравой России. «Белые никогда не защищали, и не будут защищать ни сословного, ни классового, ни партийного дела: их дело – дело России – родины, дело русского государства». Это, утверждалось далее, не реставрация старого и не реакция, а религиозная идея, доступная всем россиянам, независимо от их веры, потому что это идея борьбы за дело Божие на земле против сатанинского начала в его личной и общественной форме. Таким образом, за основу брались религиозно-нравственные императивы.

«Белое дело, – писал Ильин, – состоит в том, чтобы бороться за родину, жертвуя, но не посягая; утверждая народное

спасение и народное достояние, но не домогаясь прибытка для себя; строя национальную власть, но не подкапываясь под нее; служа живой справедливости, но не противоестественному равенству людей». Будущая Россия, взявшая за основу белую идею, представлялась ему единой, великой монархией, примиренной, утвердившей равенство, терпимость и уважение народностей, классов, провинций и сословий, возрожденной в религии и просвещении, правопорядке и хозяйстве, семье и быту. Белое дело коренится в исконных русских традициях и доступно всем без исключения, в этом его сила и бесконечная правота [26].

С этими взглядами согласуется позиция С.Л. Франка, который видел в белом движении защиту духовно обновленного традиционализма, неразрывно связывал его со свободой и интересами культуры, духовными ценностями правового порядка и прогресса [27]. Примечательно, что и один из лидеров белого дела П.Н. Врангель в 1920 г. определил его как национальную идею, которую вернули к жизни безграничные жертвы и кровь лучших сынов России [28]. Обращение к русской идеи, великодержавию и духовности отражало мировоззренческую культуру, менталитет носителей и творцов белого движения, сложившиеся в имперской России.

Более приземленные и конкретные определения были связаны с реальными обстоятельствами формирования и развития белого движения. Так, уже упоминавшийся Львов указывал, что это движение есть, прежде всего, военный поход, борьба за армию, отсюда и преобладание в нем военных. Уже в первом Кубанском – «ледяном походе», о котором имеется, кстати, довольно обширная литература (он, как известно, сыграл исключительную роль в формировании психологии и моральных характеристик добровольчества), сложились «нравственные начала – верность дисциплине, долгу, чести, расшатанные в революции и заново выработанные кровью и подвигом». Вся задача белого движения сводилась к тому, что-

бы удержать и сохранить в себе эти крепкие консервативные начала, на которых, по мнению автора, только и могут строиться армия и государство [29].

В результате белое движение изначально выступало как теория и политика антибольшевизма [30]. В рамках этого определения первую научную оценку существу белого движения попытался дать военный историк генерал Н.Н. Головин, бывший профессор Императорской Николаевской Военной Академии и в эмиграции профессор Русского историко-филологического факультета в Париже. Он рассматривал белое движение как результат развития контрреволюции. Последняя, в свою очередь, убедительно доказывал ученый, является неотъемлемой стороной диалектически развивающегося процесса революции. Это чрезвычайно сложный комплекс, включающий в себя и реставрационные вожделения, и национализм, протестующий против разрушения государства, и демократические силы, которые стремятся остановить революцию на уровне, представляющем благоприятные условия для развития их политических и социальных идеалов.

В итоге контрреволюция объединяется не позитивом, а отрицанием, в ней неизбежны внутреннее разложение, противоречивость развития, консолидация собственно белого движения по мере развертывания широкомасштабных военных действий и складывания восточного и южного белых фронтов [31].

В общем, не расходятся с этими формулировками и объяснения А.И. Деникина, А.А. фон Лампе и других белых деятелей. К примеру, Деникин писал, что белое движение – это и в эмиграции – политически действенные элементы, отрицающие большевизм и намеревавшиеся сохранить русскую государственность. А.А. фон Лампе подтверждал, что белое дело всегда было одной из стадий большого патриотического движения [32]. Так проводилась преемственность между событиями войны и эмигрантской жизнью ее бывших участников.

По основным оценкам указанные определения Головина не противоречат наиболее популярному в русском зарубежье толкованию Милюкова, который также считал белое движение одним из направлений антибольшевистского фронта, а контрреволюционные белые армии – частью этого движения, хотя Мельгунов требовал, чтобы он прямо заявил о совпадении белого движения с вооруженной антибольшевистской борьбой [33].

В 1924 г. Милюков давал следующее, основанное на социальных и политических признаках, определение: «В широком смысле слова белое движение – это все антибольшевики: социалисты, демократы, либералы, консерваторы и даже реакционеры. В более тесном смысле – это только защитники старых начал монархии и национализма. Белое движение начинается в первом смысле и кончается во втором, постепенно сужаясь и переходя к идеалам монархической реставрации» [34].

Позднее он возложил ответственность за рождение самого термина «белые» на большевиков и крайне правые элементы российского политического спектра. Для первых понятия «контрреволюционер» и «белогвардец» синонимичны, для правых белые – те, кто стремится к реставрации абсолютизма и дворянского землевладения, то есть, в конце концов тоже, что и для большевиков. Между тем антибольшевизм не исчерпывается вооруженной борьбой, и только часть его может быть названа белой, и к тому же только часть самого белого движения контрреволюционна и реставрационна. «Белый» и реставраторский характер движения, по Милюкову, развивался постепенно, и лишь в конце вооруженной борьбы с большевиками оно сосредоточилось в белых армиях с откровенно реакционными тенденциями. Это означало изменение и постепенное сужение понятия «белое движение» [35].

Итак, динамизм в развитии идейных и организационных основ, изначальная неоднородность и переменчивость состава руководителей и социальной базы, собственные идеино-по-

литические убеждения не позволили представителям русского зарубежья дать удовлетворительное достоверное определение белого движения. Пожалуй, решение этой задачи станет возможно в результате последовательных совместных усилий российских и зарубежных ученых с учетом новых фактов, источников, творческих достижений конкретных исследователей истории революции и гражданской войны в России.

Столь же проблематичной оказалась и задача периодизации антибольшевистской борьбы – здесь много частностей, дробления в зависимости от географии и лидерства, военной ситуации и пр. Так, военные историки за основу брали развитие событий на основных фронтах гражданской войны. А. Зайцов, к тому же одним из первых обратил внимание на связь гражданской войны в России с мировой войной. С 11 ноября 1918 г. события в России для союзников стали чисто внутренним делом русских, гражданская война перестала быть элементом мировой, но это не осознано руководство белых, тем самым во многом предопределив трагизм исхода своей борьбы.

Саму гражданскую войну он делит на три периода, подразделяя каждый на отдельные этапы. Первый период – эпоха мировой войны – от Октября 1917 г. до окончания войны. Второй – от перемирия на французском фронте до окончания вооруженной борьбы белых на всех фронтах – от севера до юга и востока России, т.е. до марта 1920 г. Последний период включает в себя борьбу Красной армии с Врангелем и Польшей. Как и Головин, оформление контрреволюции и белого движения Зайцов связывает с созданием антисоветских фронтов на Севере, Волге, на Юге страны летом 1918 г. [36].

Военно-стратегический аспект в периодизации белого движения предпочел и С.В. Денисов . Первый период он ограничил 25 октября 1917 – 31 марта 1918 г., когда был убит Л.Г. Корнилов. Второй этап продолжался с апреля 1918 по 5 февраля 1919 гг. и ознаменовался укреплением белого движения. Затем, на третьем этапе (6 февраля 1919 г. – 22 марта

1920 г.) белые пережили блестящие победы и величайшие испытания, приведшие к новому периоду с апреля по 3 ноября 1920 г. и заключительному – пребывание в эмиграции и продолжение борьбы новыми способами [37].

Многие авторы согласились с выдвинутой Милюковым периодизацией антибольшевистского движения:

– подготовительный этап дифференциации общественных группировок в феврале-ноябре 1917 г.;

– первоначальный – совместные действия антибольшевистских и антиреволюционных элементов, общий фронт с 25 октября – 7 ноября 1917 г. по 18 ноября 1918 г. (Н.Н. Львов считал, что в это время не было дифференциации верхов белого движения, но не было и единомыслия в нем, хотя объединяли всех патриотизм, борьба за армию и контрреволюция);

– период разрозненной борьбы – как географически, так и политически, совпавший с иностранной интервенцией и отличавшийся преимущественно вооруженным характером в 1919–1920 гг.;

– заграничный, когда антибольшевизм приобрел политический и эмигрантский характер, произошла окончательная дифференциация демократических и реакционных элементов, развивается их идеинная борьба, и одновременно все они являются противниками Советской власти [38].

Литература русского зарубежья дает большие возможности и для изучения хода конкретно-исторического изучения истории белого движения. Она выступает и как источник, и как стимул для нового осмысления узловых проблем развития и судьбы белого дела, подтверждает и дополняет многие научные выводы современных историков. Перу российских эмигрантов (безусловно, с учетом их убеждений, мотивации, достоверности и объективности) принадлежит большое количество мемуаров, очерков, статей, рецензий, подробно, на основе многих документов освещавших создание, программу и деятельность входивших в белое движение партий и органи-

заций, образованных им правительств, ход военных действий, численность, состав, принципы формирования, структуру, взаимодействие вооруженных сил белых [39].

В частности, член Северо-Западного правительства В. Горн сосредоточил внимание на картине гражданской войны на северо-западе России в 1919 г. Он указал на связь между рождением белого движения в регионе и деятельностью немецкого командования и изначальную слабость Северной армии. Она не имела должной поддержки в гражданской сфере и управлении на местах, неудачной была хозяйственная, финансовая, аграрная политика правительства. В то же время заслугой своего правительства автор считал четкость и определенность в формулировании своих задач – продолжение радикально-демократического курса Временного правительства, причем это был единственный случай в практике белых, когда под знамя декларации правительства формально становилось и само военное командование.

Тем не менее общие для всего белого движения изъяны – внутренняя пестрота, конкуренция, интриги, расхождение между словом и делом, слабохарактерность и вялость Юденича, разложение тыла – погубили его. При этом, однако, в белом движении Горн усматривал практицизм, деловитость, культуру, свободу, которые только и могли бы противостоять такому отнюдь не наносному явлению как большевизм [40].

Перипетии противостояния большевизму разнообразных военно-политических формирований в отдельных регионах достаточно подробно описаны многими участниками и свидетелями белой борьбы. Общество участников Волжского движения в Праге, состоящее в основном из эмигрировавших социалистов, стремилось доказать правоту идеи «третьего пути» в противовес реакционности белых и политизированности красных, с разных сторон убивавших народное сознание. Борьба социалистов с большевиками была неизбежна, но политика подлинной демократии, проводимая Комучем

(рабочая, аграрная, национальная, в области самоуправления, культуры и религии), была разгромлена реакцией. Это и подвигло часть эсеров на отказ от вооруженной борьбы с большевиками, которая называлась тактическим приемом в противостоянии главному врагу – Германии [41].

Апологетический, идеализированный подход был характерен для многих мемуаристов. Так, А.В. Зуев, описывая участие оренбургских казаков в борьбе с большевизмом, подчеркивает ее жертвенный, благородный характер и отвергает обвинения в систематическом насилии и терроре в адрес белых. Он обратил внимание на массовый антисоветизм казачества, сепаратизм национальных формирований башкир, ослабивший усилия белоказаков, много места отвел освещению боевых действий [42].

Вообще роли казачества в белом движении посвящена довольно обширная литература. Она, с одной стороны, дает региональный срез истории белого движения, а с другой, позволяет существенно уточнить вопрос о его социальной основе и роли казачества в нем. Оно практически всеми авторами признается как одна из главных составляющих и опорных сил белых. Впрочем, это далеко не означало полного согласия между военным командованием белых армий и всегда отличавшимся устойчивой корпоративностью казачеством. Данное обстоятельство, как известно, в полное мере испытали Колчак, Деникин, Врангель, стремившиеся консолидировать антибольшевистские вооруженные силы, обеспечить объективно необходимое единоначалие и централизацию управления на подчиненных территориях.

Деникин, в частности, подробно освещает взаимоотношения с донским и кубанским казачеством и процесс объединения сил южнорусской контрреволюции. Его дополняют сюжеты из «Воспоминаний» А.С. Лукомского, который подчеркивает местничество казаков, описывает борьбу добровольческого командования за объединение кубанских военных частей под

общим руководством, против автономии Кубани, что встретило скрытое, а затем явное сопротивление Деникину. Именно непримиримые расхождения во взглядах на государственное устройство России (федерация или единство при автономии) серьезно подрывали внутренние скрепы белого дела. Врангель, говоря об отношениях белых с разными социальными группами Юга России, критикует своего предшественника на посту главкома ВСЮР за недальновидную нетерпимость к казачьей самобытности, как, впрочем, вообще к любым несогласным с его политикой [43].

Участие донского казачества в белой борьбе осветил его атаман генерал П.Н. Краснов. Одаренный литератор, написавший немало разных, в том числе художественных произведений, он снабдил свои мемуары также документами. Донской атаман оставил ценный источник по истории казачьей государственности в 1918 году, описал состав, организацию «Круга спасения Дона», численность, вооружение, тактику и т.д. Донской армии. Он уделял значительное внимание обоснованию казачьей «самостояйности», рожденной, по мнению генерала, первоначально страхом мести со стороны крестьян и рабочих, «революционеров» за 1905 год, а затем думами о спасении в хаосе революции 1917-го. Краснов обвиняет всех – от Временного правительства до большевиков и Добровольческой армии включительно – в стремлении уничтожить казачество, что укрепляло его местничество и автономизм.

Будущее казачества как лучшей жемчужины царской короны он видел вместе с Россией, которая должна быть монархией. Но при этом «казакам надо думать о Доне, где создать свою прежнюю жизнь и ожидать, во что выльется борьба в России», а их будущее – ни монархия, ни республика [44]. Эмигрантские авторы нередко признавали его искусственным дипломатом и военным. В самом деле, принужденный обстоятельствами, он маневрировал между разными политическими силами во главе Донского войска, а его прогерманская ориен-

тация была, как объективно заметил Головин, была продиктована трезвым учетом реального расклада сил на конкретном этапе войны [45].

Работы Краснова дополняет книга бывшего начальника разведывательного и оперативного отделений штаба Донской армии полковника В. Добрынина «Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе Донского казачества». Он дал исторический обзор о донском казачестве – происхождении, хозяйстве, экономике и образовании. Дон стал, подтверждает автор, базой для формирования противобольшевистского лагеря в конце 1917 г., в то же время далеко не однозначно восприняв программу и само присутствие добровольцев на своих землях. Мотив первоначального неприятия белых – стремление к миру, которое реализовали тогда большевики.

В соответствии с темой изложения Добрынин дает и периодизацию борьбы белых на Юге России, приводит определенные статистические данные, которые, однако, нуждаются в дополнении другими источниками. Он пытается проанализировать эволюцию настроений казачьих масс от доброжелательного отношения к Советской власти до отрицания ее и называет среди основных причин поворота пренебрежение самобытностью, традиционными устоями своеобразной демократии, насилием и жестокостью, игрой на противоречиях казачества и иногородних, особенно в земельном вопросе [46].

Кубанское казачество также играло весьма важную роль в судьбе Добровольческой армии и ходе военных действий на Юге. На основе собственных впечатлений и большого числа документов Кубанской краевой Рады Г. Покровский попытался обобщить события 1918–1919 гг. на Кубани. Он тоже подчеркивает антагонизм между казаками и иногородними и подробно характеризует сословные отношения в регионе, взаимоотношения Рады с командованием Добровольческой Армии. Этой теме в книге оправданно отводится значительное место.

Кубань давала белым не только продовольствие, но и людские ресурсы. Между тем, считает автор, их командование не считалось с федеративными устремлениями демократической Рады, системе самоуправления которой Покровский уделяет немало внимания. Подробно освещены перипетии конфликтных взаимоотношений Рады с деникинским режимом, критически оценивается его политика и деятельность Особого совещания по всем ключевым направлениям, приведшая к противостоянию армии и тыла. Реакционность белого командования обернулась не только произволом, грабежами, антисемитскими погромами, разложением армии, но и была следствием неприятия демократии вообще, влияния кадетов на него.

Автор считал, что разрыв с иногородними и разгром демократической общественности, подчинение руководству Добрагмии определили неудачу всей политики казачества. Он находит сходство между большевиками и белыми в их стремлении удержать власть при помощи иерархической чиновной дисциплины, разрушения общественности и демократии. Но, выбирая из двух диктатур, народ пошел за большевиками (хотя казачество «совершенно непригодно для опытов большевизма»), которые дали собственность ему, а не помещикам и буржуазии [47].

Своебразна история уральского казачества в рамках антисоветского движения. Оказывая помощь Комучу, оренбургским казакам, Деникину и Колчаку, оно, как писал Л. Масянов, тем не менее, практически все время было изолировано и самостоятельно вели войну против красных. Он описал ряд военных операций уральцев, историю формирования их военных частей, подчеркивая героизм, воинское искусство и доблесть последних. Как и в других казачьих войсках, на Урале отчетливо проявились самостийность и автономизм казаков, заявлявших – «за грань не пойдем» и выступавших дружины с выборными командирами лишь

в случае крайней необходимости, после чего возвращавшиеся к своим домам. Но такая тактика не спасла уральцев от поражения, тем более что и у них были довольно сложные отношения с иногородними, а также с национальными движениями башкир и казахов. Попытки призвать крестьян в свою армию были неудачными, тогда как мобилизация в Красную армию после отступления казаков прошла без протестов, – замечал Масянов [48].

Одним из вариантов казачьей самостийности была система управления, созданная атаманом Г.М. Семеновым на базе Особого Маньчжурского отряда в Забайкалье. Вскоре он стал во главе Уссурийского, Амурского и Забайкальского казачьих войск, а после гибели А.И. Дутова был избран походным атаманом казачьих войск Урала и Сибири. Семенов в своих воспоминаниях, изданных в 1938 г., (время подготовки и издания объективно отражалось на содержании и выводах авторов) и называет себя русским националистом и с этих позиций подходит к освещению конкретных событий гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, осмыслению их смысла и последствий.

В условиях нарастающей агрессивности фашизма и очевидного приближения войны он пришел к выводу, что гениально придуманный фашизм негоден для многонациональной России, и предложил доктрину т.н. россизма. «Основная идеология новой Российской государственности должна сочетать в себе узаконенность расово-племенного объединения всех народов, входящих в состав государства. Все эти народы должны иметь общий источник равных прав и обязанностей, одинаково сформулированных для всех составных элементов страны, независимо от их расового и племенного различия». Автономные части населения России (таким образом, понимал атаман и казачью специфику), объединяются в государственное целое под единой верховной властью, обеспечивающей личную, идеологическую и религиозную свободу, охрану частной собс-

твенности, законное существование партий, полное уничтожение коммунизма [49].

Истории белого движения на Дальнем Востоке, а точнее, деятельности Семенова, посвящена вышедшая в те же годы книга В. Л. Сергеева. Она имеет явно апологетическую направленность, характеризует Семенова как пионера белого дела в России, исключительную по своим достоинствам личность и пронизана прояпонской ориентацией, отличавшей белоэмигрантов на востоке в 30-е годы XX века [50].

Региональный аспект неизбежно предопределял тематику многих произведений эмигрантов как участников и свидетелей белой борьбы на определенных территориях, хотя ряд из них пытался дать полную картину событий во всей России, впрочем, далеко не всегда равномерную по степени освещения. Например, в уже названном труде Милюкова неоправданно мало места отведено истории белого дела в Сибири, ряду политических аспектов антибольшевистского движения.

Этот недостаток с лихвой исправляется сибирскими военными и политическими деятелями из стана белых. Так, генерал-лейтенант К.В. Сахаров назвал свою книгу «Белая Сибирь». Он рассмотрел историю белой борьбы, начиная с лета 1918 г. и в связи с этим критически оценил деятельность Комуча, противостоявшего консервативному Омскому правительству. Между тем, считал Сахаров, именно сильный крен в сторону эсеров можно поставить в вину сибирякам в это время, тогда как учредиловцы (антисемитские настроения автора отразились в их характеристике) далеко не соответствовали задачам борьбы с большевиками. Негативную окраску придал автор и описанию создания и деятельности Уфимской Директории.

Книга пронизана антиантантовскими оценками – только союзники виновны в крахе национального русского движения. В ней содержатся также конкретные эпизоды боевых действий, внутренней политики Колчака. Они дополняются

«Дневником» генерала А. Будберга, также бывшего одним из военных руководителей в правительстве Колчака, и генерала П.П. Петрова. Авторы, очевидно, под впечатлением недавнего тяжкого поражения, часто резко и нелицеприятно характеризуют настроения и поведение офицерства, состояние армии и тыла [51]. Их работы служат одним из пособий в изучении военной истории белого движения в Сибири.

Подробное описание деятельности эсеров в составе анти-советского лагеря в Сибири дал, уже находясь в эмиграции, и П.С. Парфенов (Петр Алтайский). Здесь – характеристика формирования и действий боевых отрядов, нелегальных организаций эсеров, их работа в Сибирской областной думе и съезде членов Учредительного собрания, интересные портреты видных политических и военных деятелей региона. Автор упрекает эсеров в сотрудничестве с американскими интервенциями и попустительстве утверждению военной диктатуры, которая усиленно занялась реставрацией монархических времен сразу после прихода к власти. Но еще до того на местах руками военных был проведен не народоправческий, а буржуазно-реакционный переворот, лишивший местное самоуправление реальной власти. При Колчаке террор и насилия белых стали уже ничем неприкрытой повседневностью [52].

Подробную картину политической жизни Сибири, начиная с 1917 года содержат воспоминания И.И. Серебренникова, бывшего председателя Административного Совета Сибирского правительства и министра снабжения в правительстве А.В. Колчака. Они интересны, прежде всего, для понимания роли и места сибирского областничества в составе белого движения. Изначально ориентированное на региональную автономию, демократическое государственное устройство России, имевшее свои организационные и идеальные традиции, это движение обеспечило сохранение демократического потенциала в белом правительстве не только до переворота 18 ноября 1918 г., но и при Колчаке.

Серебренников дает характеристику состава и деятельности Сибирской областной думы и Временного Сибирского правительства (с подробными характеристиками ведущих персонажей), причем участие в нем он сам считал противоестественным, так как был против формулы «от народных социалистов до большевиков включительно», за объединение цензовых элементов. Само же правительство, как, оказалось, отмечал мемуарист, было неудобно ни левым, ни правым, вивевшим в нем уклоны в неугодную тем и другим сторону.

В книге рассматривается история консолидации белых в Сибири – от конфликтов с Комучем к Директории (автор соглашается с общей оценкой изначальной слабости и обреченности этого органа как переходного к военной диктатуре и таившего в себе зародыш будущих распрай) и установлению власти Колчака до отношений с дальневосточными и национальными образованиями и организациями, приводятся основополагающие официальные документы ряда правительств, содержится оценка отношения крестьянства и национальных масс к белым. Крестьянство, например, указывал Серебренников, отнюдь не симпатизировало им и не было настроено определенно антисоветски – оно присматривалось и выжидало, а затем было вынуждено подчиняться силе и впоследствии, неудовлетворенное политикой власти, сопротивлялось ей [53].

Сибирский деятель обосновывает право своего правительства на всероссийские полномочия. Оно определялось, прежде всего, расширением границ управления, необходимостью объединения многочисленных областных правительств на занятой территории путем создания авторитетной всероссийской власти. Далее, пишет он, «существовала крайняя необходимость в объединении военных сил, боровшихся против большевиков, и подчинении их единому командованию», на чем настаивали и союзники, с которыми нельзя было не считаться. Им вторили эсеры и члены Союза Возрождения России, прибывшие в Сибирь. Все эти названные Серебрен-

никовым факторы, однако, недостаточно убедительны для оправдания претензий Сибири на всероссийское представительство. Гораздо более важно известное влияние союзников, отдавших предпочтение Колчаку.

Последнего автор характеризует как честнейшего и искреннейшего русского патриота, человека кристальной душевной чистоты. «Благороднейшие порывы, падавшие на бесплодную почву, и стремления ко благу родины, опрокидываемые ужасной действительностью – вот что создавало трагизм его положения и усиливало нервность и неуравновешенность его натурь» [54]. Оправданная общностью целей и совместной деятельности комплиментарная оценка адмирала, в которой Серебренников далеко не одинок, тем не менее не достаточна для полного объяснения причин его поражения как военного и политика.

Широкомасштабную и полнокровную картину событий гражданской войны во всероссийском масштабе, с особенно подробным описанием ее в Сибири, попытался дать и бывший член колчаковского правительства Г.К. Гинс. Однако его работа мало основана на достоверных источниках и подчас грешит очевидными несуразностями и ошибками. И все же она представляет определенный интерес для изучения социально-политической обстановки в белой Сибири, межпартийных взаимоотношений, характеристики деятельности правительства и его ведомств, системы военного и гражданского управления, содержания внутренней политики белых. Как и другие авторы, Гинс описывает эволюцию государственного устройства за Уралом и не расходится с ними в негативной оценке Директории, дает любопытные портретные зарисовки наиболее влиятельных лиц в белом лагере региона. Сибирское правительство, однако, по мнению автора, тоже было обречено вследствие «несчастной идеи коллегиальной власти, личных недадов» его членов, их политической неопытности и гибельного вмешательства чешского командования в политику.

Между тем эта политика и при Колчаке не стала более удовлетворительной, тем более, что крестьянское население Сибири, прежде всего т.н. новоселы, не поддерживали ее. А после введения 14 марта 1919 г. военного положения по всей Сибири «уже все гражданские и экономические свободы стали условными. Военный, т.н. «прифронтовой» суд обнажил свой жестокий, беспощадный меч в самом центре страны... Гнет цензуры, царство военщины, аресты, расстрелы – все это разочаровывало даже ту умеренную демократию, которая раньше поддерживала адмирала Колчака, и возбуждало население, которое ранее относилось безразлично к формам власти». Это и привело белых к неизбежному концу [55].

Наиболее поздним изданием, посвященным белому движению в Сибири, является книга Д.В. Филатьева с характерным названием «Катастрофа белого движения в Сибири. 1918–1922. Впечатления очевидца» (Париж, 1985). Автор, генерал-лейтенант Генштаба, профессор Николаевской военной академии, был с октября 1919 г. помощником главкома по хозяйственной части и написал ее в 1923 г. во Франции, стремясь выяснить главные причины поражения Колчака .

Но этим работа не ограничивается. Филатьев приводит сведения о формировании и численности Сибирской армии, зародышем которой считает Народную армию Комуча, позитивно характеризует роль Гришина-Алмазова в этом процессе, оценивает деятельность многочисленных областных правительств и Сибирского как бутафорскую и обосновывает гла-венствующую роль Сибири во всероссийской белой борьбе.

В этом смысле его аргументы звучат более убедительно, нежели у Серебренникова . Несмотря на то, что она в регионе началась позже и окончилась раньше, имела меньшие успехи, именно Сибирское правительство было безоговорочно при-знано верховным всеми представителями России за границей. В отличие от лидеров Добровольческой армии, Колчак был широко известен в России и в мире. К тому же здесь была со-

здана армия по нормальному типу (армия лучше снабжалась, чем на Юге, но имела меньше подготовленных офицеров, что привело к стратегическим ошибкам), не зависящая от добровольческого потока, имелась непосредственная связь с союзниками и их внушительная поддержка, да и – весьма важный момент – весь золотой запас оказался в Сибири [56].

Основное внимание Филатьев уделяет военной истории белого движения в Сибири, и с этой точки зрения негативно оценивает внутренние разногласия в нем, мешавшие достижению общей цели свержения большевиков. Самы военные операции, замечает он, не имеют военно-научного значения, только в отрицательном смысле ведения гражданской войны, но от них зависел исход всего дела. Предопределенность поражения также определялась ими. Да и конкретные действия власти были малопродуктивны: «У Колчака все ставилось на велиокорданный манер, не сообразуясь со средствами и возможностями, почему до населения результаты управления в их положительном значении и не доходили, а отрицательные, как реквизиции, мобилизации, налоги, чувствовались очень сильно». Сибирская белая борьба, по его мнению, имела в чисто военном смысле все шансы на полный успех, и ответственность за неудачу полностью лежит на руководстве, прежде всего на Колчаке [57].

Не менее обширна литература русского зарубежья, посвященная истории белой борьбы на Юге России. О ней писали журналисты, политики, военные лидеры, писатели – свидетели и участники событий. Взятые вместе, они дают весьма пеструю, подчас разноречивую картину событий и вместе с тем содержат немало общего, позволяющего выделить основные черты белого движения в этом регионе, послужившем базой для складывания идеологии добровольчества, вооруженных сил и политики одной из главных сил антисоветского лагеря.

Так, Б. Суворин описал основание Добровольческой армии, ее «ледяной» поход и события конца 1917 – ноября 1918 г.

на Юге России. Он не расходился с другими авторами в признании важной роли 1-го Кубанского похода добровольцев для формирования их идеологии и позднейшем изменении духа армии в ходе мобилизаций, неоднозначно оценил роль союзников в белой борьбе – они помогли утвердить единоначалие в регионе и в то же время не оказали необходимой поддержки армии. Много места автор уделил портретам рядовых героев белой борьбы. Он считал инициаторами насилия и жестокостей большевиков, покончить с которыми можно было, лишь утопив их в собственной крови. Он поднял вопрос об огромной цене борьбы со смутой и стремился доказать, что белые менее ответственны за нее [58].

Эволюцию добровольчества как принципа белого движения в ходе войны рассмотрел генерал-майор Б. Штейфон. Он считал деникинский фронт главным в антисоветской борьбе, подчеркивал достоинства и героизм его воинов, но критиковал практику госстроительства Деникина. Смена добровольчества регулярной системой была объективно необходима, указывал Штейфон, так как великодержавные задачи можно решить лишь приемами государственного строительства, а не импроприазацией, грубо нарушавшей многовековой российский опыт. Однако исторический эпизод добровольчества командование восприняло как эпоху, и в этом его трагедия. Дух добровольчества в регулярных формах не сохранился, он не имел связи с прошлым – героическому духу была дана несоответствующая масштабу борьбы форма [59].

Столь же субъективны рассуждения одного из военачальников ВСЮР генерал-лейтенанта С.В. Денисова, лишь исподволь признающего наличие белого террора и доказывающего прочность основанного на патриотизме единства Добровольческой армии, несмотря на ее смешанный политический состав [60].

Мало изученная до сих пор сторона истории белого движения – агитационно-пропагандистская, идеально-политичес-

кая и культурная политика на примере ВСЮР освещается одним из ее творцов К.Н. Соколовым. Он возглавлял отдел пропаганды и оставил подробные воспоминания о направлениях, содержании, формах и методах деятельности подчиненного ему органа, воспринявшего функции Осведомительного агентства – Освага. Именно идеологическая слабость белого движения, несмотря на присутствие в нем профессиональных ученых, крупных идеологов и политиков, была его ахиллесовой пятой, сыграла одну из главных ролей в его поражении. В этом смысле труд Соколова весьма ценен, так как позволяет понять органические изъяны белого дела.

Автор считал, что руководимый им отдел в целомправлялся со своими задачами, несмотря на многочисленные трудности и препятствия, которые он детально живописует. Среди них – громоздкость и бесформенность аппарата отдела, нехватка кадров и средств, широко распространившееся в военной среде, в казачьих правительствах и населении недоверие и даже враждебное отношение к Освагу как средоточию бездельников, евреев, дезертиров и доносчиков, проводнику «нетой» идеологической и политической линии и т.д.

Между тем, даже учитывая и пытаясь использовать, бесспорно, значительно более успешный опыт агитационно-пропагандистской работы большевиков, отдел пропаганды не мог решить аналогичные задачи в белом стане. И главная причина, по справедливому заключению Соколова, коренилась в отсутствии определенного политического курса, провозглашении фиктивной аполитичности белой борьбы, непредрешенчестве, медлительности и неадекватности, объективным требованиям всей деятельности Особого совещания и программы самого Деникина .

В книге сравниваются предложения о существе и содержании деятельности белых Национального центра и других организаций, и доказывается необходимость доктрины «демократической диктатуры», подразумевающей опору на крес-

тьян и земельную реформу в их интересах при непредрешении вопроса об Учредительном собрании и формах будущего устройства страны. Автор положительно оценивает деятельность Деникина и считает, что нравственно-политическое значение его «страстной борьбы» заключалось в верности идеи Единой России [61].

Обстоятельства вооруженной борьбы белых на Юге и деятельность их органов управления рассматривается в воспоминаниях А.С. Лукомского, с июля 1919 по январь 1920 гг. возглавлявшего Особое совещание, служившего до этого на руководящих постах Добровольческой армии и закончившего белую карьеру в качестве представителя Врангеля при союзном командовании в Константинополе. Он принадлежал к числу т.н. быховцев и знал ситуацию изнутри. Лукомский констатирует одну из особенностей положения в руководстве добровольцев – наличие с момента возникновения движения трений, конфликтов, конкуренции в борьбе за единовластие, а также крайне тяжелые условия формирования армии и ее непрерывной борьбы на фронте, сочетавшиеся, тем не менее, с героизмом и моральной силой бойцов.

Эти условия были главной причиной неудовлетворительной работы Особого совещания, считал военачальник, в то же время на конкретных примерах работы тыла, экономической и социальной политики, агитации и пропаганды, конфликтах с казачеством и его лидерами невольно опровергая свое утверждение о правильности политики белых. Автор доказывает второстепенный характер союзнической помощи в борьбе против большевизма, стремление командования белых использовать ее лишь для поддержания порядка на занятой территории. Он анализирует структуру управления, способы формирования армии и ее основные операции при Деникине, а также стратегию пришедшего к власти в безнадежной обстановке Врангеля и считает ее правильной по всем основным направлениям. Заслуги барона во внутренней реформаторс-

кой политике, отношениях с национальными окраинами и союзниками, а главное – в сохранении армии – гораздо больше, чем его ошибки [62].

Наиболее масштабное произведение о событиях на Юге России, да и по всей стране в 1918–1920 гг., безусловно, создано А.И. Деникиным. В его «Очерках Русской Смуты» и других работах на значительном документальном материале, образно и живо представлена история революции и гражданской войны в России. Автор не мог быть беспристрастен в своем анализе и оценках, но многие его размышления, выводы, наблюдения представляют несомненную научную ценность и сегодня.

Деникин прослеживает рождение идеи и программы белого движения и военной диктатуры как следствие революционных потрясений 1917 года, естественную реакцию армии на потрясение основ единства и величия родины. Он отмечает разнородность социального и политического состава стихийно возникшего белого движения. «Нет, не за торжество того или иного режима, не за партийные доктрины, не за классовые интересы и не за материальные блага подымались, боролись и гибли вожди Белого движения, а за спасение России. Какой государственный строй приняла бы Россия в случае победы белых армий в 1919–1920 гг., нам знать не дано. Я уверен, однако, – писал он о своей программе и цели, – что после неизбежной, но кратковременной борьбы разных политических течений, в России установился бы нормальный строй, основанный на началах права, свободы и частной собственности» [63].

Немало страниц своих повествований Деникин посвятил становлению Добровольческой армии, непростым взаимоотношениям ее лидеров на этом этапе (М.В. Алексеева, Л.Г. Корнилова, А.М. Каледина), духовному облику и составу добровольцев, описанию ее боевых операций на всех этапах гражданской войны, взаимосвязи Южного фронта с Восточным и отношениям с Верховным правителем А.В. Колчаком и

союзниками, местными областными, в т.ч. казачьими, правительствами.

Сам жанр «Очерков», да и сложная судьба их автора обусловили субъективизм в оценке деятельности руководства южнорусских антибольшевистских сил, эмоциональность и пристрастность в самооправдании и сугубо негативной характеристике противника [64]. Однако историческая правда опровергает утверждения Деникина о правильности избранного им и его соратниками курса, что прямо или косвенно вынуждены, были признать, в конечном счете, все представители русского зарубежья.

Заключительному этапу борьбы белых на юге посвящены работы других ее участников [65]. Наибольший интерес для исследователей представляют те из них, что рассматривают правление П.Н. Врангеля. Упоминавшийся уже Н.Н. Львов, например, опровергал Милюкова, сравнивавшего Крым с Новороссийской катастрофой. Он доказывал, что Крым стал достойным завершением белого дела, так как Врангель сумел вывести армию из безнадежного положения. Благодаря его личным качествам и отсутствию сложного узла взаимоотношений, характерного для белого Екатеринодара, на полуострове была создана сильная власть и налажена дисциплина в армии, пресечены насилия и грабежи, интриги генералов и тыла. Известную оценку П.Б. Струве действий Врангеля как «левой политики правыми руками» он не поддерживает, считая, что в правительстве были и левые, и правые, а главное – оно занималось не декларациями, а работой. Врангель сохранил белую мечту. Само же белое движение окончательно сложилось в Галлиполи, – бездоказательно утверждает Львов [66].

На противопоставлении стратегии и тактики Деникина а и Врангеля , с обоснованием верности деятельности последнего, построена книга В. фон Дрейера «Крестный путь во имя Родины». Автор считал, что Деникин проявил на посту главкома необыкновенную самоуверенность и непонимание раз-

меров гигантской работы, которую провели красные внутри России и в его тылу, предал забвению принципы стратегии, в т.ч. главный – сосредоточение сил на одном направлении. В этих условиях только военный талант Врангеля и героизм его малочисленной армии имели спасительное значение, как и другие операции Врангеля на Кубани, Тереке, под Ставрополем. Описанию военных операций с приложением карт и схем в книге отведено значительное место.

«Его некоторые операции против красных – ряд блестящих образцов чистого военного искусства, – писал фон Дрейер о Врангеле, – на которых будет учиться наше будущее поколение. Как всякий человек он не был свободен от промахов, излишней самоуверенности в случаях, где требовалась осторожность и холодный расчет, увлекался трудно исполнимыми планами и часто ошибался в оценке и выборе людей. Вместе с тем у него были неоспоримые достоинства; военное дарование, недюжинный ум, глубокая эрудиция, начитанность, редкое красноречие и умение действовать на слушателей убедительностью слова».

Автор высоко оценил новый характер политики Врангеля по всем основным направлениям, противопоставляя ее добровольческой практике деникинских времен, когда стратегия была принесена в жертву политике. Заметим, что многие конкретные механизмы налаживания системы управления, борьбы с инфляцией, дефицитами, преодоления беззакония и произвола, налаживания отношений с социальными и национальными группами, использованные в Крыму в 1920 г., заслуживают внимательного изучения.

Однако Врангелю, считал автор, часто не имел дальних людей для осуществления своего курса. Огромная усталость и малочисленность войск, отсутствие источников комплексования, упадок финансов, экономический кризис в Крыму, несмотря на военную тактику, объясняют трагический исход последнего эксперимента белых [67].

Сам Врангель в своих предоставленных в дар сборнику «Белое дело» и опубликованных посмертно «Записках» также рассказывает о событиях 1918–1920 гг. на Юге России. Он приводит значительное число документов, переписку с командованием ВСЮР и прежде всего Деникиным по поводу стратегии и тактики белых. В «Записках» содержится характеристика состава, численности, формирования Добровольческой армии, ее руководства и снабжения, морально-психологического состояния военных частей, боевых действий подчиненных непосредственно Врангелю формирований.

Высоко оценивая недюжинные способности и знания Деникина, он вместе с тем критически подходит к оценке его действий на посту главкома ВСЮР. Надо отметить, что и Деникин уделил немало внимания противоречивым отношениям с преемником, также пытаясь доказать свою правоту в них. По мнению Врангеля, ему не удалось найти общий язык с атаманом Красновым перед лицом общей опасности, проявить необходимый такт и гибкость в отношениях с разными слоями населения, наладить порядок в тылу и обеспечить поддержку масс. Пагубную роль сыграла т.н. Московская директива Деникина, когда в стремлении овладеть пространством главком забыл об основных принципах стратегии, что привело к поражению [68].

Вместе с тем генерал размышлял об общих проблемах революции и гражданской войны в России. Он считал, что ответственность за случившееся несут не только политики и военачальники, но и сам народ, заменивший величайшее слово «свобода» произволом и претворивший полученную вольность в буйство, грабеж и убийство. В гражданской войне, писал он, одна сторона дралась за свое существование, а в рядах другой было исключительно все то мутное, что всплыло на поверхность в период разложения старой армии, озлобление с обеих сторон «достигало крайних пределов, и о соблюдении законов войны думать не приходилось» [69].

Одной из важных тем в истории белого движения, также получившей освещение в литературе русского зарубежья, являются политические и партийные взаимоотношения, деятельность партийно-политических организаций, которые сыграли важную роль, как в становлении белого движения, так и в определении его программы, содержания деятельности антисоветских правительства, их взаимодействии и отношениях с народными массами и союзниками. Особенно много внимания этим сюжетам уделили в своих воспоминаниях сами общественные и политические деятели белого лагеря. Так же, как и многие военные, они часто стремились оправдать или опровергнуть свое участие в белом движении, представить свою роль в наиболее выигрышном свете, обвинить в поражении своих прежних товарищей по коалициям и блокам.

Часть работ социалистов, боровшихся с большевиками, была проанализирована в 1.1 параграфе I главы. Оказавшись окончательно отвергнутыми большевиками и эмигрировав, представители социалистических партий Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов, Е.В. Колосов, Д.Ф. Раков, Б.В. Савинков и другие в своих работах уже с несколько иными акцентами описывают детали образования межпартийных объединений, которые к весне 1918 года выросли в две крупные группировки – «Левый центр» («Союз Возрождения России») и «Правый центр» [70]. Они участвовали в организации антисоветского сопротивления, эсеровских и проэсеровских правительств в Поволжье, на Урале, в Сибири, Архангельске и попытке консолидации антибольшевистских сил в Уфе в сентябре 1918 г. Все эти сюжеты получили свое толкование в произведениях указанных авторов, теперь уже не рассчитывавших на сотрудничество с большевистским режимом.

Так, Савинков описывает события с октября 1917 г. и характеризует трудности создания Добровольческой армии, обосновывает позитивное значение своей работы по включению в состав Донского Гражданского Совета во главе с генера-

лом М.В. Алексеевым 4 социалистов и демократов. Это, считает он, позволяло исправить политическую ошибку генералов, отмежевавшихся от демократии и дававших тем повод к обвинению в реакционности. Верность программе: отечество, верность союзникам, Учредительное собрание, земля народу – должна была обеспечить успех дела. Основываясь на ней, Савинков пишет о Союзе Защиты Родины и Свободы и своем участии в Национальном центре. Он видел причины неудач Народной армии Комуча в повторении им ошибок Керенского в отношении армии, а колчаковский переворот объяснял неверием сибиряков в способность Директории организовать дисциплинированную военную силу, что сделал именно Колчак [71].

Решающую роль военного фактора в антисоветской борьбе заставляли признать объективные условия военного времени, но социалисты, отодвинутые военными с руководящих позиций в обстановке растущего ожесточения противоборствующих сторон, всячески доказывали опровергнутую жизнью дееспособность проводившегося ими «третьего пути». Этот мотив характерен для многих их работ. Кроме того, в них содержится немало фактов и примеров белого террора, реставраторской направленности мероприятий белых после укрепления военных диктатур.

Воспоминания политиков и общественных деятелей вносят ясность в историю сближения эсеров с буржуазными партиями и группами во имя борьбы против большевиков. Так, Зензинов признает, что решающим обстоятельством в этом сближении был тезис о созыве Учредительного собрания и, разумеется, антибольшевизм [72]. Идея верности союзническому долгу и необходимости продолжать войну с Германией, для чего и требовалось свергнуть большевиков, также объединяла умеренных социалистов с противниками Октября. Тем не менее, практически повсеместно эсеры и меньшевики встречали глухое, а затем и открытое недоверие со стороны финансово-

промышленных кругов и военных, лишь в кооперации и региональных, автономистских образованиях находя безусловную поддержку, да и то до тех пор, пока эсеры были у власти.

Описание контактов членов «Левого центра» и «Союза Возрождения России» с союзниками подтверждает стремление последних с помощью России добиться разгрома Германии и условность поддержки антисоветского движения именно этим фактором, а также вынужденную зависимость белых от интервентов, впоследствии все более негативно влиявшую на развитие их борьбы [73].

Правый эсер А.А. Аргунов, один из организаторов «Союза Возрождения России», доказывает при этом успешность действий своей партии и вместе с тем признает ошибочность ее расчета на популярность лозунга Учредительного собрания в массах. В большинстве неудач он винит реакционных сибиряков, позволивших укрепиться военщине. «Борьба с ненавистным врагом – большевизмом во имя права и справедливости заставила и социалистов, и несоциалистов пойти на объединение, сделав взаимные уступки, забыв о разногласиях». Но эта коалиция оказалась нежизнеспособной, и Аргунов приходит к выводу о необходимости внеклассового и внепартийного объединения общественных сил для строительства новой России на фундаменте искреннего убеждения в невозможности возврата к прошлому и признания возрождения на началах права и народной воли, демократизма. Не случайно в связи с этим название его книги «Между двумя большевизмами» – монархически-реакционным, не имеющим глубоких корней, и радикальным левым [74]. Под большевизмом автор подразумевал крайние, бескомпромиссно настроенные фланги российской политической системы.

Принципиальную утопичность соединения «в одну организацию всех антикоммунистов от правых до эсеров» осознавали и главные идеологи белого дела – кадеты. Стремясь избежать крайностей, они избрали центристскую тактику, и

пришли к необходимости создания двух организаций, разводящих левых и правых в белом стане, посредником между которыми явилась бы их партия. Декларативно такой симбиоз состоялся, но реальная жизнь опровергла теоретические построения и развела участников соглашения – слишком удалены были их представления о целях (кроме свержения большевиков), способах борьбы, методах и содержании внутренней и внешней политики на этом этапе и после войны. К тому же ни одна сторона не удовлетворяла главному – народ имел к ней бесчисленные справедливые претензии, «не сознавал, что мы ему нужны», а навязываться ему безнадежно. Именно эти обстоятельства вскрывает, в частности, Л.А. Кроль в своих воспоминаниях о межпартийном блокировании [75].

Перипетии создания и деятельности «Союза Возрождения России» подробно рассматривает В.А. Мякотин. Он также указывает, что при создании Союза считалось возможным объединить всех или значительную часть государственно-мыслящих и демократически настроенных элементов общества, готовых активно бороться с большевиками, а затем организовать широкое народное движение за воссоздание государственности на демократических основах. Но разрыв Союза с Национальным центром подтвердил неосуществимость коалиции на демократической платформе [76].

Говоря о роли партии народной свободы в белом движении, Мякотин отрицает ее направляющую роль в политике Особого совещания при Деникине. Кадеты лишь освящали ее своим присутствием и участием, считает он. Между тем сам Деникин не смог стать общепризнанным вождем белого движения из-за отсутствия внутренней гибкости, надлежащей широты, заслоненности населения армией и офицерством. Главное же состоит в том, что диктатура генералов против диктатуры большевиков подрезывала весь смысл противобольшевистского дела, хотя приемы командования Добровольческой

армии были демократичнее советских (в отношении прессы, общественных организаций и пр.) [77].

Эти и аналогичные рассуждения, в общем сходятся в признании неэффективности тактики объединения разнородных антибольшевистских сил и вскрывают конкретные обстоятельства истории их блокирования в разных регионах на разных этапах гражданской войны [78].

Наряду с политическими аспектами истории белого движения значительное место в эмигрантской литературе занимают военные сюжеты. Эта тема в целом представляется достаточно специфичной и требует, очевидно, квалифицированного разбора военных историков. В рамках поставленных в настоящем исследовании задач остановимся на основных характеристиках этой историографии, обращая внимание главным образом на ее политические аспекты.

Масштабную картину военного противостояния белых красным на всех основных фронтах создали военные историки, прежде всего А. Зайцов и Н. Головин . Они анализируют влияние политических и социальных факторов на ход военных операций, стратегию и тактику командования белых армий и показывают как достоинства, так и слабости белого движения в связи с этим. В частности, Зайцов обращает внимание на трудности коалиционных тенденций в белом движении – между партиями и между правительствами, а также согласования действий военных группировок – Дона, Добровольческой армии, Кубани и Волги, важнейшую с военной точки зрения роль Царицына в 1918 г. Он констатирует ошибочность позиции главкома Сибири В.Г. Болдырева , принесшего стратегию Восточного фронта в жертву политическим симпатиям, желанию Сибири иметь свое собственное операционное направление, независимое от Самары и Народной армии Комуча [79].

Вообще, политика и личные взаимоотношения сильно сказывались на стратегии и ходе боевых действий белых, их результатах. Так, не поддержав восстание ижевско-воткин-

ских рабочих, они не получили опору в народной среде. «Об объединении, увы, русская контрреволюция обычно думала лишь тогда, когда все старания обойтись без него приводили к катастрофе». Зайцов соглашается с Красновым в том, что «от болтовни погибла Россия», и подчеркивает, что несмотря на воинские доблести и героизм, белые плохо осознавали последствия развала общимперской власти на окраинах и, наряду с чисто военными просчетами, неадекватно оценивали общую политическую ситуацию и настроения масс в стране в целом [80].

Головин также выделяет проблему коалиции политических группировок белых как одну из важнейших в их судьбе и глубокую противоречивость предпринимавшихся союзов, лишь непродолжительно действовавших согласованно. Большое внимание он уделяет социологическим характеристикам контрреволюции и белого движения, настроениям и составу входивших в него групп и слоев населения. Военный историк указывает, что либеральная интеллигенция (Национальный центр) переоценила ближайшие возможности восстановления Великой Единой Неделимой России, отчего считала возможным одержать победу одной только вооруженной силой. Нетерпение и нетерпимость, стремление к прямому и скорому действию были психологическим следствием этого в Добровольческой армии [81].

Рожденное в тяжелых условиях психологии мировой войны, белое движение несло в себе и силу, и слабость одновременно, а упрощенное стратегическое мировоззрение его вождей привели к просчетам в военных операциях. Головин считает неверной позицию эсеров по поводу устройства страны: ужасающий развал империи делал сомнительной возможность немедленного осуществления федерации освобожденной от большевиков территории и вопрос должен был ставиться в плоскости противобольшевистской конфедерации. Он подчеркивает чисто военный характер программы Колчака и его

искренний демократизм, проявившийся в политике непредрешения.

Историк непосредственно связывает упрочение военных диктатур белых с укреплением диктатуры Ленина в лагере противника, так как социологическое свойство войны – потребность в очень сильной и централизованной власти. Военная психология обусловила также и тождество быховской и колчаковской программ, а установление диктатур означало окончательную победу белого движения в контрреволюции. И белые, и красные стремились в ходе борьбы увеличить свои шансы на победу сходными средствами в соответствии с реальными возможностями. Красные – путем расширения социальной базы Красной Армии за счет крестьян, белые – усилением значения военного командования, роли профессионального элемента в армии. Головин трезво анализирует причины поражения белых и несостоятельность их политики [82].

В целом литература русского зарубежья, посвященная истории белого движения, правомерно много внимания уделяет причинам его поражения в 1918–1922 г. Тот же Головин считал, что стремление контрреволюции возместить свою малочисленность и катастрофический недостаток в оружии повышением профессионального качества войск привело к ее перерождению в белое движение. В боевом отношении в итоге, указывал он, белые неизмеримо превосходили красных, но стремление к надклассовости привело к разрыву между офицерством и патриотически настроенной интеллигенцией, крестьянскими массами, которых белые обвиняли в непатриотизме за стремление получить землю. Однако смысл патриотизма как сложного чувства, идеи, инстинктов, расходится в зависимости от степени образованности и культуры человека, и это белые вожди не учитывали. Отсутствие их личного авторитета среди крестьян при нелегитимности их власти и нерешенности земельного вопроса в пользу масс привело к поражению, – указывал ученый [83].

Н.Н. Львов в поиске причин поражения обращал внимание на негативную роль эсеров в белом лагере – они-де всегда были вольными и невольными пособниками большевиков. Диктатура же не сложилась в должном виде ни на юге, ни на востоке, а она была жизненно необходима для победы над красными. Львов полемизирует здесь с Милюковым, обвинявшим Колчака в засилье военщины, а Деникина в неверной политике Особого совещания. Главное, отмечал Львов, заключалось в пассивности масс, их стремлении к порядку и спокойствию, которые белые не смогли обеспечить. К тому же немаловажную роль сыграли личные недостатки вождей белых, их взаимные склоки, борьба за власть и пр. [84].

Аналогичные оценки дает и С.Ф. Штерн. лично Колчак и Деникин были вполне искренними, но их формальное отношение к идеи народного суверенитета и допущение неискреннего использования популярного лозунга явными и скрытыми реакционерами подвело вождей. «Дворянско-помещичья идеология фатально оказывалась во всех без исключения попытках вооруженного преодоления большевиков». В белых армиях было мало прогрессивных элементов, особенно в командовании, которое не смогло освоить демократический дух новой эпохи. Твердую власть следовало проявлять деликатно. Однако «прежние корниловские традиции, прежняя алексеевская школа государственности, деникинские призывы к законности и порядку стали заменяться классовой ненавистью и безудержным чувством мести». Политика классовых вожделений не могла быть парализована идейной, патриотической частью офицерства [85]. Таким образом, эмигрантские авторы признают доминирование классового фактора в сложном переплетении интересов, целей и действий в ходе гражданской войны.

Штерн, как и большинство писавших о причинах поражения белых, констатирует их неспособность создать прочное единство партийно-политических групп и организаций,

фронта и тыла, непродуктивность и даже реакционность внутренней политики – прежде всего в земельном, национальном, административном и других вопросах, а также идеино-политической работе. Существовала и белая чрезвычайка, произвол, жестокость, кровожадность, стяжательство и спекуляция не были характеристикой исключительно красных. Именно эти факторы, отмечает он, выделяли и большевики, объясняя причины своей победы в войне. Вместе с тем сыграл свою негативную роль и интервенционистский фактор: военная власть не умела использовать и развить помощь союзников вооружением и снабжением [86].

Его опровергает А. Ганн . Он, впрочем, как и уже упоминавшийся К.В. Сахаров и другие авторы, считал, что союзническая интервенция везде нанесла огромный вред антибольшевистскому движению, продлила существование Советской власти и стремилась к дроблению великой России на мелкие государства [87].

Специально разбору причин поражения белых посвятил свою уже упоминавшуюся выше работу П.И. Залесский. И хотя он писал о событиях на Юге России, его анализ важен для понимания проблемы в целом. Он называет в числе факторов недомыслие и непонимание, незнание руководством белых действительности, стремление видеть не реальное, а желаемое, и такие субъективные причины, как повсеместная склонность к интригам, местничеству, взяточничеству, вообще разрушению дисциплины и порядка. Рыцарский дух и моральные устои добровольчества постепенно испарились, и, в конце концов, поведение белых мало отличалось от поведения большевиков, а между тем удельный вес их в глазах населения был далеко не одинаков.

Для темной массы, объясняет Залесский, большевики были «своими». И это верно, если взять только их теоретические принципы и заманчивые обещания. Антибольшевики, являясь носителями старых тенденций, а часто и мстителями,

не сознавали своей вины перед темным народом – это вообще, резюмировал свой пассаж автор, типичная черта русской власти и всех «правящих» – незнание, непонимание общества и народа. Белые вожди и их организации оказались не на высоте задачи, своим поведением били себя. Даже правильные по сути реформы Врангеля были запоздалыми, да и не полновесными. Например, по заявлению самого их инициатора, в тяжкое время боев на фронте было 40 тыс., а в тылу – 300 тыс. военных [88].

«С падением Самодержавия многие мечтали о Новой России… чистой, грамотной, творческой, честной, благородной и деловитой; России – богатой знаниями и талантами; России – могучей, красивой и стойкой. Но судьбе угодно было дать миру иное зрелище, – размышляет в заключение автор. Судьбе угодно было держать Россию в собственном плену и бить ее, ее же руками – сначала с помощью легкомысленных и бездарных людей, подготовивших ее «неготовность» к мировому экзамену; потом – с помощью глубочайших канцеляристов и эпикурействующих бюрократов, окончательно провалившихся на этом мировом экзамене; затем – помощью смеси: авантюристов и фантазеров с пропойцами, каторжниками и кокаинистами; социалистов с капиталистами, республиканцев с монархистами, коммунистов с простыми жуликами, вахмистров с полковниками и генералами, проходимцев с титулованными аристократами!

«…Пала Россия – легкомысленная и расточительная, но всегда гостеприимная и щедрая на помощь; Россия, не умевшая жить для своего блага, но много сделавшая для блага других; Россия, преступная, прежде всего перед самой собою; Россия блестящая и даже красивая, но устаревшая и застывшая в мыслях о былых удачах, и потому – не сумевшая вовремя направить свой государственный корабль по другому курсу!» [89]. Этот пронизанный горечью поражения и несбывшегося вывод был характерен для переживаний и оценок случившегося русскими эмигрантами.

Однако повышенная эмоциональность суждений не мешала, тем не менее, довольно трезвому анализу своих ошибок и просчетов. Так, Филатьев подчеркивал, что общий провал белого дела имеет общие объективные причины. Среди них – неожиданная капитуляция Германии, когда белое движение еще лишь зарождалось, верность последнего союзническим обязательствам и нежелание сепаратного мира, когда нужно было думать только и, прежде всего о свержении большевиков. Несомненно, пагубную роль сыграли конфликты и соперничество вождей белого дела, но главное состоит, указывал мемуарист, в том, что «мужик и серая солдатская шинель оказались не на нашей стороне», так как мы проводили политику непредрешения и твердили о продолжении войны с немцами [90].

Ему вторит и А.В. Зуев, который считает, что наряду с указанными причинами, необходимо признать, что русские люди еще не прониклись национальной гордостью и самосознанием, которые только и могли поднять их на борьбу с красным интернационалом. Он выражает уверенность, что годы красного владычества (его книга издана в 1937 г.) привели к осознанию народом истинной звериной природы большевизма [91], однако правильность сего вывода весьма сомнительна. Само понимание сути национального самосознания, очевидно, далеко неадекватно историческим реалиям российской действительности начала XX века.

Наиболее ясно и конкретно сформулировал причины неудачи антибольшевистского и белого движения П.Н. Милюков. Он систематизировал всю гамму воззрений российских эмигрантов 20–30-х гг. Прежде всего, указывал историк, в период единства и наибольших шансов одолеть неподготовленных к вооруженной борьбе большевиков белое дело не было своевременно и достаточно поддержано союзниками, а отношение населения не играло еще решающей роли – спор мог быть решен и при его пассивности посредством силы.

На следующем этапе массы своим сначала равнодушным, а потом враждебным отношением к белым и вообще к любым правящим верхам обусловили исход дела. Несомненно, повлияла и классовая подоплека белых армий, особенно в отношении крестьянства. Реквизиции, поборы и прочие тяготы военной действительности усилили одиночество белых армий.

При этом одновременно в них самих происходило укрепление реакционных элементов и настроений, сопровождавшееся расхождением объединенных вокруг них политический партий и групп. Следствием второго и третьего факторов стало отрицательное отношение белых к автономистским и национальным требованиям окраин, на территории которых они действовали. К этому добавляется недостаточно искусное военное руководство вооруженными силами, слабость чувства долга и дисциплины, преобладание эгоистических интересов, разность внешнеполитических ориентаций лидеров белых, их политических взглядов и общности интересов с массами [92].

Львов, однако, не соглашался с Милюковым по поводу негативной роли реакционных элементов в составе белых и разочарования масс в их политике. Он утверждал, что белое движение проиграло, так как не сложилась белая диктатура, а помешали этому центробежные силы, вздутые революцией, и все элементы, связанные с ней и не порвавшие с ней [93].

Достаточно разнородны суждения эмигрантских историков и мемуаристов о роли армии как одного из центральных институтов государства не только в поражении белых, но и во всех драматических событиях революции и гражданской войны в России. В частности, Краснов выделял в качестве важнейших факторов дух армии, высокий смысл ее борьбы. Армия в гражданскую войну стала бичом населения. «И не избежали этого армии Деникина, Колчака, Юденича, Врангеля. За что воевать? За Учредительное собрание? За «волю народа» еще не сказанную, проявленную лишь в грабеже помещичьих усадеб, уничтожении фабрик и промыслов? Во имя чего дрались? Во

имя самостийной Украины, во имя федеративной республики, за какую-то фантастическую РСФСР, за «Единую Неделимую», но неизвестно с кем во главе, Россию?

С пустыми знаменами шли Добровольческие армии и были пусты сердца у героев-офицеров и солдат», стыдясь и клевеща на прошлое [94]. Деникин, в свою очередь, отвергал виновность лозунга «Армия вне политики» в развале императорской армии и неудаче белого движения. «Какое-то нелепейшее смешение понятий: национального, патриотического воспитания и... ортодоксального исповедования партийных программ. В особенности, когда программы эти фабрикуются... Не политические программы, а национальное самосознание и патриотизм могут дать правильное определение» врагов внутренних и внешних, против которых призвана сражаться армия, – доказывал он [95]. Впрочем, эти суждения не реализовались в практике руководимых им Вооруженных сил Юга России, не имевших на деле ясной, обеспечивавшей моральную стойкость и прочную социальную опору идеологии.

Все представители эмиграции, так или иначе, сходились в том, что белым не удалось создать необходимого равновесия и единства фронта и тыла, обеспечить их взаимодействие, добиться народной поддержки своего дела. Стратегический просчет и демократов, и либералов, и генералов-диктаторов заключался также в ставке на западную помощь. Разнонаправленность интересов и многообразие выражавших их идеино-политических и организационных структур, правительства, недальновидная и противоречащая интересам масс реальная политика, внутренняя разношерстность в идеологическом, политическом, организационном и военном отношениях, целый ряд уже названных субъективных факторов (разногласия по политическим и карьерным соображениям особенно) привели к поражению, которое русское зарубежье единодушно расценивало как трагедию.

Однако это не означало отказа от белой идеи и белой мечты: «Слишком велика была наша белая мечта. Слишком велики страдания там в России. Слишком много вложили мы в белое дело, чтобы отступить от него» [96]. На практике эта мысль, как известно, реализовалась в разного рода политических, общественных, научных и культурных, издательских программах и организациях русского зарубежья, что составляет предмет отдельного изучения [97].

Более глубокие корни не столько гибели белого дела, сколько причин и оснований всей русской смуты начала XX века продолжали оставаться в центре осмысления многих выдающихся представителей российской эмиграции. В частности, Н. Устрялов видел объяснение катастрофы не в реакционности политики белых, а в том, что Россия не изжила революции и большевизма, и победы Советской власти есть воля истории. Противобольшевистское движение к тому же силой вещей связало себя с иностранным фактором и поэтому невольно окружило большевизм известным национальным ореолом, по существу чуждым его природе [98].

П.Б. Струве вообще рассматривал русскую революцию как аналогичную во многом смуте XVII столетия загадку, «государственное самоубийство государственного народа», пугачевщину во имя социализма. Главная причина катастрофического развития событий заключалась, по его мнению, в отстранении общества, народа, населения от активного и ответственного участия в государственной жизни и государственной власти – отсюда антипатриотизм, противонационализм, противогосударственность революции. И главным лозунгом должны стать новая жизнь и старая мощь Отечества [99].

Представитель евразийства И. Степанов доказывал, что «белое» как система идей никогда не существовало. Если красные повинны в невероятном терроре попавших в кабалу коммунизма масс, то белые ответственны за призыв на помочь

во внутренние распри вооруженных сил иностранцев. Чисто военное движение они неудачно попытались сделать орудием защиты идеалов либерально-демократической общественности. На самом же деле лучшие белые не имели партийно-политических или имущественных целей, их борьба имела духовный характер.

Но неясность идеологии, ведение борьбы исключительно по отрицательным признакам, нерешенность актуальных для масс проблем и прочие уже названные причины привели к поражению. Главной же из них Степанов называет отсутствие позитивной и ясной идеологии, несвоевременность идеи национализма как ее основы (лозунг «Единая и Неделимая»), когда для народа важнее всего была не национальная, а социальная проблема, в сочетании с национальной, что правильно учили большевики. Нельзя было не считаться с «калужским патриотизмом», да и союзников, стремившихся ослабить Россию, этот лозунг никак не мог заинтересовать. К тому же придание белому движению характера борьбы за европейскую культуру, т.е. отрицание самобытности своей культуры, не могло вызвать сочувствия в России.

Характерно, пишет Степанов, что либерально-демократическая общественность, в которой искали поддержки белые вожди, не имела органической связи с народом. Революция и война выдвинули новых военных лидеров, но не выдвинула ни одного нового выдающегося общественного и политического лица. Это также предопределило крах всей их внутренней политики.

«Историческое значение октябрьской революции, – резюмировал Степанов, – игнорировалось, и надеялись, победив красных, признать большевистскую революцию как бы не существовавшей» [100].

И.Л. Солоневич соглашался с другими авторами в том, что белое движение проиграло из-за отсутствия политической программы, слабости лидеров, их узоклассовой полити-

ки, военно-бюрократических методов возрождения крепостничества, предательства, глупости и измены руководства, а также совпадения закономерных и случайных факторов. «Тот слой, который веками самым беспощадным и самым бесчеловечным образом эксплуатировал русский народ, тот слой, который отрицал в православном русском человеке элементарное человеческое достоинство, тот слой, который создал атмосферу вековой гражданской войны и довел империю до катастрофы, – неприемлем для русского народа ни при каких обстоятельствах и ни при каком мыслимом случае» [101].

Теоретическое осмысление исторических корней и духовных истоков русской трагедии предпринял и С.Л. Франк. Он считал, что массы стремились не к социализму, а просто к дележу буржуазного богатства, а социализм имел успех, так как давал идеиную санкцию этому делению. Он также называл революцию всероссийской пугачевщиной начала XX века. Это и обусловило крах белого движения, в политике которого народ видел стремление насадить старых «господ», в то же время обеспечив устойчивость советского режима, который не в последнюю очередь держался на вере масс, еще не разочаровавшихся «в самом замысле» [102].

Анализ причин поражения белого движения приводил наиболее активных деятелей русского зарубежья к выводу о необходимости смены тактики борьбы за свое дело (стратегическая задача освобождения России от большевизма сохранялась) – здесь диапазон предложений и проектов был весьма широк, однако это не входит в предмет настоящего исследования.

Итак, весь комплекс литературы русского зарубежья представляет несомненный научный интерес для исследователей истории белого движения. Без учета ее достижений нельзя осмыслить коренные проблемы этой истории – ее истоки, природу и социальную основу, программу, идеологию, стратегию и тактику, политическое лицо, роль отдельных политических и военных деятелей, взаимоотношения армии и народа, армии

и власти, власти и масс, партий, движений и организаций в переломный момент российской истории.

Вместе с тем произведения русского зарубежья дают мощный стимул для продолжения творческого поиска и углубления анализа как названных, так и других аспектов истории белого движения, революции и гражданской войны в России. К ним можно отнести роль и взаимоотношения белых и региональных, в том числе национальных государственных и общественных структур, историю межпартийного сотрудничества в антисоветском лагере, сопоставительный анализ всего спектра вопросов военной истории 1918 – 1920 гг., историческое место белого движения в революции, войне и коренной общественной трансформации начала XX века. Это связано и с анализом актуальных в настоящее время и требующих опоры на исторические уроки проблем становления новой государственности, демократии и рыночной экономической модели, урегулирования межнациональных отношений, формирования партийно-политической системы, поиском адекватной вызову времени общенациональной идеологии.

Литература

1. Большевики у власти. М., 1918; Год русской революции М., 1918; Из недавнего прошлого. М., 1919; Земство или Советы. Новониколаевск, 1919; Краткая история взаимоотношений Добровольческой Армии с Украиной. Ростов-на-Дону, 1919; Волконский П.М. Добровольческая Армия (Краткий исторический очерк со дня возникновения армии по 1/14 ноября 1918 г.) Изд. 2-е. Ростов-на-Дону, 1919; Коновалов Е. Уральцы (За полтора года борьбы). Омск, 1919 и др.
2. Будилович Б. Чем был Корнилов для России. Екатеринодар, 1918; Щепкин Г. Генерал-майор Антон Иванович Деникин. Новочеркасск, 1919; Его же. Донской атаман генерал от кавалерии Петр Николаевич Краснов. 1918. Май-сентябрь.

Новочеркасск, 1919; Завет семиреченским казакам Войскового Атамана генерала Ионова. Омск, 1919; Б.И.Ч. Адмирал Колчак. Ростов-на-Дону, 1919; Александр Ильич Дутов. Войсковой Атаман Оренбургского Казачьего Войска, генерал-лейтенант. Краткая биография, выборки из печати, статьи и пр., относящееся к деятельности войскового атамана. Составлено согласно пожеланий, выработанных депутатами 3-го Чрезвычайного Войскового Круга войска Оренбургского, партизанами отряда Атамана Дутова. Б/м, б/д. и др.

3. Б.И.Ч. Адмирал Колчак. С. 3; Александр Ильич Дутов. С. 127.
4. Суворин А. Поход Корнилова. 2-е изд. Ростов н/Д., 1919. С. I, V, XIV.
5. Там же. С. 7, 14-15, 31, 108, 132-133.
6. Там же. С. 138-160.
7. См.: Федюк В.П. Деникинская диктатура и ее крах. Ярославль, 1990. С. 30-31.
8. Волин Вл. Дон и Добровольческая армия. Очерки недавнего прошлого. Ростов н/Д., 1919. С. 28-29, 3-4.
9. Там же. С. 31-41, 50-61, 69, 83.
10. Ушаков А.И. История гражданской войны в литературе русского зарубежья. М., 1993. С. 11.
11. Куприн А. Предисловие к кн. В. фон Дрейера «Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война красного Севера с белым Югом 1918-1920 года». Берлин, 1921. С. 1-2.
12. Ушаков А.И. Указ. раб. С. 6.
13. Львов Н.Н. Белое движение. Белград, 1924. С. 5-6.
14. Александров Я. Белые дни. Ч. 1. Берлин, 1922. С. 4; Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Берлин, 1937. С. 91; Суворин Б. За родиной. Героическая эпоха Добровольческой Армии 1917-1918 гг. Впечатления журналиста. Париж, 1922. С. 152-153.
15. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 3. Париж, 1924. С. 7.

16. Головин Н.Н. Указ. раб. С. 91.
17. Львов Н.Н. Указ. раб. С. 4; Ландау Г. Революция и смута. Социологический опыт // Русская мысль. 1923-1924. Кн. IX-XII. С. 400; Солоневич И.Л. Золотопогонники и белогвардейцы // Белая империя. М., 1997. С.230; Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 1. Париж, 1921. С.110, 121-122; Т. 2. Париж, 1922. С.11.
18. Головин Н.Н. Указ. раб. Ч. 1. Кн. 2. С. 133-136.
19. Залесский П.И. Главные причины неудач Белого Движения на Юге России // Белый Архив. Т.2-3. Париж, 1928. С. 152-153.
20. Сухомлин В.В. Политические заметки // Воля России. Прага, 1922. № 10-11. С. 158-159.
21. Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 2. Париж, 1927. С. 2-3.
22. Там же. С. 3.
23. Мельгунов С.П. Гражданская война в освещении П.Н. Милюкова . Париж, 1929. С. 13-14; Львов Н.Н. Белое движение. С.9; Деникин А.И. Кто спас Советскую власть от гибели? Париж, 1937. С. 1; Фальчиков А. Белое движение (По поводу доклада П.Н. Милюкова) // Воля России. Прага, 1922. № 18-19. С. 203-211.
24. Головин Н.Н. Указ. раб. Ч. 2. Кн. 3. С. 114.
25. Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Белград, 1937. С. 14-15.
26. Ильин И.А. Белая идея // Белое дело. Летопись борьбы. Берлин, 1926. Т. 1. С. 8-9, 13-15.
27. Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого» // Новый мир. 1990. № 4. С. 233.
28. Русский Совет: Положение о Совете, задачи Совета, обзор деятельности. Париж, 1921. С. 15.
29. Львов Н.Н. Указ. раб. С. 7. О «ледяному походе» см.: Гуль Р. Ледяной поход // Белое движение: начало и конец, М., 1990; Половцов Л. Рыцари тернового венца. Прага, б/г; В память 1-го Кубанского похода. Белград, 1926; Деникин А.И.

- Очерки Русской Смуты. Т. 2. Париж, 1922.
30. Денисов С.В. Указ. раб. С.19.
  31. Головин Н.Н. Указ. раб. Ч. 1. Кн. 1. С.8.
  32. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. М., 1991. С.14; Деникин А.И., Лампе фон А.А. Трагедия белой армии. М., 1991. С. 13.
  33. Мельгунов С.П. Указ. раб. С. 13.
  34. Последние новости. Париж. 1924. 6 августа.
  35. Милюков П.Н. Россия на переломе. С. 1.
  36. Зайцов А. 1918 год. Очерки по истории русской гражданской войны. Б.м., 1934. С. 274, 21-22.
  37. Денисов С.В. Белая Россия. Альбом № 1. Нью-Йорк, 1937. С. 22-24.
  38. Милюков П.Н. Указ. раб. С. 4; Львов Н.Н. Указ. раб. С.6.
  39. Кадесников Н.З. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917-1922 годах. Нью-Йорк, 1965. Это, пожалуй, единственная работа об участии моряков в белой борьбе; Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода. Записки белого офицера. Финляндия, 1920; Образование Северо-Западного правительства. Объяснения В.Д. Кузьмина-Караваева, А.В. Карташева и М.Н. Суворова. Ноябрь 1919 г. Гельсингфорс и др.
  40. Горн В. Гражданская война на Северо-западе России. Берлин, 1923. С.3, 33, 55, 145, 155-158, 172, 363.
  41. Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб.1. Прага, 1931. С.15, 34-35, 38-43, 47-53, 71, 112, 177, 206.
  42. Зуев А.В. Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом. 1918-1922 гг. Очерки. Харбин, 1937. С.6, 9, 27, 83, 131 и др.
  43. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 3-4. Берлин, 1924, 1926; Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 2. С. 120-132, 203-204; Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 – ноябрь 1920). В 2-х т. М., 1991. Т.1. С.105.

44. Краснов П. Всевеликое войско Донское // Архив русской революции. Кн. V. Берлин, 1922. С.190-321; Его же. Казачья «самостийность». Б.м., б.г. С.20, 26, 29-31.
45. Головин Н.Н. Указ. раб. Ч. 5. Кн. 10. С.24.
46. Добрынин В. Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе Донского казачества. Февраль 1917 – март 1920. Прага, 1921. С.9, 36-39, 51-55.
47. Покровский Г. Деникинщина . Год политики и экономики на Кубани (1918-1919 гг.). Берлин, 1923. С.24, 43, 54, 61-64, 75, 78, 80, 88-91, 101-107, 169, 179-180.
48. Масянов Л. Гибель Уральского казачьего войска. Нью-Йорк, 1963. С.110-119, 124-129.
49. Семенов Г.М. О себе. Воспоминания, мысли и выводы. Дайрен, 1938. С.207-209.
50. Сергеев Вс. Л. Очерки по истории Белого Движения на Дальнем Востоке. Харбин, 1937.
51. Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923. С.11,15, 20,175 313, 319; Будберг А. Дневник. Начало гражданской войны. М.-Л., 1926. С.394, 396, 403; Петров П.П. От Волги до Тихого Океана в рядах белых (1918-1922 гг.). Рига, 1930.
52. Парфенов П.С. (Петр Алтайский). Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири. 1918, 1919, 1920 гг. Харбин, 1921. С.1, 28-29, 37, 43, 49, 56-58, 69-73, 87-91, 100, 103.
53. Серебренников И.И. Мои воспоминания. В революции (1917-1919). Т. 1. Тяньцзин, 1937. С.27-80, 115-126, 131-138,142-154, 157-173, 198-211.
54. Там же. С. 140-141, 240.
55. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак . Поворотный момент русской истории. 1918-1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин, 1921. Т. 1. Ч. 1. С.33,76-77, 105, 115,184-190, 295. Ч. 2. С.139.
56. Филатьев Д.В. Катастрофа белого движения в Сибири. 1918-1922. Впечатления очевидца. Париж, 1985. С.9-10, 19, 21, 24, 28, 42, 47-48, 50, 62-63.

57. Там же. С. 41-42, 45, 65.
58. Суворин Б. За родиной. Героическая эпоха Добровольческой Армии 1917-1918 гг. Впечатления журналиста. Париж, 1922. С.16, 19-20, 44, 142, 152-154, 160.
59. Штейфон Б. Кризис добровольчества. Белград, 1928. С.1-5, 131.
60. Денисов С.В. Гражданская война на Юге России. 1918-1920 гг. Константинополь, 1921. С.19, 36, 97.
61. Соколов К.Н. Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). София, 1921. С.95-109, 111, 282-283, 289, 83, 85-87, 162.
62. Лукомский А.С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1. С.6, 298-299. Т. 2. С.131, 177-185, 188-193, 203-205, 215-240.
63. Деникин А.И. Кто спас Советскую власть от гибели. М., 1991. С.8.
64. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. С.7, 104-110, 121-122, 155-156. Т. 2. С.187-189, 205, 224, 299, 316-317, 341. Т. 3. С.5-12, 210-211. Т. 4. С.73. Т.5. С.117-118 и др.
65. Слащев-Крымский Я.А. Требую суда общества и гласности (Оборона и сдача Крыма). Мемуары и документы. Константинополь, 1921; Смоленский С. Крымская катастрофа. София, 1921 и др.
66. Львов Н.Н. Указ. раб. С.12-14.
67. Дрейер фон В. Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война красного севера с белым югом 1918-1920 года. Берлин, 1921. С.11, 14, 28, 53, 91, 106-111, 153-154.
68. Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). В 2-х кн. Берлин, 1928. С.60-61, 68-74, 89-98, 105-113, 158-169, 184-189, 230-231, 247, 252.
69. Там же. С. 48, 74. .
70. Авксентьев Н.Д. Государственный переворот Колчака // Гражданская война в Сибири и Северной области. М.-Л., 1927; Зензинов В.М. Из жизни революционера. Париж, 1919; Колосов Е.В. Сибирь при Колчаке. Пг, 1923; Раков Д.Ф. В за-

- стенках Колчака. Париж, 1920; Савинков Б.В. Борьба с большевиками. Варшава, 1920.
71. Савинков Б.В. Указ. раб. С.16, 20,24-28, 42, 48.
  72. Штыка А.П. Гражданская война в освещении белогвардейских мемуаристов. Томск, 1991. С.46; Кроль Л.А. За три года. Воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток, 1921. С.13.
  73. Аргунов А.А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919. С.6-7.
  74. Там же. С.9-21, 41, 46-47.
  75. Кроль Л.А. Указ. раб. С.28-30, 158-163, 170, 185, 209.
  76. Мякотин В.А. Из недалекого прошлого (отрывки воспоминаний) // На чужой стороне. Т.IX. Берлин-Прага, 1925. С.279; Т.VI. Берлин-Прага, 1924. С.73-99.
  77. Мякотин В.А. Указ. раб. // На чужой стороне. Т.IX. С.284, 288-294.
  78. Гинс Г.К. Указ. раб.; Соколов К.Н. Указ. раб.; Маргулиес М.С. Год интервенции. Берлин, 1923. Кн.1; Шульгин В.В. 1920 год Очерки. София, 1922.
  79. Зайцов А. Указ. раб. С. 274, 148-149, 175, 192-193, 236.
  80. Там же. С. 254, 257, 261, 165, 275, 45, 78, 153, 217.
  81. Головин Н.Н. Указ. раб. Ч. 2. Кн. 5. С. 12-13, 23-28, 37-38, 44-46. Ч. 5. Кн. 11. С.9, 20, 50, 62, 75, 95.
  82. Там же. Ч. 4. Кн. 9. С.87, 91-95, 87,90, 96. Ч.5. Кн.12. С. 56-59, 62-70.
  83. Там же. Ч. 5. Кн. 12. С.70-77.
  84. Львов Н.Н. Указ. раб. С.9-12.
  85. Штерн С.Ф. В огне гражданской войны. Воспоминания. Впечатления. Мысли. Париж, 1922. С.20-23.
  86. Там же. С. 94-98, 105-122, 126-127, 176.
  87. Ганн А. (А. Гутман). Россия и большевизм. Ч. 1. 1914-1920. Материалы по истории революции и борьбы с большевизмом. Шанхай, 1921. С. III-V.
  88. Залесский П.И. Указ. раб. С.156-157, 164-166, 169.

89. Там же. С. 167-168.
90. Филатьев Д.В. Указ. раб. С. 137-139.
91. Зуев А.В. Указ. раб. С.131.
92. Милюков П.Н. Россия на переломе. С.5-6, 76-78.
93. Львов Н.Н. Указ. раб. С. 3-4.
94. Краснов П. Памяти Императорской русской армии // Какая армия нужна России? Взгляд из истории. М., 1995. С. 223-224.
95. Деникин А.И. Старая армия. Мировые события и русский вопрос // Там же. С. 269-270.
96. Там же. С. 3.
97. О военной школе русского зарубежья см., например: Российские офицеры. Под общей ред А.Б. Григорьева . М., 1995; Какая армия нужна России? Взгляд из истории. М., 1995 и др.
98. Устрилов Н. В борьбе за Россию. Сб. ст. Харбин, 1920. С.1-5.
99. Струве П.Б. Размышления о русской революции. София, 1921. С.16-17, 19, 23, 26-27, 32-34.
100. Степанов И. Белые и красные. Евразийство. Брюссель, 1927. С. 5-7, 9, 11, 13-16, 20.
101. Солоневич И.Л. Белая империя. М., 1997. С.119, 24-25, 156-158, 192, 230, 288-300, 312-354.
102. Франк С.Л. Из размышлений о русской революции // Русская мысль. 1922. Кн. 1-2. С.255, 258.

2.2. Проблемы истории белого движения в исследованиях западных историков

Западная историография накопила своеобразный и поучительный опыт исследования ряда вопросов истории белого движения. Динамика научного поиска и его результаты при этом отражали как политическую конъюнктуру внутри стран и на международной арене, прежде всего отношения капитала

листического мира с СССР, так и внутреннюю логику развития исторических школ и направлений за рубежом.

Сегодня общепризнанно, что на протяжении последних 80 лет в целом произошел переход от догматизированного, политически заданного законами «холодной войны» предвзятого подхода ко всей советской истории, т.н. «тоталитаризма», к объективистскому, главным образом социально-историческому анализу (т.н. «ревизионизм» или модернизаторская модель). Этот переход не был одномоментным, в разные периоды имели место оба основных методологических направления, но первое доминировало до 70-х гг., второе ощутимо заявило о себе именно в последние 20-30 лет.

Проблемы истории революции и гражданской войны в России оказались в поле зрения западных ученых уже в 20–30-е годы. Их интерпретация в условиях раздела мира на противостоящие системы со всеми известными политическими, идеологическими и прочими последствиями не могла не быть политизированной. Основное внимание зарубежных историков было сосредоточено на опровержении исторического значения Октября 1917 г. и его мирового влияния, а также оправдании факта открытого вмешательства Германии и стран Антанты во внутренние дела России.

К подобного рода работам следует отнести, прежде всего, книгу немецкого автора Г. фон Римши [1], выступившего с идеализированной оценкой антисоветской борьбы и участия в ней иностранных сил, в том числе роли чехословацкого корпуса в расширении масштабов гражданской войны в 1918 г., а также доказывавшего массовость участия рабочих и крестьян в антибольшевистских вооруженных силах.

В исследованиях по истории России и гражданской войны 1918–1921 гг. Коутсов, Хеденштрома, Гольдшмидта, Стюарта и др. [2] белое движение, как правило, рассматривалось как патриотическое, его лидеры выступали в качестве стоявших над схваткой арбитров. Это, с одной стороны, должно было

оправдать цели и действия белых, а с другой стороны, объяснить причины их поражения не коренными изначальными слабостями самого движения, а недисциплинированностью, разложением офицерства и прочими субъективными моментами. Высокие моральные качества военных вождей – Деникина, Колчака и других, по мнению этих авторов, приводили к разногласиям с окружавшей их военщиной и вместе с допущенными ими ошибками обусловили крах белой гвардии.

Вместе с тем практически все западные историки признавали тесную связь российской контрреволюции с Антантой и Германией. Основным тезисом являлась мысль о целесообразности иностранного вмешательства в связи с необходимостью соблюдения международных обязательств и продолжения мировой войны.

Но и в этот начальный период становления западной историографии белого движения наряду с явно заданными оценками и выводами содержались полезные, достаточно взвешенные суждения, получившие развитие в дальнейших исследованиях. Так, наиболее высокую оценку зарубежных историков как непревзойденного в течение последующих 30 лет труда [3] получила вышедшая в 1935 г. книга американского журналиста Чемберлина, который посвятил свое исследование истории российской революции 1917–1921 гг.

Он считал, что белых, независимо от географии и тех или иных перипетий политической деятельности, отделяла от большинства населения страны – крестьян – непроходимая пропасть. Несовместимая по сути с интересами крестьян и рабочих политика Колчака и Деникина, провал «демократической контрреволюции», белый террор – все это достаточно объективно рассматривается в книге как основные причины поражения белых. Автор к тому же поставил вопрос о необходимости изучения истории партии эсеров в гражданской войне и объяснения ее краха, поворота крестьянства в сторону Советской власти и большевиков [4].

В целом в 20–30-е годы XX века в западной историографии лишь наметились основные проблемы изучения истории белого движения в гражданской войне в России. Ограниченнность круга источников, политическая и эмоциональная предвзятость, преобладающее внимание к вопросам истории Первой мировой войны и ее итогов, в том числе участия России в ней и последовавших за революциями 1917 г. событий, прежде всего иностранной интервенции, объясняют малочисленность специальной научной литературы по истории гражданской войны в России и особенно белого движения, а также основные концептуальные подходы, заложенные в ней.

Постепенный поворот от взгляда на 1917 год и гражданскую войну как кровавую бессмысленную драму к признанию неслучайности происшедшей тогда коренной трансформации российской государственности, идеальных и политических основ ее развития привел зарубежных историков к необходимости более основательного изучения и переоценки представлений об этом важнейшем периоде в истории России, несмотря на сохранение существенных различий в его интерпретации. Составной частью этих исследований в последующие периоды было и белое движение.

Однако в 50–60-е годы XX века груз стереотипов «холодной войны» продолжал доминировать над решением научных задач и негативно сказывался на результатах исторических изысканий как советских, так и западных ученых. Это наглядно подтверждают работы Е. Ханиша, Ф. Боркенау, О. Анвайлера, Р. Даниэлса, Р. Уллмэна, П. Флеминга и др. [5]. Типичным примером служит работа Г. фон Рауха [6], в своей «Истории Советского Союза» в 1969 г. отстаивавшего тезис о гражданской войне как выражении протеста народных масс против разгона большевиками Учредительного собрания 5 января 1918 г. и превентивном характере иностранной военной интервенции и в то же время признававшего неконструктивность и неадекватность программы белых надеждам масс. Практически все

названные историки некритически подходили к оценке действий и политического облика белых вождей, отвергали роль интервенции как отягощающего фактора в ходе гражданской войны, доказывали, что в гражданской войне участвовала лишь незначительная часть русского народа, и лишь радикализм большевистской политики обеспечил ее победу [7].

В то же время в работах В. Гитермана, Д. Футмэна, Дж. Кларксона, Г. Штекля и других содержались довольно точные наблюдения и выводы, позволявшие продвинуться вперед в понимании природы, идеологии и программы, политики белых правительств и их «попутчиков» – умеренных социалистов. Они, в частности, констатировали монархизм и реставраторские тенденции в собственно белом движении, опиравшемся на офицеров царской армии, недальновидность и неподготовленность их вождей к политической деятельности, недостаточный pragmatism и даже романтизм, в отличие от большевистских лидеров.

Гитерман, например, писал о стремлении белогвардейцев реставрировать отжившие крепостнические порядки и преобладании в армии Колчака монархистов. Наряду с этим ученые показали зависимость ряда антисоветских правительств, в том числе эсеровского Комуча, от иностранных вооруженных сил, верно, оценили Уфимскую Директорию как вынужденное, недолговечное и неустойчивое соглашение антибольшевистских сил на переходном к диктатуре этапе.

Кларксон подчеркивал, что монархические предубеждения большинства офицеров, их привилегированное положение вызывали законное недовольство крестьянских масс, в том числе в белых армиях, а внутренние разногласия, нехватка резервов и отсутствие централизованного руководства обусловили их поражение. Названные историки не замалчивали факты белого террора и шовинизма в антибольшевистском движении, признавали неэффективность интервенционистской политики [8].

Объективистские тенденции, таким образом, пробивали себе дорогу и в западной историографии 60-х – 70-х годов XX века, в целом по-прежнему уделявшей недостаточное внимание собственно гражданской войне в России. Советологи традиционно сосредотачивались на проблемах становления и истории сталинизма, усматривая его истоки во внутрипартийных событиях, роли и взаимоотношениях лидеров большевизма и т.д. Применительно к этой проблематике рассматривалась и история гражданской войны: борьба с белыми выступала как веха в перерождении большевистской партии и складывании однопартийной системы, т.е. белое движение не было самостоятельным предметом изучения. К тому же западные историки по понятным причинам всегда отдавали предпочтение внешнеполитическим аспектам войны, оправданию и описанию иностранной интервенции в Россию в 1918–1920 гг. [9].

Со второй половины 60-х и особенно в 70-е гг. XX века теория «тоталитаризма» все больше вытесняется «модернистскими», или «ревизионистскими» теоретическими построениями в изучении советской истории, заложенными сторонниками концепции социального развития и школы «Анналов». Отказ от трактовки Октябрьской революции как верхушечного заговора подкрепляется анализом хода и итогов ожесточенной и длительной гражданской войны [10]. Вместе с тем сами события 1918–1920 гг. в России признаются «наиболее значительной из всех гражданских войн XX века» [11]. Их изучение строится на рассмотрении более широкого, не основанного исключительно на классовой парадигме, спектра проблем, в том числе и белого движения.

Примером могут служить посвященные антибольшевистскому движению на Юге России во главе с Деникиным, участию крестьянства в войне, проблемам государственности в эпоху революций работы 60-х гг. У. Розенберга, Дж. Эрло и В. Рича [12], а также вышедшие в 70-е гг. труды Дж. Сильверлайта, Г. Тюнинг-Ниттнера, П. Кенеза, Т. Шанина, О. Рэдки,

Дж. Брэдли, К. Смита и др. [13]. Общим для всех них является почти подчеркнутая отстраненность от анализа классовых мотивов и целей участников войны и белого движения, не принятые в советской историографии тех лет повышенное внимание к социально-психологической стороне поведения крестьянских масс, рабочих и белого офицерства.

Во многом под влиянием эмигрантской литературы, мемуаров и документов белых, опубликованных за рубежом и являвшихся основным источником фундаментом, западные историки выделяли сюжеты, обосновывавшие патриотизм, великодержавие и героизм белых лидеров, их сподвижников и сторонников, рассматривали события в отдельных регионах России и феномен атаманщины как одно из проявлений характерного для времен войны регионализма. Преимущественное внимание к истории белых на Юге России было продиктовано не только действительной важностью происходившего там в 1918–1920 гг. для всей страны, но и наличием необходимых для их изучения документов и материалов, вывезенных за границу белыми, при недоступности находившихся в СССР богатейших архивных фондов по истории гражданской войны.

В то же время в их работах звучало признание повышенной политизированности и дискуссионности практически всех вопросов этого периода российской истории, что затрудняло объективное его изучение, подчиняло исследовательский процесс заданным априори стереотипам и догмам. Анализ событий революции и гражданской войны мог, по мнению Р. Фишера, Дж. Кипа и других, помочь понять, «какие ошибки совершили противники Ленина, позволившие ему одержать победу» [14].

Именно причины поражения белых традиционно занимали важное место в работах зарубежных ученых, что также было следствием влияния на них эмигрантской литературы. Однако развитие социально-исторической школы расширило спектр научного поиска. Шанин и Рэдки, в частности, попы-

тались исследовать эволюцию настроений крестьянства как основной социальной силы, способной обеспечить успех любой из сторон, включившись в ее борьбу за власть. Они акцентировали свой исследовательский интерес на приоритете частнособственнических, а не политических целей и мотивов поведения крестьянства, что кажется понятным с точки зрения ценностей западной ментальности [15] и на что обращали внимание и российские историки 20-х годов XX века.

Впрочем, сами западные историки не раз обращали внимание на фактические ошибки и неточности в работах своих коллег [16], а также на недостаточность фактографического подхода и очевидные издержки в анализе существенных основ взаимоотношений белых правительств и масс, армии и народа, идеологических альтернатив и критериев, по которым население делало выбор между ними в ходе войны. Так, рецензент названной книги Р. Рэдки из Гуверовского института войны, революции и мира резко критически оценил описание зеленого движения в Тамбовской губернии, сделанное автором. По его мнению, работа Рэдки «глубоко разочаровывает» читателя, так как не дает объективного представления о проблеме, изображая, в частности, коммунистов как «зловредных людей, ненавидевших крестьян и действовавших на основе ложной марксистской идеологии» [17].

Неровный по тематике, источниковой оснащенности, объективности и научной ценности характер зарубежной историографии белого движения отражал идеологические и политические реалии эпохи, сложное состояние исторической науки в целом. Тем не менее, она постепенно накапливала определенные позитивные результаты в изучении указанной темы, сохраняя приверженность «внеклассовой» парадигме, критическое отношение к советской историографии, привязанность к сложившимся приоритетам в сюжетной канве.

Например, традиционное внимание к причинам поражения белых и соответственно победы большевиков оборачи-

валось стремлением расширить диапазон поиска. Так, Р. Уорс предложил проанализировать в этом свете социальный (в том числе с учетом объективно решающей роли крестьянства) и национальный состав вооруженных сил красных и белых, в целом факторы их боеспособности, экономические основы, кадры, действия нерегулярных (партизанских) соединений.

Эти важные замечания дополнил Р. Лаккетт, считавший необходимым учитывать и партийно-политические взаимоотношения в стане белых, а, кроме того, личностный аспект, имея в виду их военных лидеров. Он к тому же предположил, что интервенция помогла скорее большевикам, чем белым, что, впрочем, уже звучало в работах российских эмигрантов, активно осмысливших причины трагедии белой гвардии [18].

Что касается других сторон истории белого дела, то в 70-е годы XX века одной из наиболее важных тем изучения стала его идеология. Существенный вклад в исследование идейной платформы, прежде всего Добровольческой армии внес американский ученый П. Кенез. Сегодня мы имеем возможность ознакомиться с его размышлениями и выводами в русском переводе [19].

Ученый признавал изначальную сложность и одновременно увлекательность изучения истории гражданской войны, обделенной серьезным вниманием западных ученых, особенно в плане подробного исследования отдельных ее периодов и регионов. Он сосредоточил свое внимание по традиции на истории белых на Юге России и попытался идентифицировать белое движение, отвергая тезис о его контрреволюционности на том основании, что белые якобы стремились защитить за-воевания Февраля 1917 г. [20].

В своем анализе автор опирается на программу белых на Юге России, считая ее наиболее выразительной для характеристики всего белого движения, что противоречит его собственному замечанию о необходимости учета региональных и прочих отличий в истории белых. Тем не менее, Кенез, пожа-

луй, наиболее четко в западной историографии вычленил не раз называвшиеся идеологические основы, организационные и политические слабости белого движения, объясняющие его крах. Позитивным моментом его исследования является внимание к психологическим и социальным мотивам поведения военных лидеров белых, динамике социального состава офицерского корпуса и его оторванности от образованной общественности, непредвзятая критическая оценка пагубной роли суррогатной идеологии агрессивного и нетерпимого узкого национализма белых, наиболее ярко воплотившегося в антисемитизме.

Как и многие другие авторы, Кенез подробно обсуждает причины поражения белых и в связи с этим указывает, что, несмотря на конкретные особенности развития белого движения в отдельных регионах, его общим слабым местом были разношерстность политического и, соответственно, идеологического состава и целей, видения перспектив борьбы и программы преобразований в сфере государственного устройства, аграрном, национальном вопросе, внешнеполитической ориентации.

Кажущиеся сегодня ясными рассуждения историка о противоречиях между монархистами и республиканцами, либералами и консерваторами, военными и политиками, а также интеллигенцией, о недооценке белыми вопроса о завоевании доверия рабочих и крестьян, неоформленности и расплывчатости лозунгов и целей, к сожалению, в 70–80-е гг. XX века остались в основном вне поля зрения советских ученых, хотя ряд указанных сюжетов самостоятельно изучался ими в рамках поставленных научных задач. Ныне эти вопросы находят все более широкое освещение и обоснованное подтверждение в конкретно-исторических исследованиях, на значительно более полновесной источниковской основе.

В то же время отечественная историография, постоянно подвергая критике работы своих западных оппонентов, содер-

жит небезынтересный и сегодня анализ отдельных вопросов. Так, В.Д. Поликарпов, как было принято в 70-е годы XX века в советской литературе, не согласился с мнением Дж. Брэдли о политике атамана Каледина на Дону, его стремлении в конце 1917 г. найти компромисс с Советами [21]. Автономизм казачества как противовес центростремительным устремлениям белых лидеров зарубежные историки преувеличивали, а советские нивелировали.

Неприемлемым для последних было и утверждение, что начало гражданской войне, положил октябрьский переворот, что Ленин своей политической идеей классовой борьбы в ее крайней форме (гражданская война) заложил ангажированность исторических исследований, от которой довольно трудно освободиться [22]. В.Д. Поликарпов, основательно занимавшийся историей начала гражданской войны, именно с этих позиций оценивал работы западных ученых, к тому же отметив у них наличие фактических ошибок и влияние эмигрантской литературы [23].

Возвращаясь к работе Дж. Брэдли, отметим, что в ней нашли место и вполне корректные выводы, в том числе о роли чехословацкого мятежа, положившего начало гражданской войне в Поволжье, о неэффективной военной политике Комуча и изначальной нежизнеспособности Директории, о военных ошибках белых в 1919 г. Автор справедливо указывал, что их поражение было обусловлено безусловным проигрышем перед красными в организации, решимости и пропаганде [24].

В целом советские исследователи в конце 70-х годов XX века зафиксировали растущий интерес западной историографии к истории революции и гражданской войны в России. Если с 1917 по 1956 гг. в США и Англии, например, было опубликовано около 200 работ по этому периоду, то в 1957–1967 гг. около 100. С 1969 по 1977 гг. на английском, немецком, французском и итальянском языках вышло 15 работ о гражданской войне и иностранной интервенции в России [25].

В 80-е годы XX века, по мнению самих западных историографов, происходит качественное изменение в изучении истории гражданской войны в России: конфликт между сторонниками традиционного подхода и т.н. ревизионистами ослабевает, а расширение доступа к советским источникам и укрепление позиций социально-исторической школы не только ставит период 1918–1920 гг. в центр внимания ученых, но и существенно смещает акценты в выводах и обобщениях [26]. Следует отметить, что собственно белое движение по-прежнему рассматривалось главным образом в рамках более широкой задачи изучения истоков, сущности, масштабов и последствий российской революции и гражданской войны, взаимоотношений масс, партий и государства, социокультурных основ большевизма и сталинизма [27].

Например, известный историк Ш. Фитцпатрик, как и другие исследователи (А. Рабинович, М. Левин, Л. Хаймсон, С. Смит, У. Розенберг и т.д.) пришла к выводу об отсутствии реальной альтернативы большевистской власти и признанию массового характера поддержки Советов рабочими и крестьянами, что соответствующим образом сказалось на оценке белого дела и его судьбы. При этом сама гражданская война была крещением для большевизма, и ее предсказанную цену – социальную поляризацию, насилие, упор на единство и дисциплину, централизацию, чрезвычайные меры – большевики, имевшие в 1918 г. весьма шаткие позиции, были готовы уплатить.

Победа над белыми и всеми своими противниками вкупе героизировала партию, не только легитимизировала ее победу, но и обеспечила за ней моральный перевес, столь важный для дальнейшего управления страной [28]. Такие оценки делали второстепенным детальное изучение собственно белого движения как главной силы, противостоявшей красным, но закономерно побежденной.

Сходные взгляды содержатся и в более поздней работе американского историка М. Малиа, который также считает,

что гражданская война была развязана не столько бежавшими на Дон царскими генералами, начавшими свою борьбу в конце 1917 г., сколько вследствие самой готовности большевиков до конца отстаивать монополию на власть [29].

Характерно, что в западной историографии нет единодушия в определении самого понятия «белое движение». Как правило, его ядром справедливо считаются бывшие царские генералы и офицеры, но партийно-политическая палитра движения, определявшая его программу, идеологию и политику и менявшаяся в ходе войны, анализируется редко – гораздо больше в этом направлении сделали советские историки, о чем уже говорилось. Сама динамика состава и политики белых затрудняет их идентификацию и объясняет расширительное толкование термина, включение в него практически всех, кто в разные периоды гражданской войны по разным причинам и с разными целями противостоял большевикам и Советской власти. Таков, в частности, подход Б. Линкольна [30].

Ценное конкретно-историческое и, пожалуй, единственное полновесное научное исследование отдельной, но весьма важной проблемы – политики Врангеля – осуществил русский по происхождению французский историк Н. Росс. В 1982 г. во Франкфурте на Майне вышла его книга «Врангель в Крыму». Она представляет внутреннюю эволюцию Крымского государства, политику последнего белого правительства в земельном, национальном, экономическом, культурном и религиозном вопросах, отношения с иностранными державами, политическую жизнь в Крыму, систему местного самоуправления. Заложенный в белом движении демократический потенциал, как ни парадоксально, был реализован только на заключительном этапе его развития, когда сами проводники реформаторской политики ясно осознавали историческую обреченность своего дела.

Именно в связи с этим анализ, проведенный Россом на основе главным образом документов, хранящихся в Гуверовском

Институте в Калифорнии (США), весьма интересен. Начав с причин поражения белых осенью 1919 г. (относительная малочисленность, неумение завоевать доверие крестьян, неспособность обеспечить гражданский и экономический порядок в тылу, ненадежность и даже предательство союзников, проблемы в отношениях с казачеством и чисто военные просчеты), автор детально рассматривает все стороны 8-месячной истории полуостровного государства.

В центре внимания ученого – процесс смены власти и новый персональный ее состав, политические взгляды Врангеля и его окружения. От общей характеристики положения в Крыму в 1920 г. он переходит к анализу военных операций и внешней политики нового государства, состояния армии и населения, системы управления и самоуправления. Детально освещаются подготовка и проведение земельной реформы, отношения крестьян и рабочих к власти, экономика и финансы, борьба за правопорядок, национальная политика и отношения с повстанцами, идеологическая деятельность правительства, политическая жизнь Крыма, состояние школы и культуры, церкви и религии, быт и нравы.

Он отмечает, что его глава был безусловным монархистом, но понимал, что революция разорвала прежде связанные понятия о родине и монархизме и для их возрождения нужна длительная работа. Преданность родине и знание новых условий определяли направление и содержание его реформ, при непредрешении вопроса о будущем политическом устройстве, – земельная и самоуправление. Он, в отличие от Деникина, стремился, несмотря на крайние трудности, выбить у врагов главное орудие политической борьбы и тем самым создать необходимый настрой у населения, армии и за границей. Росс освещает также настроения партийных кругов Крыма и их отношение к политике Врангеля, что немаловажно для изучения политической истории белого движения [31]. В целом труд французского историка, безусловно, является одним из

важных научных явлений в изучении истории гражданской войны в России.

В то же время утверждение в целом «ревизионистской» модели изучения российской истории не означало полного отказа от старых представлений и подходов. Р. Пайпс, в частности, в изданном в 1990 г. труде «Русская революция» настаивал на принципиальном различии политики красных и белых в гражданской войне. Прежде всего, это касалось вопроса о терроре. Для красных он очень скоро стал органической частью рождавшейся системы управления, тогда как белые применяли не менее одиозный террор в качестве эмоциональной реакции на действия Советской власти, инициировали его не специально созданные институты, а отдельные офицеры.

Кроме того, автор доказывал, как и его ранние предшественники, что иностранная интервенция не имела целью свержение большевиков, стремилась к восстановлению фронта мировой войны в России. Более того, сами большевики, призывая народы мира к пролетарской революции, подстегнули интервенцию, в то время как страны Антанты своими действиями, в конечном счете, спасли Россию от превращения в колонию Германии [32].

Не отрицая ответственность большевиков за особо ожесточенный характер гражданской войны и их стремление «раздуть пожар мировой революции», следует, очевидно, отказаться от противоречащей исторической правде односторонности суждений в оценке столь масштабного и крайне сложного явления, как российская смута начала XX века. Как справедливо заметил Г.З. Иоффе, при выявлении причин победы красных и поражения их противников, скорее, всего окончательного решения, быть не может [33].

Обусловленные перестроичными процессами качественные перемены в развитии советской исторической науки, открытие доступа к архивным и иным источникам по истории гражданской войны и, прежде всего антибольшевизма

во всех его проявлениях не только для отечественных, но и зарубежных исследователей открыли новый этап в развитии всей историографии белого движения. Наиболее ярким свидетельством его стала ныне все более укрепляющаяся практика совместных творческих обсуждений особо актуальных и недостаточно изученных проблем истории гражданской войны и белого движения.

Примечательно признание профессора Бирмингемского университета Р. Дэвиса, сделанное на встрече в редакции журнала «История СССР» 20 октября 1989 г. – именно под влиянием событий в СССР второй половины 80-х годов произошли качественные подвижки и в зарубежной историографии. Оказалось, что за рубежом обсуждаются, и «более скучно», в основном общие проблемы, тогда как советские историки подробно и профессионально начали искать ответы на важные частные и общие вопросы [34]. Вместе с тем он отметил, что и в 70-е годы, несмотря на ограниченность дискуссий, имел возможность открыто излагать свои взгляды перед советской научной аудиторией, развивать дружеские отношения с коллегами в СССР.

Его дополнил западногерманский историк Д. Гайер. «Честно говоря, – писал он, – в то время, когда господа Суслов и Трапезников определяли курс в аппарате ЦК, нам трудно было рассматривать советскую историческую науку в качестве партнера. Мы оценивали профессионализм отдельных знаменных ученых, но общее впечатление было преимущественно отрицательным». Теперь же он констатировал как рост интереса на Западе к российской истории, так и развитие плюрализма и творческого обновления культуры дискуссий и критики в советской научной среде [35].

Интеграции научного знания и получению полновесных исследовательских результатов способствует также взаимный обмен ранее достигнутыми и новыми результатами работы, открытие ранее запретных сочинений западных историков и

их издание на русском языке – как прошлых лет, так и вышедших за рубежом в последнее время, а также специально предназначенных для российского читателя статей и другие работы.

Так, американский ученый В.Н. Бровкин, в свое время покинувший СССР, в конце 80-х – начале 90-х гг. опубликовал исследования по истории гражданской войны [36]. В статье 1994 года для российского читателя он предложил свой взгляд на взаимоотношения власти и общественных сил в гражданской войне [37].

Сама постановка проблемы для отечественной историографии звучала по-новому, да и размышления автора наталкивали на непривычные для советского периода развития исторической науки ракурсы в изучении событий 1918–1920 гг. Он предложил рассматривать гражданскую войну не как простое противостояние красных и белых, а как сложное взаимодействие всех социальных групп и слоев общества, поведение которых отражало изменения в самосознании, а, значит, и в политическом самоопределении и участии в войне. Вероятно, такой подход к анализу белого движения может дать новые интересные результаты.

Что касается взглядов Бровкина именно на белое движение, то он выделяет 1919 год как наиболее успешный для противников большевизма и обращает внимание исследователей на недостаточно изученный аспект – причины роста и успехов Добровольческой армии через призму общественно-политических течений на большевистской территории.

Интересны и рассуждения историка о сходстве негативного отношения красных и белых к новым государствам на бывших национальных окраинах Российской империи, идеологической и полевой войне тех и других против разных слоев населения, в том числе зеленых, аналогии между характером борьбы красных и белых против своих внутренних оппонентов, в частности, социалистов.

Так же, как и Пайпс, Бровкин делает качественные различия между красным и белым террором, настаивает на изначальной приверженности белых патриотов и добровольцев высокой идеи спасения Отчизны. Но, признает далее историк, по мере развития войны их движение становилось все более нетерпимым, шовинистическим и антисемитским, не сумевшим стать объединяющей национальной силой. В анализе причин поражения белых Бровкин солидарен с уже излагавшими выше выводами эмигрантских и западных ученых, замечая, впрочем, и обоснованную советскими авторами негативную роль партии кадетов, проявивших беспомощность в деле руководства белым движением и удаленность от народа [38].

Политические ошибки кадетов как идеологической опоры белого движения, отказ их от либеральных принципов в ходе войны констатирует и М. Хильдермайер. Этот автор, наряду с указанием общеизвестных причин поражения белых, выделяет в качестве главной военное превосходство красных [39]. Рассматривая историческое значение гражданской войны, Дж. Эделман заметил: «Далеко не достоверно, что белые были обречены» – ведь они имели внешнюю поддержку, профессиональный командный состав, правительенную бюрократию. Тем не менее, несмотря на избыток опытных кадров, белые продемонстрировали слабость и нестабильность государственных учреждений. Причины их решительного поражения очевидны гораздо менее, чем факт победы красных [40].

Действительно, повтор признанных большинством ученых факторов гибели белого дела не до конца проясняет проблему, которая требует дальнейшего осмысления и сегодня. Остается дискуссионным и вопрос о роли интервенции – наряду с уже отмеченными взглядами западные историки высказывают мнение об ее ошибочности и закономерном крахе (Эделман), ответственности за усиление сопротивления белых и его продление, несмотря на напряженные взаимоотношения (Т.Кэш) и др. [41].

Перспективный вклад в обсуждение узловых проблем истории гражданской войны и белого движения в нем внес известный ученый М. Левин. Он рассматривает этот период как решающий в истории советского режима и неизбежный в силу глубокой ненависти белых к буржуазно-демократической общественности, стоявшей за спиной А.Ф. Керенского. Эта точка зрения, на наш взгляд, более корректна в сравнении с упоминавшимся выше предположением П. Кенеза, о стремлении белых защитить завоевания Февраля 1917 г. – общееизвестны факты резкого неприятия кадровыми военными демократических нововведений Временного правительства, прежде всего в армии.

Следует согласиться с выводом Левина о том, что война шла не между демократизмом и авторитаризмом, а между двумя разными авторитарными политическими лагерями, создавшими большие армии. Плодотворным может оказаться предложенный им подход к изучению классов (классовый фактор войны признавали обе стороны, – верно, указывает он), национальностей, бюрократии, партий, социального состава армий, поскольку с обеих сторон имели место не чисто классовые построения, а коалиции разных сил, что и предопределило непредсказуемость войны.

В анализе причин поражения белых Левин продолжает линию, проложенную предшественниками, но дополняет ее указанием на такие аспекты, как отсутствие у белых центра при их удаленности друг от друга, что помешало взять Москву, деструктивный эффект красного террора, не позволивший белым создать резервы. Важно и замечание историка о необходимости использовать мемуары белых в качестве источника для изучения поведения разных групп населения по отношению к ним самим [42].

На современном этапе изучения истории белого движения в западной историографии сохраняется и определенное внимание к региональному аспекту проблемы. Наряду с тра-

диционным преобладанием в этом отношении тематики, связанной с событиями гражданской войны на Юге России, появились работы, о Грузии и Украине [43], Дальнем Востоке и Севере, Средней Азии [44]. Усилился исследовательский интерес к такому крупному российскому центру белого движения, как Сибирь, где, как известно, действовало официально всеми антибольшевистскими силами и союзниками признанное Временное Всероссийское правительство во главе с А.В. Колчаком.

Посвятивший свои работы гражданской войне в Сибири канадский историк Норман Г. Перейра изучал, прежде всего, сибирское областничество и вопросы государственности в регионе в 1918-1920 гг. [45]. В 1996 г. на русском языке вышла подготовленная им двумя годами ранее книга «Сибирь: политика и общество в гражданской войне» (М., 1996). В ней нашли место многие важные положения, часть из которых одновременно выдвинули и российские историки, прежде всего Н.С. Ларьков.

Автор действительно практически впервые в англоязычной литературе столь подробно, с объективистских позиций исследовал ключевые политические события 1918–1920 гг. в одном из важных центров гражданской войны. Он уделил особое внимание внутренним взаимоотношениям в белом лагере, дав сходные с уже известными по трудам советских историков оценки, в частности, по поводу провала «демократической контрреволюции» и неоднозначной роли кадетов в антибольшевистском объединении. Он также подтверждает неизбежность логики многостороннего сотрудничества в его рамках и неоспоримую роль выступления чехословаков для консолидации и расширения масштабов антисоветской борьбы.

Указывая вместе с тем на различия в целях и общую неудачу интервенции, анализируя взаимоотношения между Самарой и Омском, между областниками и все более объективно правевшим правительством Сибири, Перейра де-

лает вывод о закономерности в условиях войны и борьбы с большевизмом отказа от либерализма, демократии и областничества, в силу чего централистское положение кадетов привело к устраниению автономизма. Восторжествовали две главные цели – устранение Советов и восстановление единого государства [46].

Впрочем, эти его размышления вполне согласуются с Весьма продуктивным можно считать созданный историком анализ политического облика А.В. Колчака и его деятельности на посту Верховного Правителя – военной, государственной, общественной, причем ответ на вопрос о его истинных взглядах оставлен открытym. Тем не менее, автор обстоятельно и объективно оценивает успехи и неудачи внутренней и внешней политики адмирала, а также дает всестороннюю характеристику причин и обстоятельств изменений на Восточном фронте весной 1919 г.

Он считает, что успехи Колчака лишь маскировали фундаментальные проблемы его армии – неэффективную мобилизацию людей и ресурсов, продажность и коррупцию, дилетантский подход к принятию решений, недостаток координации, конфликты в управлении войсками. Наряду с известными преимуществами красных – их лидеров, вооруженных сил, политики, пропаганды и т.д., «самая большая ошибка Колчака заключалась не в нарушении гражданских и политических свобод или в медленном проведении экономических и социальных реформ (что, между прочим, достаточно спорно – В.Т.), а в неспособности ввести минимальные государственные стандарты на своей территории и, особенно в руководстве армией и атаманами» [47]. Пороки такого свойства были характерны и для других белых правительств.

Наибольшую новизну в книге Перейры представляют продолженные им вслед за другими западными историками [48], но уже на примере и с учетом значительного своеобразия региона размышления о поведении и настроениях крестьян-

тва на разных этапах войны. Они совпадают с охарактеризованными выше результатами научных изысканий Н.С. Ларькова и заключаются в признании значительной динамики и в настроениях и поведении сибирских крестьян, отказе от жесткой классовой привязки участия его основных групп в борьбе одной из сторон за власть.

От констатации апатии, политической пассивности большинства населения и его неведения по поводу политических баталий в центрах региона до стремления защитить свои прямые жизненные интересы через партизанщину, отнюдь не «красную» или «белую» по своей природе, современные западные и отечественные ученые приходят к выводу о глобальном противостоянии крестьянства и государства, города и деревни в войне.

Перейра, в частности, указывает, что главные участники войны представляли национальную политику разных направлений. Но ни белые, не доверявшие селу и не желавшие считаться с его интересами, ни большевики, подчеркивавшие политическую незрелость крестьян, их стихийность, нежелание или неспособность повернуться к индустриальному обществу, не вызывали доверия у мужика. То, что стихийное партизанское движение было направлено против правительства Омска, отнюдь не означало, что оно было просоветским – крестьянство олицетворяло внегосударственность и областническую узость и, в общем, приняло Советскую власть под сильным давлением [49].

Очевидно, столь важный вопрос о роли основной массы населения страны в гражданской войне и в том числе в судьбе белого дела требует дальнейшего детального изучения с учетом его реальной дифференциации, особенностей социального, экономического, демографического, психологического и других факторов.

Гораздо меньшее место в указанной работе, да и в целом в западной историографии отведено национальному вопросу

и национальной политике белых в гражданской войне. Специальные исследования на этот счет практически не проводились, и приоритет здесь явно за российскими учеными, хотя по-прежнему многие аспекты данной темы требуют нового прочтения, дополнений на основе расширяющегося круга источников и переосмыслиния всей национальной проблематики в истории России начала XX века.

Анализ доступной диссидентанту иностранной литературы по проблемам истории белого движения позволяет сделать следующие выводы. Западная историография белого движения прошла от этапа первичного изучения истории антибольшевизма в 20–30-е годы XX века на достаточно узкой источниковой основе к определенному расширению тематики и документальной оснащенности исследований в последующие 30 лет.

При этом на протяжении столь значительного периода, несмотря на наличие объективистских тенденций, доминирующим оставался некритический, предвзятый, политизированный подход к советской историографии и собственно анализу белого движения, узость источникового фундамента исследований и самой их тематики. В центре внимания западных историков находились, прежде всего, внешнеполитические аспекты гражданской войны в России, иностранная военная интервенция, а события 1918–1922 гг. рассматривались и оценивались главным образом как этап в трансформации большевизма, становлении однопартийного советского режима, складывании сталинизма. Собственно белое движение весьма редко выступало как предмет отдельного изучения, а посвященные ему работы зачастую отмечены влиянием литературы русского зарубежья.

Недостатки зарубежной историографии были как бы зеркальным отражением слабостей и пороков советской исторической науки, подтверждая объективную связь в развитии исторического знания в целом, а их взаимное отчуждение сыг-

рало негативную роль в изучении белого движения, как и многих других проблем российской и советской истории.

Конец 60-х – 70-е годы ознаменовались наступлением нового этапа в развитии методологии истории за рубежом, не в последнюю очередь, очевидно, и под влиянием изменения международной обстановки и внутриполитической жизни в СССР после XX съезда КПСС. Отступление «тоталитарной» школы, расширение круга вопросов и источников с использованием новаций социально-исторического направления дали весьма интересные и многообещающие плоды. Особенно ощутимо это стало в 80–90-е годы, когда началась интеграция научных исследований зарубежных и отечественных историков, стала обновляться и расширяться их источниковая основа.

От описания хода военных действий и прямого противопоставления красных и белых, заданности и конъюнктурности оценок исследователи приходят к признанию противоречивости, многозначности, сложности природы, идеологии, программы и практики белого движения и всей гражданской войны в целом. Все более детальным и всесторонним становится анализ социальной основы (и ее эволюции), взаимоотношений классов, слоев, демографических, национальных и других групп населения, партий, движений и организаций в рамках белого движения, причин его поражения и исторического значения.

Среди наиболее значимых результатов зарубежной историографии выделим исследование вопросов истории белого движения на Юге России, а также в Сибири и ряде других регионов, анализ идеологии белых и причин их поражения, роли интервенционистского фактора в формировании вооруженных сил, деятельности правительства белых, взаимоотношений их властных структур между собой, роли и поведения крестьянства, а также некоторых других групп населения на территориях, занятых белыми, и в целом в ходе войны. Внутренняя политика белых правительств наиболее подробно в за-

падной литературе изучена на примере Сибири и правительства Брангеля в Крыму.

Фрагментарными остаются исследования социально-экономической политики белых, всей совокупности партийно-политических отношений в их рядах, национального фактора в судьбе белого дела, организации и структуры управления, феномена регионализма в разных его проявлениях и другие. По-прежнему нет единства в определении самого понятия «белое движение».

Лишь в последние годы западные ученые получили возможность существенно расширить ранее весьма ограниченную архивную базу своих изысканий. Как и их российские коллеги, они стали полнее и объективнее учитывать взаимные творческие наработки, что, безусловно, приносит полезные и все более достоверные научные результаты. Наиболее перспективные направления дальнейшего объединенного изучения истории белого движения предлагаются в заключении настоящей монографии.

Литература

1. Rimscha H. von. Der Russische Bürgerkrieg und die Russische Emigration. 1917-1921. Jena, 1924. S.18-19.
2. Coates N.P. and Coates Z.K. Armed intervention in Russia, 1918-1922. London, 1935; Hedenstrom A. Geschichte Russlands 1878-1918. Stuttgart und Berlin, 1922; Hurwicz E. Geschichte des russischen Bürgerkrieges. Berlin, 1927; Goldschmidtt F. Sowjetrussland. Die Geschichte der Revolution von 1917 bis 1922. Köln, 1931; Goldschmidtt F. Sowjetrussland. Der Bürgerkrieg 1918-1921. Saarbrücken, 1931; Stewart G. The white armies of Russia. New York, 1933.
3. История СССР. 1969. № 6. С.202; Kenez P. Civil War in South Russia, 1918. Berkeley, 1971.P.1.
4. Chamberlin W.H. The Russian Revolution, 1917-1921.

New York, 1935. Vol.1. P.455. Vol.2. P. 1-7< 12, 15-22, 115,119-120, 153, 458.

5. Hanisch E. Geschichte Sowjetrussland 1917-1941. Freiburg, 1951; Borkenau F. Der russische Burgerkrieg 1918-1921. Von Brest-Litowsk zur NEP. Berlin, 1954; Anweiler O. Die Ratebewegung in Russland 1905-1921. Leiden-Koln, 1958; Ullman R. Intervehtion and the War. Prinseton, 1961; Holzle E. Die Revolution der zweigeteilten Welt. Eine Geschichte der Macht 1905-1929. Hamburg, 1962; Fleming P. The Fate of admiral Kolchak. New York, 1963; Daniels R.V. The Conscience of the Revolution. Cambridge, 1965.

6. Rauch G. von. Geschichte der Sowjetunion. Stuttgart, 1969. S.85-90, 91, 138.

7. Hanisch E. S. 24; Fleming P. P.112, 88, 107, 130-132,150; Brinkley G. The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia. 1917-1921. University of Notre Dam Press, 1966. P.292; Strom C.-G. Vom Zarenreich zur Sowjetmacht. Russland 1917 bis 1967. Dusseldorf-Koln, 1967. S. 22.

8. Propylaen Weltgeschichte. Eine Universalgeschichte. B. N. Berlin – Fr. Am Main – Wien, 1960. S.172; Footman D. Civil War in Russia. London, 1961. P. 197, 303-304; Clarkson J. A History of Russia. New York, 1961. P.529, 501; Ruffman K.OH. Sowjetrussland. Struktur und Entfaltung einer Weltmacht. Munchen, 1969. S.48, 194.

9. Morley J.W. The Japanese Thrust into Siberia, 1918. New York, 1957; Bradley J.F.N. Allied Intervention in Russia. London, 1968; Ullman R.H. Britain and the Russian Civil War. Princeton, 1968; Unterberger B.M. American Intervention in the Siberian Civil War. Boston, 1969; Whote J.A. The Siberian Intervention. New York, 1969; MacLaren R. Canadians in Russia, 1918-1919. Toronto, 1976; Carley M.J. Revolution and Intervention: The French Goverment and The Russian civil War 1917-1919. Montreal, 1983; Kettle M. The Road To Intervention March-November 1918. New York, 1988.

10. Hoagh J.F. The Soviet Union and Social Science Theory. Cambridge,1977.P.12; Schramm G. Interpretation und Kontroversen

// Handbuch der Geschichte Russlands. Bd.3. Stuttgart, 1982. Fg.7-8. S. 621.

11. Civil War in the Twentieth Century. Ed. By R. Higham. Lexington, 1972. P. 80.

12. Rosenberg W. A. Denikin and the Antibolshevik Movement in South Russia. Amherst Mass., 1961; Arloy G. The Involvement of Peasant in Internal Wars. Princeton, New Jersey, 1966; Rietsch W. Revolution und Staat: Institutionen als Träger der Macht in Sowjetrussland, 1917-1922. Köln, 1969.

13. Silverlight G. The Victors Dilemma. Allied Intervention in the Russian Civil War. 1917-1920. New York, 1970; Thunig-Nittner G. Die tschechoslowakische Legion in Russland. Niesbaden, 1970; Kenez P. Civil War in South Russia, 1918. Berkeley, 1971; Kenez P. Civil War in South Russia, 1919-1920. Berkeley, 1976; Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing society: Russia 1910-1925. Oxford, 1972; Brugmann U. Die russischen Gewerkschaften in Revolution und Bürgerkrieg, 1917-1919. Frankfurt am Main, 1972; Radkey O. The Unknown Civil War in Soviet Russia. Hoover UP. 1976; Bredley J.F.N. Civil War in Russia, 1917-1920. New York, 1975; Smith C.F. Vladivostok under Red and White Rule. Revolution and Counterrevolution in the Russian Far East. 1920-1922. Seattle, 1975; Smith C.F. Atamanshina in the Russian Far East // Russian History. 1979. Vol.6. No. 1.

14. Bredley J.F.N. Civil War in Russia., P.9; Гапоненко Л.С., Сахаров А.Н., Соболев Г.Л. Великий Октябрь и его современные буржуазные критики // Вопросы истории. 1969. № 1. С.3; Soviet Studies. 1964. Vol. 16. № 1. P.63.

15. Shanin T. The Awkward Class.; Radkey O. The Unknown Civil War...P. 189-190.

16. См., например, о книге Р. Лаккетта «Белые генералы» (Лондон, 1971): Slavic Review. 1989. Vol. 48/ P. 304-305.

17. Цит. по: Блинкин Я.А. Издания Гуверовского института войны, революции и мира // Вопросы истории. 1978. № 10. С.194-195.

18. Наумов В.П., Косаковский А.А. История гражданской войны и интервенции в СССР (Современная буржуазная историография). М., 1976. С.5; Luckett R. The White Generals: An Account of the White Movement and Civil War in Russia. London, 1971. Р.ХVII, 173, 386.
19. Кенез П. Идеология белого движения // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994; Его же. Идеология белого движения // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994; Его же. The Ideology of the White Movement // Soviet Studies. 1980. Vol. 32. Jan. P. 58-63.
20. Kenez P. The First Year of the Volunteer Army: Civil War in South Russia, 1918. Lohdon, 1971. P.2; Rtntz P. Civil War in South Russia, 1918. Los-Angeles, 1971. P. 13.
21. Bredley J.F.N. Civil War in Russia, 1917-1920. P. 40.
22. Ibid. P. 10.
23. Поликарпов В.Д. Начальный этап гражданской войны (История изучения). М., 1980. С. 357-365.
24. Bredley J.F.N. Civil War... P. 94-94, 101-109, 116, 180-184.
25. Романовский Н.В. Современная буржуазная историография Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории. 1978. № 10. С. 124.
26. Фитцпатрик Ш. Гражданская война в советской истории: западная историография и интерпретации // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 344-346; Бровкин В.Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 24.
27. Fltrichter H. Staat und Revolution in Sowjetland, 1917-1922/23. Darmstadt, 1981; Handbuch der Geschichte Russlands // Hrsg. M. Hellmann et al. Stuttgart, 1983. Bd.3: 1856-1945: Von den autokratischen Reformen zum Sowjetstaat. Hbd.1; Scheibert P. Lenin an der Macht: Das russische Volk in der Revolution, 1918-1922. Weinheim, 1985; Mawdsley E. The Russian Civil War. Boston, 1987; Haimson L. The Problem of Social Identities in Early Twentieth Century Russia // Slavic Review. Vol. 47 (1988).

28. Fitzpatrik Sh. *The Civil War as a Formative Experience // Bolshevik Culture. Experiment and Order in the Russian Revolution*. Bloomington, 1985. P.74. См. также ее работу: *The Russian Revolution*. New York, 1989.
29. Malia M. *The Soviet Tragedy. A History of Socialism in Russia, 1917-1991*. New York, Toronto, 1994. P. 113.
30. Lincoln B. *Red victory: A History of the Russian civil war*. New York, 1989.
31. Рощ Н. Врангель в Крыму. Франкфурт на Майне, 1982. С. 6-8, 12, 45-51, 139-141, 187-189, 328.
32. Пайпс Р. *Русская революция*. Ч.2. М., 1994. С. 483, 509, 351-352. Книга вышла в Нью-Йорке в 1990 г.
33. Иоффе Г.З. Рецензия на книгу Н.И.О. Перейра «Белая Сибирь. Политика гражданской войны» // *Отечественная история*. 1997. № 3. С. 209.
34. История СССР. 1990. № 2. С. 97.
35. Гайер Д. Проблемы и перспективы сотрудничества историков Советского Союза и ФРГ // История СССР. 1990. № 2. С. 207-210.
36. Brovkin V.N. *The Mensheviks after October. Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship*. Itaca, New York, 1988; *Identity, Allegiance and Participation in the Russian Civil War // European History*. 1992. Vol. 22. No. 4.
37. Бровкин В.Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // *Вопросы истории*. 1994. № 5. С. 24-39.
38. Бровкин В.Н. Указ. раб. С. 25-28,29-30.
39. Хильдермайер М. Цена победы: гражданская война и ее последствия // *Гражданская война в России: перекресток мнений*. М., 1994. С. 308-311.
40. Эделман Дж. Историческое значение гражданской войны // Там же. С. 364-365, 367.
41. Там же. С. 366; Т. Кэш. Русская гражданская война и интервенция союзников // Там же. С. 245, 248.
42. Левин М. Гражданская война: динамика и наследие

// Там же. С. 252-267. См. также его работы: More Than One Piece is Missing from the Puzzle // Slavic Review/ Vol. 44 (1985); The Civil War: Dynamic and Legasy // Party, State, and Society in Russian Civil War. Exploration in Social History. Bloomington, Indianapolis. 1989.

43. Suny R.G. The Making of the Georgian Nation. Bloomington, 1988; Суни Р.Г. Социал-демократы у власти: Меньшевистская Грузия и русская гражданская война // Гражданская война в России... С. 215-244; Его же. Национализм и демократизация в русской революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб, 1994. С. 278-291; Грациози А. Большевики и крестьяне на Украине, 1918-1919 годы. Очерк о большевизмах, национал-социализмах и крестьянских движениях. М., 1997. Об истории региональной «демократической контрреволюции» см.: Berk S. M. The Democratic Countrrevolution: Komuch and the Civil War on the Volga // Canadian-American Slavic Studies. 1973. Vol.7. No.4. P.443-459; D.R. Raleigh. Revolution on the Volga. Ithaca, New York. 1986.

44. Smith C.F. Vladivostok under Red and White Rule. Revolution and Countrrevolution in the Russian Far East. 1920-1922. Seattle. 1975; Kotsonis Y. Arkhangelsk, 18: Regionalism and Populism in the Russian Civil War // The Russian Review. Kctober. 1992. Vol.51; Bobrick B. East of the Sun. New York. 1992; Spence R.B. White Against Red in Uriankhai: Revolution and Civil War on Russia Asiatic Frontier, 1918-1921 // Revolutionary Russia. 1993. Vol.6. No.1; Stephan John. The Russian Far East. A History. Stanford. 1994; Buttino M. Ethnicite et politique dans la guerre civile: a propos du basmachevstvo au Fergana // Cahiers Du Monde Russe. Vol.38 (1-2), janvier – juin 1997.

45. Переира Н. Областничество и государственность в Сибири во время гражданской войны // Гражданская война в России... С. 201-214. См. также его работу: Soviet Historiography of the Civil War in Siberia // Revolutionary Russia. 1991. № 1. P. 38-51.

46. Переи́ра Н.Г.О. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996. С. 51-54, 57, 63-69, 76, 81.
47. Там же. С. 93-98, 107-121, 124.
48. Alroy G.C. *The Involvement of Peasent in Internal Wars*. Princeton. 1966; Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России 1918-1921 гг. *Ierusalem*, 1987; Figes O. *Peasant Russia, Civil War. The Volga Countryside in Revolution (1917-1920)*. Oxford, 1989; Бровкин В. Указ. раб; Левин М. Указ. раб.
49. Переи́ра Н. Указ. раб. С. 125, 135, 139, 147.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Девяностолетний опыт изучения истории белого движения в отечественной и зарубежной историографии закономерно отражает общие тенденции и особенности развития исторической науки, ее место и роль в обществе и в то же время является самоценным результатом сложного и противоречивого формирования конкретного историографического направления. Его итоги необходимо рассматривать в совокупности процесса движения исторической мысли от одного хронологического этапа к другому и от постановки той или иной проблемы к ее решению.

Исходя из этого, прежде всего, следует указать, что отечественная историография истории белого движения прошла в своем развитии в основном те же этапы, что вся наша историческая наука в целом. Однако в этой периодизации применительно к изучаемой теме автор считает необходимым рассматривать достаточно протяженный по времени этап с конца 20-х до середины 80-х годов как целостный в своей основе, базирующийся на единой в сущности методологии. Такой подход, разумеется, не исключает, а, наоборот, предполагает дифференциацию внутренней эволюции в развитии исторического знания о белом движении, и определялась она в первую очередь политической ситуацией в стране.

Последнее двадцатилетие развитие отечественной исторической науки, в общем, также имеет единую направленность. Однако политический рубеж 1991 года, безусловно, имел для нее кардинальное значение. С распадом вели-

кой державы советская наука стала явлением прошлого, для историков России и других бывших советских республик по объективным причинам крайне сузились возможности взаимных творческих контактов и сотрудничества, что негативно сказывается на их работе. Вместе с тем у них стали гораздо более активными разные формы взаимодействия с западными учеными, и этот процесс в целом является позитивным. От первоначального взаимного увлечения и определенного преувеличения продуктивности наработок друг друга это взаимодействие переходит к более конструктивной фазе.

Вполне обосновано, таким образом, отдельное рассмотрение процесса изучения истории белого движения с конца 1991 – начала 1992 гг. до настоящего времени в рамках уже российской историографии. Можно констатировать нарастание в 90-е годы исследовательского интереса к теме и выделение ее в самостоятельный предмет научного знания, в то же время неотрывно связанный с общей проблемой истории гражданской войны. Здесь важно отметить, что такая органическая связь только на современном этапе постепенно, не без противоречий и очевидных крайностей, наполняется качественно новым содержанием – осознанием диалектического единства противоположностей, необходимости изучать обе стороны гражданского противостояния 1917–1922 годов как равноправные и равноценные для объективного научного знания величины.

Что касается периодизации зарубежной историографии белого движения, то она также имеет своеобразие. Литература русского зарубежья ограничивается, в основном ее массиве, 20 – концом 40-х годов XX века, когда российская эмиграция проявляла себя как относительно устойчивая и политически достаточно активная общность. Да и творческий потенциал ее мемуаристов и историков объективно мог реализоваться именно в этот промежуток времени. Внутри него можно отметить, что нарастание угрозы фашизма и его утверждение в ряде государств сказалось на исторических взглядах той час-

ти пишущей эмиграции, которая не оставляла антисоветскую политическую деятельность и в преддверии второй мировой войны так или иначе рассчитывала на некий реванш и поддержку со стороны наиболее очевидных противников СССР – Германии и Японии.

В развитии исследований западных историков, занимавшихся белым движением, в основном в рамках общих проблем, связанных с историей революции и гражданской войны в России, также явственно выделяются два крупных периода, рубежом между которыми служат 60–70-е годы XX века. Они отличаются друг от друга сменой доминирующей в историографии советской истории концепции – от так называемого «тоталитарного» подхода, пронизанного политической психологией «холодной войны» в отношениях Запада с СССР, к модернистскому, объективистскому анализу всего комплекса вопросов истории России и Советского Союза, в том числе белого движения. Характерно усиление во второй период позиций представителей школы социальной истории, при сохранении и других методологических направлений – основанного на прежних стереотипах и догмах, а также марксистского, цивилизационного и других. Впрочем, методологический плюрализм сегодня становится характерной чертой и отечественной исторической науки.

Становление проблематики белого движения относится к 20-м годам XX века. В советской историографии этого периода сохранялась относительная мировоззренческая и творческая свобода, при нарастании к концу десятилетия политического давления и контроля за наукой. Историки тех лет заложили основы формирования и изучения источниковой основы проблемы, несмотря на объективные трудности создания архивного и документального фонда по истории революции и гражданской войны в целом. Их публикации не потеряли своей научной ценности до настоящего времени.

Временная близость, политическая острота и злободневность событий и последствий войны отразились на тематичес-

ких предпочтениях, содержании и оценках основных вопросов недавней истории белого движения. Преимущество отдавалось военной и политической тематике, причем эти и все другие сюжеты рассматривались с позиций классового подхода. Наиболее объективно, пожалуй, освещалась военная сторона деятельности белых, их взаимоотношения с интервентами, роль казачества в составе белого движения, с учетом региональной и социально-классовой специфики этой общности, ее отношений с другими слоями населения, некоторые эпизоды истории антисоветских правительств, эволюции настроений крестьянства и национальных масс отдельных регионов, контролировавшихся белыми.

В начале 20-х годов, когда сохранялась возможность деятельности социалистических партий, их представители внесли свой вклад в первоначальное осмысление проблемы «третьего пути» в гражданской войне и воссоздание истории «демократической контрреволюции». Наряду с оправданием своей позиции в их работах содержался также вывод об ошибочности альянса с антисоциалистическими силами, об объективных трудностях становления демократических форм политической жизни в России. Представители же большевистского направления направили усилия на идеологическое обоснование курса РКП(б) на окончательный разгром своих социалистических оппонентов. Именно эта установка определила оценку участия меньшевиков и эсеров в антибольшевистской борьбе как контрреволюционного, антинародного, беспочвенного и закономерно обреченного на провал.

В 20-е годы XX века отечественные ученые и публицисты наметили основной круг проблем изучения истории белого движения – программа, идеология, социальный и партийно-политический состав белых, деятельность основных вооруженных формирований и государственных структур (прежде всего Добровольческой армии и армии Колчака, а также Комуча), роль интервенционистского фактора в судьбе белого дела,

его военная история и причины поражения. Наряду с созданием обобщающих трудов по истории гражданской войны, в которых эти вопросы заняли определенное место, в ряде специальных исследований обосновывалось, что смысл программы белого движения сводился к реставрации монархического строя и частной собственности, господства эксплуататорских классов и возрождению социального неравенства, то есть имел однозначно контрреволюционный и антинародный характер. Это предопределило и оценку идеологии белых как реакционной и шовинистической, а их практической деятельности как воплощения на практике интересов буржуазии и помещиков во всех сферах – государственного строя, управления, экономики, социального развития, культуры и др.

Соответственно в состав белого движения были включены представители свергнутых классов, верхов царской армии и бюрократии, привилегированной и подкупленной капиталом части интеллигенции. Ведущая роль в оформлении идеологии белого дела отводилась партии кадетов, а эсеры и меньшевики выступали как пособники контрреволюции. Участие народных масс – крестьянства, казачества, нерусских народов – в антисоветской борьбе объяснялось субъективными обстоятельствами, хотя в этом отношении в 20-е годы XX века присутствовали и трезвые оценки сложного процесса эволюции массовых настроений и политических симпатий. В оценке причин поражения белого движения основной упор делался на его антинародный характер и соответственно историческую закономерность, предопределенность краха.

Большинство вопросов истории белого движения было рассмотрено в общей форме, лишь намечались дефиниции в изучении локальных очагов антибольшевистской борьбы, динамики идеологии, социальной природы и партийной политики противоположного лагеря, трезвой характеристики роли его лидеров. Политизация исторического знания отличала, впрочем, и зарубежную историографию – как эмигрантскую,

так и западную. Однако по ряду вопросов литература русского зарубежья уже в эти годы продвинулась вперед в освещении проблемы.

Это следует отнести к восстановлению военной истории и периодизации белого движения, анализу социальной психологии офицерства как ядра белого движения, освещению формирования и деятельности антисоветских организаций и роли отдельных партий и общественных деятелей в них, а также ряда вооруженных формирований и казачества в войне. Эмигрантская историография, наряду с явно тенденциозными и оправдательными работами, содержит достаточно взвешенные, критические оценки причин поражения белых и роли интервенционистского фактора в их судьбе, а также анализ наиболее крупных трудов и воспоминаний по теме. Важное значение имеют мемуары и исследования, раскрывающие внутреннюю жизнь белых армий и правительства, структуру и механизм управления на занятых ими территориях, отношения с населением, общественными организациями и политическими партиями и движениями, интервентами, разные направления внутренней политики белых. Ценным вкладом русского зарубежья в историографию белого движения является масштабная публикаторская деятельность, существенно расширившая документальную основу изучения темы.

Однако эта ветвь историографии белого движения была пронизана классовым подходом, значительной долей субъективизма, некритического осмысления недавнего прошлого, обернувшегося трагической потерей родины, прежнего статуса, материального и политического положения, уклада жизни и всего, что определяло вековые устои российского социума. В связи с этим некорректными можно считать содержащиеся в эмигрантской литературе оценки программы и идеологии белого движения как отвечавшей объективным потребностям общества (монархизм, шовинизм, православие, непредрешенчество, союз с интервентами).

Политическая заданность преобладала и в исследованиях западных историков гражданской войны и белого движения. Основное внимание они сосредоточили на оправдании интервенции в Россию в 1918-1920 гг. и создании обобщающих работ по истории революции, гражданской войны и более крупных периодов советской истории, пытаясь в событиях 1917-1922 гг. найти корни становления однопартийного режима и его трансформации в последующем.

Конец 20-х годов XX века ознаменовался в советской историографии явным регрессом в изучении истории белого движения, сохранившимся вплоть до второй половины 50-х годов. Резко сократилась источниковая основа исследований, сама тема получала только косвенное отражение в исторической литературе. Многие важнейшие события, факты, персонажи исчезли из истории гражданской войны под влиянием культа личности И.В. Сталина, извращенное толкование получил целый ряд основополагающих сюжетов. Творческие наработки историков 20-х годов XX века были вычеркнуты из арсенала науки, а их авторы отстранены от работы или репрессированы. Все это удручающее сказалось на состоянии изучения темы.

После XX съезда КПСС произошел поворот в развитии исторической науки, как и советского общества, в целом: более доступными стали архивные источники и документы, восстанавливавшаяся объективная картина многих событий гражданской войны и роли в них видных советских деятелей, получила признание необходимость исследования контрреволюционного лагеря. Однако методология изучения белого движения, основанная на классовой парадигме, сохранилась и предопределяла оценку всех его сторон. В этом смысле продвижение наметилось главным образом с точки зрения фактологии.

Более серьезные сдвиги, несмотря на достаточно сложные условия развития науки, произошли в 60 – первой половине 80-х годов XX века. Господство охранительной идеологии и

приоритет тематики, связанной с историей КПСС, безусловно, предопределяли направленность, выводы и оценки всего, что касалось истории противников советского строя и большевизма, которым изначально было, как и в предыдущие годы, отказано в патриотизме и праве на свое видение путей возрождения России. Однако в эти годы ученые сделали немало для воссоздания конкретно-исторической картины партийно-политической борьбы в России в годы революции и гражданской войны, изучения деятельности и роли партий кадетов, эсеров, меньшевиков в составе антибольшевистского движения, таких государственных образований, как Комуч, Директория, Временное Сибирское правительство и правительство А.В. Колчака. Сохраняя приверженность официальной доктрине, не изменившей классового подхода и однозначно негативной трактовки всей истории контрреволюции, они в то же время на ряде новых материалов показали, как создавались ее основные центры, происходил переход от альянса с умеренными социалистами к утверждению военных диктатур и обосновали закономерность данного процесса, осветили в связи с этим изменение роли партий в белом движении.

Характеристика программы, идеологии, деятельности, состава, причин поражения антибольшевистских сил не изменилась и в этот период в ее основополагающих моментах. Собственно военная история белого движения также специально практически не рассматривалась, как и его периодизация. Мало внимания уделялось социально-экономической, национальной, культурной политике белых, мало проявлялся дифференцированный подход в оценке разных антисоветских правительств и их конкретной политики. Явно недостаточно и необъективно освещались биографии лидеров и участников белого движения. Основные архивные фонды и другие источники по истории белого дела оставались на секретном хранении.

Впрочем, ограниченность источниковой базы исследований была характерна и для зарубежной историографии,

опиравшейся на эмигрантские издания и архивы, созданные главным образом на основе личных собраний деятелей и организаций антисоветского лагеря. Но именно это позволило сторонникам социально-исторической школы приступить к более глубокому изучению идеологии белого движения, взаимоотношений его лидеров, созданию их биографий, анализу настроений и поведения крестьянства на разных этапах войны, феномена казачьего и территориального регионализма в составе антибольшевистских сил и в целом в войне. Наибольшее внимание было привлечено при этом к истории белых на Юге России. Это объяснялось как объективно их главной ролью в возникновении и судьбе белого дела, так и наличием источников.

Качественные изменения в изучении советскими учеными белого движения начались во второй половине 80-х годов. Кризисное состояние исторической науки коренилось в пороках методологии, нарушениях базовых принципов объективности и историзма исследований, некритической приверженности упрощенному, схематическому и недостоверному толкованию марксистской доктрины и приоритету классового подхода в осмыслении исторических явлений и событий. Именно поэтому, несмотря на стремительное увеличение числа доступных источников – открывавшихся фондов государственных и партийных, а также личных архивов, редких изданий и периодической печати, трудов зарубежных авторов, в том числе эмигрантских, поиск нового видения проблем истории гражданской войны и белого движения был трудным и противоречивым.

Первоначально на первый план вышли политизированные, субъективистские, с точностью до наоборот переоценивающие белое дело суждения. Романтизация и идеализация прежде разоблачившихся и только негативно освещавшихся событий, идей и героев, некритическое использование новых источников, работ эмигрантских и западных историков меша-

ли вдумчивому научному анализу актуальных вопросов истории белого движения, приводили к очередной мифологизации массового исторического сознания.

Вместе с тем в конце 80-х годов XX века начали появляться серьезные научные работы, посвященные локальным очагам контрреволюции (прежде всего Югу и Востоку России), отдельным сюжетам и персоналиям, таким проблемам, как начало и эскалация гражданской войны и роль в ее развязывании белых и красных, красный и белый террор, социальный и образовательный статус ядра белого движения – офицеров, роль внешнеполитического фактора в судьбе белых. В начале 90-х годов создаются первые крупные монографические исследования и кандидатские диссертации непосредственно по истории белого движения. Несмотря на переходный характер их концептуальных основ, они свидетельствовали о выделении нового предмета исторической науки и постепенном преодолении изъянов предшествующей историографии.

Эта тенденция получила закрепление в конце XX – начале XXI веков. Происходит дальнейшее увеличение массива доступных источников, развитие публикаторской деятельности и научных исследований истории белого движения не только в столичных центрах, но на базе региональных университетов и творческих научных коллективов, прежде всего в Сибири, на Северном Кавказе и в Поволжье, а также на Севере. Закрепляется и становится все более разнообразной практика сотрудничества российских и западных историков, что, к сожалению, нельзя сказать о контактах ученых бывших советских республик.

В результате можно считать состоявшимся фактом выделение истории белого движения в достаточно самостоятельный предмет исторической науки в России и нарастание интеграции научного знания по этой проблеме, как и в целом по многим другим направлениям изучения российской и советской истории. Наряду с сохраняющейся пестротой и неравно-

ценностью, идеологической и политической пристрастностью определенной части работ все более прочно утверждается объективный научный анализ белого движения. Одно из главных достижений состоит при этом в переломе в сознании исследователей, переходе к спокойному, глубокому изучению белого дела как важной неотъемлемой части нашей истории.

Это обусловило изменение ракурса изучения уже не новых для историографии проблем и выдвижение свежих подходов и тем. Среди них следует выделить все более полное воссоздание конкретно-исторической картины развития белого движения на Юге России, в Сибири и на Севере, деятельности основных антисоветских правительств, создание научных биографий основных вождей белого дела. Заслугой современных российских историков можно считать усиление внимания к таким важным направлениям внутренней политики белых, как национальная, социально-экономическая, аграрная, а также к проблемам взаимоотношений и роли военных лидеров и политических деятелей в белом лагере, роли казачества в нем. Непредвзятый подход укрепляется и в оценке внешней политики белых и роли интервенционистского фактора, военных достижений и неудач белых армий и попыток их руководства, а также правительственные структуры найти действенную альтернативу большевистской модели возрождения России.

Наибольшее единодушие достигнуто в отношении признания закономерности краха попыток умеренных социалистов обосновать «третий путь», причем в этом направлении происходит более углубленное изучение механизмов партийно-политических и межличностных взаимоотношений в антибольшевистском лагере и его эволюции от демократических проектов к централизации власти и управления, утверждению диктатуры как объективно необходимой в условиях войны и пересмотру подходов к решению крестьянского, рабочего, национального и других вопросов. Нет больших разнотечений и в анализе причин поражения белого движения.

Историки все больше утверждаются в необходимости отказаться от поиска прямолинейного ответа на вопрос о виновнике развязывания и крайней ожесточенности гражданской войны, признавая вместе с тем, что, несомненно, отягощающую роль в этом сыграло соединение сил антибольшевизма с интервентами. Все более конкретным содержанием наполняется осмысление неоднозначной судьбы казачества в белом движении, автономистских и регионалистских проектов национально-государственного переустройства страны, причин невостребованности демократического потенциала идеологов белых, их администраторов, экономистов, военных.

Однако особенную сложность для современной историографии белого движения представляют основные вопросы – программа, идеология, определение самого понятия «белое движение», его периодизация. В этом отношении следует сказать, что определение сущности белого движения, очевидно, необходимо давать на основе всестороннего анализа процесса складывания и изменения его социально-политической основы, что и предпринимают историки на примере наиболее крупных центров белых. Это позволит выбрать работающие критерии и понятийный аппарат для оценки белого движения как достаточно самостоятельного в рамках войны явления.

Относительно периодизации истории белого дела наиболее предпочтительным представляется предложенные академиками П.В. Волобуевым и А.Ю. Поляковым, профессором В.П. Наумовым подходы – учет внутренней динамики белой борьбы, ее неразрывная связь с основными этапами самой гражданской войны и особенно хода военных действий, изменение масштабов социальной поддержки на каждом из них. Очевидно, отдельно надо рассматривать историю белой эмиграции, и это подтверждается известными работами советских и российских историков Л.К. Шкаренкова, В.В. Костикова и самой литературой русского зарубежья. Такой же поэтапный

подход, возможно, даст полезные результаты и при анализе идеологической доктрины белого движения.

Наиболее перспективными и требующими углубленной разработки вопросами истории белого движения можно считать следующие:

– динамика взаимоотношений армии и власти, власти и разных социальных групп и слоев общества на территории, занятой антисоветскими силами. Прежде всего, это относится к крестьянству и национальным движениям;

– механизмы государственного управления, формы местного самоуправления, отношение к проблеме территориальной, в т.ч. областной, национально-культурной автономии и форме государственного устройства России, значение этих сторон политики белых правительств для судьбы белого дела;

– соотношение и роль диктатуры и демократии, административных, насилистенных и рыночных, правовых средств политики белых в сфере регулирования хозяйственной жизни, финансов, кредита, торговли, транспорта, социальной жизни населения на подчиненной им территории; сюда же относится вопрос о белом терроре;

– полное восстановление военной истории белых, научных биографий героев и участников белого движения; изучение идейных, политических, социально-психологических факторов мотивации поведения и деятельности офицерства как ядра движения и других его составляющих групп – интеллигенции, чиновничества, казачества, рабочих и крестьян, национальных групп и организаций;

– механизмы эволюции идеологии и программных положений белого движения на примере отдельных наиболее крупных центров, закономерного усиления консервативных, централизаторских, охранительных и шовинистических начал в них с учетом изменения партийно-политических взаимоотношений внутри антибольшевистских сил;

– положение и роль конфессий, развитие просвещения,

науки, литературы и искусства, условия жизни и история повседневности в белом стане;

– история белого движения в эмиграции, экономические, политические, психологические, демографические итоги и последствия самой войны и белого движения как ее важнейшей части.

Назревшую необходимость создания на базе современных научных достижений обобщающего труда по истории гражданской войны может реализовать созданный под руководством академика Ю.А. Полякова творческий коллектив, а также другие научные группы и центры.

Требует дальнейшего распространения и развития публикаторская деятельность, повышение качества научной подготовки таких изданий, источниковедческого анализа расширяющегося архивного, документального фонда истории белого движения, координация усилий ученых и издателей в этом направлении как внутри России, так и на международном уровне. Несомненную пользу принесло бы издание современной библиографии истории гражданской войны и белого движения в том числе.

Практика международного сотрудничества специалистов по истории гражданской войны и белого движения также нуждается в дальнейшем совершенствовании. Необходимо возобновить прерванные контакты и творческое содружество ученых бывших советских республик. На государственном уровне требуется решить проблему расширения и обновления ведущих библиотечных фондов страны, организационной и финансовой поддержки перспективных научных проектов и групп, исключение элементов случайности и конъюнктуры в этом важном деле.

Указанные направления дальнейшего развития научных исследований по истории белого движения необходимо проводить комплексно, на основе признания сложной и противоречивой взаимосвязи и взаимовлияния противоборствовавших

в гражданской войне сторон, используя синхронистический, сравнительный, типологический, историко-генетический подходы. Важно сохранить и развить утверждающийся методологический плюрализм, творческую свободу научного поиска. Овладение лучшими результатами работы представителей разных теоретических школ, методами смежных гуманитарных дисциплин, позволит преодолеть известную ограниченность в тематике, содержании, формах и жанрах исторических исследований, обеспечить, в конечном счете, воссоздание объективной, целостной истории белого движения как органической составляющей истории России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Документальные публикации

1. Белый архив: Сб. материалов по истории и литературе войны, революции, большевизма, белого движения и т.п. / Под ред. Я.М. Лисового. Т.1. – 223 с. Т.2-3. – 345 с. Париж, 1926-1928.
2. Белый Север. 1918-1920 гг. Мемуары и документы. Вып. I – 415 с. Вып. II. – 494 с. Архангельск: Аргус, 1993.
3. Борьба за Казань. Сб. материалов о чехо-учредиловской интервенции в 1918 г. № 1. Казань, 1924. – 256 с.
4. Борьба с калединщиной (По документам белых). Декабрь 1917 г. и январь 1918 г. Таганрог, 1929. – 31 с.
5. Временное правительство автономной Сибири. // Красный архив. 1928. Т.4. С.86-138.
6. Ган А. Россия и большевизм. Материалы по истории революции и борьбы с большевизмом. Ч.1. 1914-1920. Шанхай, 1921. – 356 с.
7. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. Сост. В.М. Зензинов. Сб. док. Париж, 1919. – 193 с.
8. Из истории гражданской войны в СССР. В 3 т. М.: Сов. Россия, 1960-1961.
9. Из истории Ярославского белогвардейского мятежа в Ярославле в 1918 г. Ярославль, 1939.
10. Из переписки В.А. Маклакова с Национальным центром. Предисл. М. Покровского // Красный архив. Исторический журнал. 1929. № 5 (36). С. 3-30.

11. Инструкция по составлению хроники Октябрьской революции и гражданской войны // Пролетарская революция. 1928. № 2. С. 208-121.
12. К истории разгрома вооруженных сил Колчака // Красный архив. 1931. Т.6. С. 55-91.
13. К истории Яссского совещания. Предисл. А. Гуковского // Красный архив. Исторический журнал. 1926.; 5(18). С. 105-118.
14. Колчаковщина. Самара, 1932.
15. Колчаковщина на Урале. Подг. А. Таняев. Свердловск, 1929.
16. Конституция Уфимской дирекtorии. Акт об образовании всероссийской верховной власти 26/8 – 10/23 сентября 1918 г. // Архив русской революции. Т.XII. Берлин, 1923. С. 189-193.
17. Красная книга ВЧК. Т.1, 2. М.: Политиздат, 1989.
18. Крымское краевое правительство в 1918-1919 гг. // Красный архив. 1927. Т.3 (22). С. 92-152.
19. Маклаков В.А., Бахметев Б.А. «Окунуться в Россию»: Переписка политических деятелей. Публ. писем 1919-1920 гг. // Отечественная история. 1996. № 2. С. 141-165.
20. Маргулиес В. Огненные годы. Материалы и документы по истории гражданской войны на Юге России. Берлин: Манфред, 1923. – 322 с.
21. Образование Северо-Западного правительства. Объяснения В.Д. Кузьмина-Караваева, А.В. Карташева, М.Н. Суворова. Сентябрь 1919 г. Гельсингфорс, 1919. – 48 с.
22. Переговоры о сдаче власти Омским правительством политическому центру в присутствии Высших комиссаров и Высшего командования союзных держав. Иркутск. Январь 1920. Харбин, 1920. – 66 с.
23. Пионтковский С.А. Гражданская война в России (1918-1921 гг.). Хрестоматия. М.: Комм. ун-т им. Я.М. Свердлова, 1925. – 708 с.

24. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М.:РОССПЭН, 1995. – 464 с.
25. Развал колчаковщины (Из дневника В.Н. Пепеляева) // Красный архив. Исторический журнал. 1928. № 6(31). С.51-80.
26. Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. Сб. док. М.: ИРИ РАН, 1995. – 442 с.
27. Сибирский архив. Ред. И.А. Якушев. Т.1-4. Прага: Об-во сибиряков в ЧСР, 1929-1932.
28. Уфимское государственное совещание // Русский исторический архив. 1929. № 1. С. 57-280.
29. Уфимское государственное совещание и Временное Сибирское правительство // Красный архив. 1933. Т.6. С. 58-81.
30. Шестнадцать дней. Материалы по истории Ярославского мятежа. Ярославль, 1922.

II. Историографические труды

1. Авдеев Н. Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке. Пг, 1923 // Пролетарская революция. 1923. № 6-7 (18-19). С. 302-315.
2. Алексашенко А.П. Советская историография разгрома деникинщины // Военно-исторический журнал. 1966. № 1. С. 80-89.
3. Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука в России (1917 – 1923 гг.). М.: Наука, 1968. – 299 с.
4. Балкова В.Г. Деятельность Истпарта и формирование концепции истории гражданской войны // Уч. записки Росс. тамож. академии. Вып.1. 1996. С. 73-78.
5. Блюмкин Я. Вокруг неотложной задачи // Военный вестник. 1923. № 7. С. 48-50.
6. Василевский И.М. Генерал А.И. Деникин и его мемуары. Берлин: Накануне, 1924. – 176 с.
7. Великий Октябрь и гражданская война в России: проблемы историографии, источниковедения, археографии. Межвуз. Сб. науч. тр. Калинин, 1987. – 160 с.
8. Венцов С. Неотложная задача // Военный вестник. 1923. № 3. С. 16.

9. Волков Г. Слово «генерала барона Врангеля» // Большевик. 1927. № 6. С. 118-122.
10. Гуковский А. Обзор белоэмигрантской литературы по гражданской войне за 1928 год // Историк-марксист. Т.11. М., 1929. С. 266-270.
11. Гуковский А. Об изучении истории гражданской войны 1917-1921 гг. // Книга и оборона СССР. 1930. № 3-4. С. 3-5.
12. Данилов И. За большевистскую историю гражданской войны // Знамя. 1933. С. 122-123. № 6.
13. За большевистскую разработку истории гражданской войны // Борьба классов. 1932. № 6. С. 1-7.
14. Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М.: Высш. школа, 1987. – 160 с.
15. Зевелев А.И. Историография Советского Туркестана (Историография и источники по истории гражданской войны в Туркестане). Ташкент: Узбекистан, 1968. – 278 с.
16. Зекцер А.В. Оболенский. Крым при Врангеле. Мемуары белогвардейца. М.-Л.,1927 // Пролетарская революция. 1928. № 1 (72). С. 185-188.
17. Иностранный военная интервенция и гражданская война в СССР 1918-1920. Историография // СИЭ. Т.6. М., 1965. Стлб.82-84.
18. Иностраницев М. История, истина и тенденция. По поводу книги генерал-лейтенанта К.В. Сахарова «Белая Сибирь». Прага, 1933. – 72 с.
19. Историография гражданской войны и империалистической интервенции (1918-1920). Сб. ст. М.: Наука, 1983. – 246 с.
20. Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России. Материалы конф. М., 1981. – 167 с.
21. Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: АИРО-ХХ, 1996. – 463 с.
22. История СССР в современной западной немарксист-

ской историографии: Критический анализ. М.: Наука, 1991. – 287 с.

23. Кривошеенкова Е.Ф. Гражданская война и военная интервенция: историко-партийные историографические аспекты. М.: Прометей, 1989. – 159 с.

24. Критика буржуазной историографии советского общества. Сб. ст. М.: Наука, 1972. – 341 с.

25. Кубанин М. Махновщина. Волин Б.М. разъяснение. По поводу ответа на книгу М. Кубанина «Махновщина». Париж, 1929. – 12 с.

26. Кузьмин Н., Найда С., Петров И., Шишков С. О некоторых вопросах истории гражданской войны // Коммунист. 1956. № 12. С. 54-71.

27. Лелевич Г. В. Шульгин. 1920 год. Очерки. // Пролетарская революция. 1922. № 6. С. 212-216.

28. Лелевич Г. Литература о Самарской Учредилке. Обзор 1, 2. // Пролетарская революция. 1922. № 8-9.

29. Лелевич Г. Славянофил. Чешские аргонавты в Сибири. Токио, 1921 // Пролетарская революция. 1924. № 8-9. С. 367.

30. Литвин А.Л. Советская историография гражданской войны в Поволжье. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. – 133 с.

31. Литвин А.Л., Скибинская С.Б. Современная англо-американская историография гражданской войны в Поволжье. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. – 107 с.

32. Меликов Вл. К вопросу изучения гражданской войны // Фрунзевец-ударник. Сб. М., 1931. С. 30-35.

33. Мельгунов С.П. Гражданская война в освещении П.Н. Милюкова (По поводу «Россия на переломе»). Критико-библиографический очерк. Париж, 1929. – 91 с.

34. Мельгунов С.П. Очерки генерала Деникина // На чужой стороне. Т.У. Берлин-Прага, 1924. С. 300-308.

35. Мельгунов С.П. «Российская контрреволюция» (Методы и выводы генерала Головина). Доклад в Академическом Союзе 17 июня 1938 г. Париж, 1938. – 23 с.

36. Минц И.И. В белой эмиграции (по поводу книги «Белое дело») // Большевик. 1927. № 6. С. 40-48.
37. Минц И. История гражданской войны // Знамя. 1935. № 4. С. 182-203.
38. Мякотин В.А. «Архив русской революции» // На чужой стороне. Т.УІ. Берлин-Прага, 1924. С. 287-292.
39. Наумов В.П. Гражданская война на Дальнем Востоке в советской историографии середины 1950 – середины 1980-х годов. Иркутск: ИКУ, 1991. – 143 с.
40. Наумов В.П. К историографии белочешского мятежа в 1918 г. // Уч. зап. АОН при ЦК КПСС. Вып.40. М.,1958. С. 142-180.
41. Наумов В.П. Основные этапы в изучении истории гражданской войны в СССР // Вестник Москов. ун-та. 1964. № 2. С. 3-18.
42. Наумов В.П. Новейшая литература по истории гражданской войны в СССР // История СССР. 1968. № 3. С. 158-167.
43. Наумов В.П. В.И. Ленин об основных проблемах истории гражданской войны в СССР. М.: Знание, 1969. – 46 с.
44. Наумов В.П. Летопись героической борьбы. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. М.: Мысль, 1972. – 471 с.
45. Наумов В.П., Косаковский А.А. История гражданской войны и интервенции в СССР (Современная буржуазная историография). М.: Знание, 1976. – 68 с.
46. Найда С.Ф. Наумов В.П. Советская историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР. М.: Изд-во МГУ, 1966. – 172 с.
47. Некоторые проблемы истории советского общества (Историография). М.: Мысль, 1964. – 283 с.
48. Ольминский М. Раковский Г. В стане белых. От Орла до Новороссийска. Константинополь, 1920 // Пролетарская революция. 1921. № 3. С. 310-312.

49. Ольминский М. Соколов К.Н. Правление генерала Деникина. София, 1921 // Пролетарская революция. 1921. № 3. С. 312-314.
50. О работе по выявлению материалов по истории гражданской войны. О выявлении архивных материалов белых правительств // Бюллетень ЦАУ РСФСР. 1931. № 5. С. 11-14.
51. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М.: Наука, 1966. – 854 с. Т.У. М.: Наука, 1985. – 605 с.
52. Очерки по историографии советского общества. М.: Мысль, 1965. – 598 с.
53. Плотникова М.Е. Советская историография гражданской войны в Сибири (1918- первая половина 1930-х гг.). Томск, 1974.
54. Покровский М.Н. Мемуары царя Антона (о книге Деникина «Очерки русской смуты») // Печать и революция. 1922. Кн. 2 (5). С. 19-31.
55. Поликарпов В.Д. Начальный этап гражданской войны (История изучения). М.: Наука, 1980. – 370 с.
56. Поликарпов В.Д. Некоторые вопросы историографии гражданской войны // Военно-исторический журнал. 1966. № 7. С. 75-84.
57. Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. Полемические заметки. М.: АИРО-ХХ, 1996. – 216 с.
58. Попов К.С. «Война и мир» и «От двуглавого орла к красному знамени». (В свете наших дней). Париж, 1934. – 103 с.
59. Прочко И. Мемуарная литература о гражданской войне // Военно-исторический журнал. 1959. № 4. С. 95-101.
60. Работа над «Историей гражданской войны» // Историк-марксист. 1934. Т.3. С. 137-140.
61. Рейхардт В. Анишев А. Очерки истории гражданской войны 1917-1920 гг. М.,1925 // Красная летопись. 1926. № 3(18). С. 183-186.
62. Рецензия на кн. Даватц В. Годы. Белград, 1926 // Белый Архив. Кн.1. Париж, 1926. С. 204-205.

63. Салов В.И. Современная западногерманская буржуазная историография. Некоторые проблемы новейшей истории. М.: Наука, 1968. – 248 с.
64. Салов В.И., Беляев Ю.А. Современная буржуазная историография гражданской войны в СССР // Боевое содружество советских республик. 1919-1922 гг. М.: Наука, 1982. С. 199-208.
65. Сидоров В. О литературе по истории гражданской войны и иностранной военной интервенции 1918-1920 гг. // Военная мысль. 1958. № 10. С. 88-94.
66. Случевский Н.В. Военно-историческая литература по гражданской войне // Военная мысль. 1938. № 5. С. 178-181.
67. Советская историография. Сб. ст. Под общ. ред Ю.А. Афанасьева. М.: РГГУ, 1996. -589 с.
68. Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. Сб. ст. М.: АН СССР, 1962. – 626 с.
69. Спирин Л.М., Литвин А.Л. На защите революции: В.И. Ленин, РКП(б) в годы гражданской войны: историографический очерк. Л.: Лениздат, 1985. – 269 с.
70. Спирин Л.М., Литвин А.Л. Партия большевиков – организатор разгрома белогвардейцев и интервентов. Историографический очерк. М.: Знание. 1980. – 64 с.
71. Степанова П. Немецкий историк о гражданской войне // На чужой стороне. Т.Х. Прага, 1925. С. 298-300.
72. Урбан П.К. Смена тенденций в советской историографии. Мюнхен, 1959. – 59 с.
73. Ушаков А.И. История гражданской войны в литературе русского зарубежья. Опыт изучения. М.: Россия молодая, 1993. – 144 с.
74. Федотов Б.Ф. О малоизвестных источниках периода гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР // Вопросы истории. 1968. № 8. С. 18-29.
75. Фурманов Дм. Краткий обзор литературы (непериодической) о гражданской войне (1918-1920) // Пролетарская революция. 1923. № 5(17). С. 321-341.

76. Хесин С.С. Некоторые вопросы историографии первых лет Советской власти (К завершению издания «Истории гражданской войны в СССР») // История СССР. 1961. № 3. С. 103-115.
77. Шварц М. К постановке вопроса исследования гражданской войны 1917-1921 гг. // Война и революция. 1928. № 1. С. 48-60.
78. Шелестов Д.К. Новейшая историография гражданской войны в СССР // Вопросы истории. 1968. № 11. С. 152-162.
79. Шелестов Д.К. Советская историография гражданской войны и военной интервенции в СССР // Вопросы истории. 1964. № 2. С. 22-48.
80. Шелестов Д.К. Советская литература 1962-1964 гг. о гражданской войне в СССР // Вопросы истории. 1965. № 4. С. 150-157.
81. Шерман И.Л. Некоторые вопросы историографии гражданской войны и труды академика И.И. Минца // Октябрь и гражданская война в СССР. Сб. ст. к 70-летию академика И.И. Минца. М.: Наука, 1966. С.325-336.
82. Шерман И.Л. Советская историография гражданской войны в СССР (1920-1931). Харьков: Изд-во Харьков. Ун-та, 1964. – 340 с.

III. Книги, брошюры, статьи

1. Александр Ильич Дутов, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска. Краткая биография, выборки из печати, статьи. Б.м., б.г. – 129 с.
2. Алексашенко А.П. Крах деникинщины. М.: Изд-во МГУ, 1966. – 292 с.
3. Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М.: ИЦ «Россия молодая», 1994. – 216 с.
4. Аманжолова Д.А. Национальная политика правительства А.В. Колчака (1918-1919 гг.) // Вестник Челябинского ун-та.

1994. № 1(17). С. 20-32.
5. Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. – 444 с.
  6. Антанта и Врангель. Сб. ст. Вып.1. М. – Пг., 1923. – 260 с.
  7. Антонов-Овсеенко В.А. Записки о гражданской войне. Т.1. М., 1924. – 300 с. Т.2. – М.-Л.:ГИЗ, 1928. – 297 с. Т.3. М.: Воениздат, 1932. – 350 с. Т.4. М.: Воениздат, 1933. – 343 с.
  8. Апрелков А.В., Попов Л.А. Казачий генерал Зуев: из истории ледового похода Сибирской белой армии // Вестник Челябинского ун-та. 1994. № 1(17). С. 73-80.
  9. Афанасьев А.Л. Полянь в чужих полях. М.: Мод. Гвардия, 1984. – 318 с.
  10. Банкротство мелкобуржуазных партий России 1917-1922 гг. Сб. науч. тр. М., 1977. Ч.1. – 208 с. Ч.2. – 213 с.
  11. Барихновский Г.Ф. Идейно-политический крах бело-эмigrationи и разгром внутренней контрреволюции (1921-1924 гг.). Л.: изд-во ЛГУ, 1978. – 160 с.
  12. Басманов М.И., Гусев К.В., Полушкина В.А. Сотрудничество и борьба. Из опыта отношений КПСС с непролетарскими и некоммунистическими партиями. М.: Политиздат, 1988. – 382 с.
  13. Белая Россия. Альбом. СПб, 1991.
  14. Белое движение на юге России (1917-1920): Неизвестные страницы и новые оценки / Гл. ред. А.С. Кручинин. М.: «Военно-историческая Библиотека Военной Были», 1997. – 56 с.
  15. Бернштам М. Стороны в гражданской войне. 1917-1922 гг. (Проблемы, методология, статистика). М., 1992. – 96 с.
  16. Берхин И.Б. Вопросы истории гражданской войны (1918-1920 гг.) в сочинениях В.И. Ленина. М.: Наука, 1981. – 367 с.
  17. Б.И.Ч. Адмирал Колчак. Ростов-на-Дону, 1919. – 16 с.
  18. Богданов К.А. Адмирал Колчак. Биографическая по-

весть-хроника. СПб: Судостроение, 1993. – 304 с.

19. Большевики в борьбе с непролетарскими партиями, группами и течениями. Материалы конф. М., 1983. – 238 с.

20. Большевики и мелкобуржуазные партии в Октябрьской революции и гражданской войне. Материалы конф. М., 1980. – 154 с.

21. Большевики и непролетарские партии в период Октябрьской революции и в годы гражданской войны. Материалы конф. М., 1982. – 187 с.

22. Бордюгов Г. Чрезвычайные меры и «чрезвычайщина» в советской республике и других государственных образованиях на территории России в 1918-1920 гг. (доклад на международной конференции в Неаполе, октябрь 1994 г.). // Cahiers du monde russe, 38 (1-2), janvier-juin 1997, pp.29-44.

23. Бордюгов Г.А., Козлов В.А. От «чрезвычайщины» к «тоталитаризму». Как укреплялась большевистская диктатура // Диалог. 1990. № 6. С. 86-92.

24. Борин К. Первые вожди Добровольческой Армии и их взгляды на задачи ее. Ростов н/Д, 1919. – 22 с.

25. Бортневский В.Г. Белое дело: Люди и события. СПб., 1993.

26. Бортневский В.Г. Красный и белый террор в гражданской войне // Сквозь бури гражданской войны. «Круглый стол» историков. Архангельск, 1990. С. 101-126.

27. Бочагов А.К. Милли Фирка. Национальная контрреволюция в Крыму. Симферополь: Крымгиз, 1930. – 117 с.

28. Броди С. И М. Ярославский мятеж. М., 1930.

29. Бугаев Д.А. На службе милицейской. Кн.1. Ч.1. Красноярск, 1993. – 148 с.

30. Будилович Б. Чем был Корнилов для России. Екатеринодар, 1918. – 10 с.

31. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.

32. Бунегин М.Ф. Революция и гражданская война в Кры-

му (1917-1920 гг.). Симферополь: Крымгиз, 1927. – 336 с.

33. Буравченков А.А. В ногу с революцией: демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. Киев: Выща школа, 1988. – 141 с.

34. Буревой К. Распад. 1918-1922. М.: Новая Москва, 1923. – 135 с.

35. Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в Октябрьской революции и гражданской войне. Материалы конф. М., 1980. – 154 с.

36. Быстрянский В. Контрреволюция и ее методы: Белый террор прежде и теперь. Пг, 1920.

37. Быч Л.Л. От Южно-русского союза к федеративной России. Доклад. Б.м., отдел пропаганды Кубанского краевого правительства, 1919. – 24 с.

38. Васьковский О.А., Ниренбург Я.Л., Плотников И.Ф., Пожидаева Г.В., Тертышный А.Т. Урал в гражданской войне. Свердловск: Изд-во Ураль. ун-та, 1989. – 333 с.

39. Великий Октябрь в кривом зеркале западной «советологии». М.: Прогресс, 1977. – 299 с.

40. Великий Октябрь и непролетарские партии. Материалы конф. М. – Калинин, 1982. – 254 с.

41. Венков А.В. Антибольшевистское движение на Юге России на начальном этапе гражданской войны. Ростов-на-Дону: ИМУ «Логос», 1995. – 128 с.

42. Венков А.А. Сепаратизм казачьей контрреволюции внутри деникинского лагеря // Проблемы истории казачества ХVI-XX вв. Ростов н/Д, 1995. С. 146-150.

43. В.Щ. Казаки. Ростов н/Д, 1919.

44. «Взвейтесь, соколы, ворами». // Юность. 1996. № 9. С.88-91.

45. Виллиам Г. Распад «добровольцев» («Побежденные»). Из материалов белогвардейской печати. М. – Пг.: ГИЗ, 1923. – 97 с.

46. Власть и оппозиция. Российский политический про-

цесс XX столетия. М.: РОСПЭН, 1995. – 400 с.

47. Военно-историческая библиотека «Военные были». Париж. № 2 (19). Белое движение на юге (1917-1920). М., 1995.
48. Волин В. Дон и Добровольческая Армия (Краткий исторический очерк со дня возникновения армии по 1/14 ноября 1918 г.). Изд. 2-е. Харьков, 1919. – 40 с.
49. Волин В. Дон и Добровольческая Армия. Очерки недавнего прошлого. Ростов-на-Дону: библ. «Вечернего времени», 1919. – 143 с.
50. Вольский А. Белый террор в эпоху гражданской войны в СССР // 10 лет белого террора. М., 1929.
51. Возрождение казачества: история и современность. Статьи к V Всеросс. (междунар.) науч. конф. Изд. 2-е, испр. и доп. Новочеркасск: Изд-во НГТУ, 1995. – 164 с.
52. Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докл., сообщений, выступлений на V междунар. (всеросс.) науч. конф. Ростов-на-Дону: Изд-во НМУ «Логос», 1995. – 148 с.
53. Ворошилов К.Е. Сталин и Красная Армия // Правда. 1929. 21 декабря.
54. Галкин В.А. Разгром белогвардейского мятежа в Ярославле в 1918 г. Ярославль, 1939.
55. Гармиза В.В. Директория и Колчак // Вопросы истории. 1976. № 10. С. 16-32.
56. Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М.: Мысль, 1970. – 294 с.
57. Голуб П. Мятеж, который вверг Россию в гражданскую войну // Диалог. 1996. № 7. С. 60-66, 80.
58. Голубев А. Врангелевские десанты на Кубани. Август – сентябрь 1920 года. М.-Л., – 1929.
59. Голубев А.В. Гражданская война 1918-1920 гг. М.: Мол. гвардия, 1932. – 221 с.
60. Гражданов Ю.Д., Зимина В.Д. Союз орлов. Белое дело России и германская интервенция в 1917-1920 гг. Волгоград:

Изд-во ВАГС, 1997. – 280 с.

61. Гражданская война в России. «Круглый стол» // Отечественная история. 1993. № 3.
62. Гражданская война в России: перекресток мнений. М.: Наука, 1994. – 378 с.
63. Гражданская война в СССР. В 2 т. М.: Воениздат, 1980, 1986. – 368 с., 447 с.
64. Гражданская война в Удмуртии. 1918-1919 гг. Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и литературы, 1988. – 174 с.
65. Гражданская война на юге республики. Тезисы Северо-Кавказской регион. конф. историков СССР, посвящ. 70-летию создания и боевых действий на защите завоеваний Октября. Новочеркасск, 1989. – 55 с.
66. Гражданская война 1918-1921. Под ред. М.Н. Тухачевского, А.С. Бубнова, С.С. Каменева, Р.П. Эйдемана. В 3 т. М., 1928-1930.
67. Гражданская война и иностранная интервенция в Средней Азии. Ашхабад: Ылым, 1986. – 283 с.
68. Григорьев В.К. Противостояние (Большевики и непролетарские партии в Казахстане. 1917-1920). Алма-Ата: Казахстан, 1989. – 248 с.
69. Гуковский А. К истории аграрной политики русской контрреволюции (аграрная политика правительства Врангеля) // На аграрном фронте. 1927. № 6. С.72-89; № 7. С. 69-80.
70. Гусев С.И. Уроки гражданской войны. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: ГИЗ, 1921. – 46 с.
71. Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917-1922 гг. Изд. 2-е, доп. Новосибирск: Наука, 1983. – 316 с.
72. Дерябин А.И. Белые армии в гражданской войне в России. исторический очерк. М.: ТОО Лейб-компания, 1994. – 39 с.
73. Дмитриев Н.И. Налоговая политика белогвардейских правительств на территории Сибири // Известия Омского гос.

Историко-краеведч. Музея. 1996. № 4. С.210-216.

74. Долгоруков П.Д. Национальная политика и партия народной свободы. Ростов-на-Дону, 1919. – 16 с.

75. Дроков С.В. Александр Васильевич Колчак // Вопросы истории. 1991. № 1. С.50-67.

76. Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917 – 1920 гг.). М.: Наука, 1982. – 415 с.

77. Ермолин А.П. Революция и казачество. М.: Мысль, 1982. – 224 с.

78. Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск: КГУ, 1986. – 196 с.

79. Журов Ю.В. Проблемы методологии истории. Брянск: Госпединт, 1996. – 142 с.

80. Защита завоеваний социалистических революций. М.: Наука, 1986. – 323 с.

81. Звягин С.П. К истории колчаковского правления в Сибири // Отечественные архивы. 1996. № 4. С.94-95.

82. Зимина В.Д. Белое движение в годы гражданской войны. Уч. пособие. Волгоград: Волгоград. Ун-т, 1995. – 76 с.

83. Зимина В.Д. Крах германофильской монархической контрреволюции на Юге России в годы гражданской войны и интервенции. Уч. пособие. Калинин: Изд-во КГУ, 1989. – 88 с.

84. Из истории гражданской войны и интервенции. Сб. ст. М.: Наука, 1974. – 479 с.

85. Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. 1917-1922. Новосибирск: Наука, 1985. – 232 с.

86. Из истории революций в России (первая четверть XX века). Материалы Всеросс. Симпозиума. Вып.2. Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – 82 с.

87. Иконников Н.Ф. Пятьсот дней: секретная служба в тылу большевиков 1918-1919 гг. / Ввод. Ст., подгот. Текста и комм. В.Г. Бортневского // Русское прошлое. 1996. Кн.7. С.43-105.

88. Ильин И.А. Порядок или беспорядок? М.: Народное право, 1917.
89. Иловайский В. Год пути (Жизнь Добровольческой Армии). Ростов – на – Дону, 1919. – 30 с.
90. Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М.: Наука, 1989. – 286 с.
91. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М.: Наука, 1977. – 320 с.
92. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М.: Мысль, 1983. – 294 с.
93. Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М.: Наука, 1995. – 236 с.
94. История «белой» Сибири: Тезисы науч. конф. Под ред. С.П. Звягина, С.В. Макарчука, В.А. Сергиенко. Кемерово: Кузбассвязиздат, 1997. – 164 с.
95. История гражданской войны в СССР. Т.1. М.: ОГИЗ, 1935. – 348 с. Т.2. М.:ОГИЗ, 1942. – 367 с.
96. История Советской России: новые идеи, суждения. Тезисы докладов второй респ. науч. конф. Тюмень, 1993. – 62 с.
97. Какая армия нужна России? Взгляд из истории. Российский военный сборник. Вып.9. М.: Военный университет, ассоциация «Армия и общество», 1995. – 365 с.
98. Калинин И. Русская Вандея. М.-Л.:ГИЗ, 1926. – 359 с.
99. Камилин Я. Генерал Сергей Леонидович Марков. Ростов-на-Дону, 1919. – 24 с.
100. Карпенко С.В. Крах последнего белого диктатора. М.: Знание, 1990. – 64 с.
101. Кайгородов А. Он был забайкальский казак: Очерк биографии Г.М. Семенова // Сибирские огни. 1994. № 3-6. С.157-170.
102. Кин Д. Деникинщина. Л.: Прибой, 1927. – 275 с.
103. Кирилин Ф. Основатель и верховный руководитель Добровольческой армии генерал М.В. Алексеев. Ростов-на-Дону, 1919. – 16 с.

104. Козерод О.В., Бriman С.Я. Деникинский режим и еврейское население Украины: 1919-1920 гг. Харьков: Курсор, 1996. – 57 с.
105. Козлов А.И. Антон Иванович Деникин // Вопросы истории. 1995. № 10. С.54-74.
106. Козлов А.И. О Деникине, Корнилове и этой книге. Вступит. статья. // А.И. Деникин. Поход и смерть генерала Корнилова. Ростов н/Д, 1989. С.4-12.
107. Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Моск. рабочий, 1965. – 644 с.
108. Комин В.В. Белая эмиграция и вторая мировая война. Калинин: КГУ, 1979. – 61 с.
109. Комин В.В. Политический и идеиный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин: КГУ, 1977. – 119 с.
110. Коновалов Е. Уральцы (За полтора года борьбы). Омск, 1919. – 47 с.
111. Корнатовский Н. Северная контрреволюция. Гражданская война в очерках. Под ред. И.И. Минца. М.:ОГИЗ, 1930. – 174 с.
112. Корчин М.Н. Донское казачество (Из прошлого). Ростов н/Д, 1949. – 191 с.
113. К прекращению войны внутри демократии (Уфимские переговоры и наша позиция). Сб. ст. М., 1919. – 111 с.
114. Краткая записка истории взаимоотношений Добровольческой Армии с Украиной. Ростов-на-Дону, 1919. – 15 с.
115. Краткая история гражданской войны в СССР. 2-е изд. М., 1962. – 492 с.
116. Краткий биографический словарь русского зарубежья. Париж-М.: YMCA-Press – Русский путь, 1996.
117. Крестный путь русской армии генерала Врангеля. Рыбинск, 1996.

118. Кутяков И. Разгром Уральской белой казачьей армии. М.: Госвоениздат, 1931. – 197 с.
119. Ладоха Г. Очерки гражданской войны на Кубани. Краснодар: Буревестник, 1923. – 122 с.
120. Ларьков Н.С. Антисоветский переворот в Сибири и проблема власти в конце весны – летом 1918 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2. С. 24-30.
121. Ларьков Н.С. Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск: Изд-во ТГУ, 1995. – 252 с.
122. Левберг М. На белом севере. М.: Политкаторжанин, 1933. – 127 с.
123. Ленин В.И. Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический. // Полн. собр. Соч. Т. 30. С. 241-160.
124. Ленин В.И. Расхлябанная революция // Там же. Т. 32. С.381-383.
125. Ленин В.И. Русская революция и гражданская война // Там же. Т. 34. С. 214-228.
126. Ленин В.И. Доклад о ратификации мирного договора 14 марта 1918 г. на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов // Там же. Т.36. С. 92-111.
127. Ленин В.И. Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г. // Там же. Т.36. С. 327-345.
128. Ленин В.И. Заключительное слово по докладу о текущем моменте на IV конференции профсоюзов и фабзавкомов Москвы 28 июня 1918 г. // Там же. Т.36. С. 455-468.
129. Ленин В.И. Речь на объединенном заседании ВЦИК, Московского Совета, фабрично- заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 29 июля 1918 г. // Там же. Т.37. С. 2-19.
130. Ленин В.И. Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой! // Там же. Т.37. С. 38-42.
131. Ленин В.И. Речь на митинге в Политехническом музее 29 августа 1918 г. // Там же. Т.37. С. 65-70.

132. Ленин В.И. Доклад о внешнем и внутреннем положении Советской республики 3 апреля 1919 г. на чрезвычайном заседании пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов // Там же. Т.38. С. 245-262.
133. Ленин В.И. Доклад о задачах профессиональных союзов в связи с мобилизацией на Восточный фронт на пленуме ВЦСПС 11 апреля 1919 г. // Там же. Т.38. С. 277-290.
134. Ленин В.И. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства 19 мая 1919 г. на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию. // Там же. Т.38. С. 333-372.
135. Ленин В.И. В лакейской // Там же. Т.39. С.139-145.
136. Ленин В.И. Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком // Там же. Т.39. С. 151-159.
137. Ленин В.И. Как буржуазия использует ренегатов // Там же. Т.39. С.182-194.
138. Ленин В.И. Доклад ВЦИК и Совнаркома УП Всероссийскому съезду Советов 5 декабря 1919 г. // Там же. Т.39. С. 387-414.
139. Ленин В.И. Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. // Там же. Т.41. С. 398-408.
140. Ленин В.И. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г. // Там же. Т.43. С. 130-144.
141. Ленин В.И. Письмо Кларе Цеткин. 26 июля 1918 г. // Там же. Т.50. С. 127-128.
142. Лейкина-Свирская В.Р. Поход Юденича. Л.: Прибой, 1929. – 84 с.
143. Лившиц А.А. Временное Сибирское правительство (июль – ноябрь 1918). // Вопросы истории. 1979. № 12. С. 98-107.
144. Лившиц А.А. Крах «Временного правительства автономной Сибири» // Вопросы истории. 1974. № 8. С. 87-98.
145. Лившиц И.И. О роли кадровых офицеров в гражданской войне // Вопросы истории. 1993. № 6. С. 188-189.

146. Лисовский Н.К. Разгром дутовщины (1917-1919). М.: Воениздат, 1964. – 147 с.
147. Лисовский П. На службе капитала. Эсеро-меньшевистская контрреволюция. Л.: Прибой, 1928. – 138 с.
148. Литвин А.Л. Красны и белый террор в России 1917-1922 // Отечественная история. 1993. № 6. С. 46-62.
149. Литвин А.Л. Красный и белый террор в России 1918-1922 гг. Казань, 1995. – 328 с.
150. Лихницкий Н.Т. Классовая борьба и кулачество на Кубани. Ростов н/Д: Северный Кавказ, 1931. – 191 с.
151. Лихолат А.В. Разгром националистической контрреволюции на Украине (1917-1922 гг.). М.: Госполитиздат, 1954. – 656 с.
152. Луначарский А.В. Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М.: ГИЗ, 1922. – 83 с.
153. Максимов В. Кулацкая контрреволюция и ижевское восстание (1918 г.) // Историк-марксист. 1932. Т. 4-5. С. 109-162.
154. Малыт М. Деникинщина и рабочие // Пролетарская революция. 1924. № 5. С. 64-85.
155. Мамет Л.П. Ойротия. Очерк национально-освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. – 180 с.
156. Мамонов В.Ф. Гибель русской Вандеи: Казачество Востока России в революции и гражданской войне. Челябинск, Екатеринбург: ЧГУ, 1994. – 175 с.
157. Марушевский С.П. Белые в Архангельске. Л.: Прибой, 1930. – 279 с.
158. Миллер В.И. Революция в России, 1917-1918 гг. Проблемы изучения. М., 1995. – 76 с.
159. Муртазин М.Л. Башкирия и башкирские войска в гражданской войне. Штаб РККА, 1927. – 214 с.
160. Мухачев Ю.В. Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М.: Мысль, 1982. – 270 с.

161. Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь: Кавказский край, 1992. – 416 с.
162. На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. Сб. ст. М.: Красная новь, 1923. – 261 с.
163. Наумов И.В. У истоков. Изучение гражданской войны на Дальнем Востоке в 1920-е годы. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1993. – 147 с.
164. Найда С.Ф. О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР. М.: Воениздат, 1958. – 242 с.
165. Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. Материалы конф. М., 1980. – 275 с.
166. Непролетарские партии России в 1917 г. и в годы гражданской войны. Материалы науч. симпозиума. М.- Калинин, 1980. – 243 с.
167. Непролетарские партии России. Урок истории. Под общ. Ред. И.И. Минца. М.: Мысль, 1984. – 566 с.
168. Нижегородцев А. Почему Добровольческая Армия воюет против коммунистов Ленина и Троцкого? Харьков, 1919. – 72 с.
169. Никитин А.Н. Милиция Российского правительства Колчака и ее роль в борьбе с общеуголовной и организованной преступностью. Уч. пособие. М.: Моск. ин-т МВД РФ, 1995. – 80 с.
170. Никифоров-Кюлюмнюр В.В. Вторжение Пепеляева в Якутию // Полярная звезда. 1996. № 5. С.64-73.
171. Николаев Р. Деньги белой гвардии. СПб: «Миниатюра», 1993. – 80 с.
172. Никонова О.Ю. Социально-экономическая политика колчаковщины глазами современных исследователей // Вестник Челябинского ун-та. 1994. № 1(7). С. 91-96.
173. Новосельский М.Р. Как разрешить земельный вопрос в России. Омск: Русское бюро печати, 1919. – 6 с.
174. Омельченко Н.А. В поисках России. Общественно-по-

литическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., о большевизме и будущих судьбах русской государственности. СПб: Изд-во Русского христ. Гум. Ун-та, 1996. – 549 с.

175. Павловский П.И. Анненковщина. М.-Л.: ГИЗ, 1928. – 93 с.

176. Парфенов В. Разгром «левых» эсеров. М., 1940.

177. Парфенов П.С. Гражданская война в Сибири. 1918-1920. 2-е изд., испр. и доп. М.:ГИЗ, 1925. – 168 с.

178. Парфенов П.С. Борьба за Дальний Восток. 1920-1922. Л.: Прибой, 1928. – 366 с.

179. Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель. М.: Политиздат, 1989.- 493 с.

180. Петров И.Е. Чувашия в период иностранной интервенции и гражданской войны. Чебоксары, 1954.

181.Подболотов П.А., Спирин Л.М. Крах меньшевизма в Советской России. Л.: Лениздат, 1988. – 246 с.

182. Подшивалов И. Гражданская борьба на Урале 1917 – 1918 гг. (опыт военно-исторического исследования). М.: Госвоениздат, 1925. – 221 с.

183. Покровский М.Н. Контрреволюция за 4 годы. М.: ГИЗ, 1922. – 14 с.

184. Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России. 1905 – 1917. М.: Наука, 1990. – 381 с.

185. Поликарпов В.Д. Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917 – февраль 1918 гг. М.: Наука, 1976. – 414 с.

186. Политические и экономические проблемы Великого Октября и гражданской войны. Сб. науч. тр. М.: Наука, 1988. – 222 с.

187. Поляков Ю.А. Гражданская война в России (Поиски нового видения). // История СССР. 1990. № 2. С. 98-117.

188. Поляков Ю.А. Гражданская война в России: возникновение и эскалация. // Отечественная история. 1992. №6. С. 32-41.

189. Попов Н.Н. Мелкобуржуазные антисоветские пар-

- тии. М.: Красная новь, 1924. – 120 с.
190. Попов Ф. Дутовщина. Куйбышев: ОГИЗ, 1937. – 143 с.
191. Попов Ф.Г. За власть Советов. Разгром самарской учредилки. Куйбышев. Кн. Изд-во, 1959. – 214 с.
192. Потылицын А.И. Белый террор на севере. 1918-1920. Архангельск: ОГИЗ, 1931. – 72 с.
193. Ракитников Н.И. Сибирская реакция и Колчак. М.: Народ, 1920. – 38 с.
194. Раш К.Б. Во славу Отечества. М.: Патриот, 1990. – 136 с.
195. Революция и гражданская война в описании белогвардейцев. В 5 т. Под ред. С.А. Алексеева. М.-Л:ГИЗ, 1926-1928.
196. Революция и народы России: полемика с западными историками. Сб. ст. М.: Наука, 1989. – 237 с.
- 197.Российские офицеры / Под общей ред. А.Б. Григорьева. М.: Издат. центр «Анкил» – «Воин», 1995. – 63 с.
198. Россия в XX в. Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. – 752 с.
- 199.Русское зарубежье. Государственно-патриотическая и военная мысль. Сост. и авт. вступ. ст. И.В. Домнин. М.:ГА ВС, 1994. – 309 с.
200. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедич. биографич. словарь. М.: Российская энциклопедия, 1997. – 742 с.
201. Русское зарубежье, 1917-1991. Сост. Толстых Г.А. М., 1992.
202. Рыбников В.В., Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России: сущность, эволюция и некоторые итоги. М.: ГА ВС, 1993. – 100 с.
203. Самсонов В.К. На пути к возрождению. Омск: Русское бюро печати, 1919. – 19 с.
204. Сапожников Н. Ижевско-Воткинское восстание (август – ноябрь 1918 г.) // Пролетарская революция. 1924. № 8-9.
205. Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918-1922). Новосибирск: На-

ука, 1983. – 331 с.

206. Семенникова Л.И. Гражданская война. За что воевали? Кто победил? // Наука и жизнь. 1995. № 9. С.46-53.

207. Сибирь в период гражданской войны. Уч. пособие. Сост. С.П. Звягин. Под ред. А.Н. Никитина, С.П. Звягина. Кемерово: Обл. ИУУ, 1995. – 144 с.

208. Сквозь бури гражданской войны. «Круглый стол» историков. Архангельск: Географич. об-во СССР, Арх. Филиал, 1990. – 146 с.

209. Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России (1917-1922 гг.). Уч. пособие. М.: МЮИ МВД РФ, 1996. – 80 с.

210. Соловьева И.А. Николай Васильевич Чайковский (1850-1926) // Вопросы истории. 1997. № 5. С. 38-48.

211. Солоневич И.Л. Белая империя. М.: Москва, 1997. – 368 с.

212. Спирин Л.М. Разгром армии Колчака. М., – 1957.

213. Спирин Л.М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917-1920 гг.). М.: Мысль, 1967. – 438 с.

214. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (Начало XX в. – 1920 г.). М.: Мысль, 1977. – 366 с.

215. Спирин Л.М. Россия, 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987. – 334 с.

216. Сталин И.В. О Киевской буржуазной Раде. Сочинения. Т. 4. М., 1947. С. 28.

217. Сталин И.В. Отчет комиссии ЦК партии и Совета Обороны товарищу Ленину о причинах падения Перми в декабре 1918 года // Там же. С.197-224.

218. Сталин И.В. К военному положению на Юге // Там же. С. 282-291.

219. Сталин И.В. Новый поход Антанты на Россию // Там же. С. 319-328.

220. Сташкевич Н.С. Приговор революции: Крушение

антисоветского движения в Белоруссии (1917-1925). Минск: Университетское, 1985. – 304 с.

221. Суворин А. Поход Корнилова. 2-е изд. Ростов на Дону: Новый человек, 1919. – 192 с.

222. Троцкий Л.Д. Вопросы гражданской войны. Л.: Прибой, 1924. – 38 с.

223. Троцкий Л.Д. Сочинения. Т.ХVII. Советская республика и капиталистический мир. Ч. II. Гражданская война. М.-Л.: ГИЗ, 1926. – 662 с.

224. Троцкий Л.Д. Что означает переход Махно на сторону Советской власти? М.-Л.: Изд. Отд. ПУР РВС, 1920. – 8 с.

225. Трубецкой Е.Н. Великая революция и кризис патриотизма. Б.м.: Новая Россия, 1919. – 27 с.

226. Трут В.П. Попытки консолидации сил казачьей контрреволюции Дона и Северного Кавказа на начальном этапе гражданской войны // Проблемы истории казачества ХVI-XX вв. Ростов н/Д, 1995. С.132-136.

227. Туземцев Н. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Ростов на/Д, 1919. – 16 с.

228. Устинкин С.В. Трагедия белой гвардии. Монография. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1995. – 408 с.

229. Ушаков А.И., Федюк В.П. Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920. М.: «АИРО-ХХ», 1997. – 104 с.

230. Федоров А.М. Разгром контрреволюционных очагов Красной гвардией (октябрь 1917 – февраль 1918 гг.). М., 1940.

231. Федюк В.П. Белые. Антибольшевистские организации на юге России 1917-1918 гг. М.: АИРО-ХХ, 1996. – 156 с.

232. Федюк В.П. Деникинская диктатуре и ее крах. Ярославль: Изд-во ЯГУ, 1990. – 72 с.

233. Фрунзе М.В. Красная Армия и ее задачи // Избранные произведения. Т.1. М.: Воениздат, 1957. С.124-128.

234. Фрунзе М.В. Радиограмма Главнокомандующему Вооруженными силами Юга России генералу Врангелю // Там же. С. 418.

235. Фрунзе М.В. Радиообращение к офицерам, солдатам, казакам и матросам армии Врангеля 11 ноября 1920 г. // Там же. С.419.
236. Цветков В.Ж. Петр Николаевич Врангель (1878-1928: Исторический портрет) // Вопросы истории. 1997. № 7. С.54-80.
237. Цыпкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920-1922 гг.). Хабаровск: Хабаровский гос. пед. ун-т, 1996. – 182 с.
238. Цыпкин Ю.Н. Свои против своих: Социальный состав белой армии на Дальнем Востоке в годы гражданской войны // Россия и АТР. 1995. № 4. С.32-42.
239. Черкашин Н. Звезда Колчака. Размышления над старыми фотографиями. М.: «Андреевский флаг», 1993. – 386 с.
240. Четыркин А.В. Развал фронта и разложение армий Деникина // Исторические записки. Т.ХII. М., 1941. С.3-38.
241. Чижов Д.Б. Попытка решения земельного вопроса на Дону (1918-1919 гг.) // Вопросы истории. 1997. № 7. С.144-146.
242. Что отняли у нас большевики. Новониколаевск, б.г. – 7 с.
243. Шевоцуков П. Гражданская война. Взгляд через 10-летия // Свободная мысль. 1992. № 10. С.74-84.
- 244.Шевоцуков П.А. Страницы истории гражданской войны: Взгляд через десятилетия. Кн. для учителя. М.: Просвещение, 1992. – 191 с.
245. Щеголихина С.Н. О воинской дисциплине в Белой и Красной армиях // Вопросы истории. 1996. № 2. С.173-174.
246. Широких Т. Почему мы ушли от красных. Ответ ижевского крестьянина-рабочего «ожидающим» и «безразличным» сибирякам. Омск: Русское бюро печати, б.г. – 6 с.
247. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. Изд. 3-е. М.: Мысль, 1987. – 236 с.
248. Шмераль Б. Чехословаки и эсеры. М.: ГИЗ, 1922. – 27 с.

249. Щепкин Г. Донской атаман генерал от кавалерии Петр Николаевич Краснов. 1918. Май – сентябрь. Новочеркасск, 1919. – 79 с.

250. Щепкин Г. Сибирь и Колчак. Новочеркасск: Изд-во Н.И. Шерстняков, 1919. – 36 с.

251. Эйхе Г.Х. Уфимская авантюра Колчака. (Март – апрель 1919 г.). Почему Колчаку не удалось прорваться к Волге на соединение с Деникиным. М.: Воениздат, 1960. – 295 с.

252. Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М.: Воениздат, 1966. – 384 с.

253. Юзефович Л. Самодержец пустыни (феномен судьбы барона Р.Ф. Унгерн-Штернберга). М.: «Эллис Лак», 1993. – 272 с.

254. Якушкин Е. Колчаковщина и интервенция в Сибири. М.-Л.: ГИЗ, 1928. – 96 с.

IV. Литература русского зарубежья

1. Александров Я. Белые дни. Ч.1. Берлин, 1922. – 64 с.

2. Аргунов А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919. – 47 с.

3. Архив гражданской войны. Берлин: Русское творчество, 1921. Вып.1. – 173 с. Вып.2. – 142 с.

4. Архив русской революции. Кн. I-XXII. Берлин: изд. Г.В. Гессеном, 1921-1937.

5. Аршинов П. История махновского движения (1918-1921 гг.). Берлин: изд. Группы рус. Анархистов в Германии, 1923. – 258 с.

6. Белое дело: Летопись белой борьбы. / Сост. и разработ. Бароном П.Н. Врангелем и др. Под ред. А.А. фон Лампе. Т.1-6. Берлин: Медный всадник, 1926-1928.

7. Вишневский Е.К. Аргонавты белой мечты: Описание Якутского похода Сибирской добровольческой дружины. Харбин, 1933. – 197 с.

8. Вожди белого движения. Календарь 1985. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1985. – 24 с.

9. Волжский фронт гражданской войны. Сб. ст. Из журнала «Воля России» за 1928 г. Прага: Воля России, 1928. – 242 с.
10. В память 1-го Кубанского похода. Сб. Белград, 1926. – 149 с.
11. Валь Э.Г. К истории белого движения. Деятельность ген.-адъютанта Щербачева. Таллин, 1935. – 156 с.
12. Ган А. (А. Гутман). Россия и большевизм. Ч.1. 1914-1920. Материалы по истории революции и борьбы с большевизмом. Шанхай, 1921. – 356 с.
13. Генерал Кутепов. Сб. ст. Париж, 1934. – 378 с.
14. Гнесин Ф. Туркестан в дни революции и большевизма (Краткое описание хода событий в Ташкенте) // Белый архив. № 1. Париж, 1926. С.81-94.
15. Головин Н.Н. Русская контрреволюция в 1917-1918 гг. Ч.1. Зарождение контрреволюции и первая ее вспышка. Кн.1. Париж: Иллюстрированная Россия, 1937. – 168 с.
16. Горн В.Л. Гражданская война на северо-западе России. Берлин: Гамаюн, 1923. – 416 с.
17. Гражданская война на Волге в 1918 г. Сб. 1. Прага, 1930. – 286 с.
18. Гуль Р.Б. Ледяной поход. С Корниловым. Берлин: Ефрон, б.г. – 160 с.
19. Гутман-Ган А. Два восстания // Белое дело. 1927. Т.3.
20. Деникин А.И. Кто спас советскую власть от гибели. Париж, 1937. – 16 с.
21. Деникин А.И. Офицеры. Очерки. Париж: Родник, 1928. – 140 с.
22. Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 5 т. Т.-2. Париж, 1921- 1922; Т.3-5, Берлин, 1924-1926.
23. Денисов. Гражданская война на юге России. 1918-1919 г. Кн.1. Январь – май 1918 г. Константинополь, 1921. – 119 с.
24. Добрынин В. Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе донского казачества. Февраль 1917 – март 1920. (Очерк). Прага: Слав. изд-во, 1921. – 117 с.

25. Добрынин В. Вооруженная борьба Дона с большевиками (февраль 1917 – март 1920). Вена, 1924. – 130 с.
26. Добрынин В. Дон в борьбе с коммуной. На Донце и Маныче: февраль – май 1919 г. Прага, 1922. – 54 с.
27. Дрейер В.Н., фон. Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война красного Севера с белым Югом (1918-1920 гг.). Б.м., б.г. – 154 с.
28. Зайцов А. 1918 год Очерки из истории русской гражданской войны. Париж, 1934.
29. Зеленов Н.П. Трагедия Северной области. Париж, 1922. – 77 с.
30. Зуев А.В. Оренбургские казаки в борьбе с большевизмом. 1918-1922 гг. Очерки. Харбин, 1937. – 132 с.
31. Ильин И.А. Белая идея // Белое дело. Т.1. Берлин, 1926. С. 7-15.
32. История погромного движения на Украине. 1917-1921 гг. Т.1. Период Центральной Рады и Гетмана. Берлин, 1923. – 335 с.; Т.2. Погромы Добровольческой армии на Украине. Берлин, 1932. – 386 с.
33. Кадесников Н.З. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суще, морях, озерах и реках России в 1917-1922 годах. Изд. Автора. Нью-Йорк, 1965. М.: Андреевский флаг, 1993. – 77 с.
34. Кравченко В. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Сб. Мюнхен, 1973. Т. 1. – 394 с.
35. Краснов П.Н. Казачья «самостийность». Б.м.: Двуглавый орел, б.г. – 32 с.
36. Кучин-Оранский Г. Добровольческая зубатовщина: Кирстовские организации на юге России и борьба с ними профессиональных союзов. Б.м.: Труд, 1924. – 157 с.
37. Локоть Т.Ф. «Завоевания революции» и идеология русского монархизма. Доклад Берлин: Двуглавый орел, 1921. – 24 с.
38. Львов Н.Н. Белое движение. Доклад. Белград: Рус. ти-

пография, 1924. – 15 с.

39. Маргулиес М.С. Год интервенции. Кн.1. (сентябрь 1918 – апрель 1919). Берлин: изд-во Гржебина, 1923. – 364 с.
40. Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. В 3-х ч. Белград, 1930-1931.
41. Мельгунов С.П. Н.В. Чайковский в годы гражданской войны. Париж: Кн. Дело «Родник», 1929. – 316 с.
42. Мельников Н.М. А.М. Каледин. герой Луцкого прорыва и Донской атаман. Мадрид: Родимый край, 1968. – 374 с.
43. Милюков П.Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т.2. Антибольшевистское движение. Париж, 1927. – 282 с.
44. Октябрьское наступление на Петроград и причины неудачи похода. Записки белого офицера. Финляндия, 1920. – 59 с.
45. Парфенов П.С. (Петр Алтайский). Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири. 1918, 1919, 1920 гг. Харбин: Правда, 1921. – 172 с.
46. Пашков П.В. Ордена и знаки отличия гражданской войны 1917-1922 годов. Париж, 1961. – 31 с.
47. Покровский Г. Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани (1918-1919 гг.). Берлин: Гржебин, 1923. – 279 с.
48. Полторацкий Н.П. И.А. Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силой. Лондон, Канада, 1975. – 59 с.
49. Правосудие в войсках Врангеля. Константинополь, 1921. – 56 с.
50. Росс Н.Г. Врангель В Крыму. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. – 362 с.
51. Савинков Б.В. Борьба с большевиками. Варшава: Русский политический комитет, 1920. – 48 с.
52. Савинков Б.В. За Родину и свободу. Сб. ст. Варшава, 1920. – 54 с.

53. Сергеев Вс.Л. Очерки по истории Белого движения на Дальнем Востоке. Харбин: Бюро по делам росс. эмигрантов в Маньчжурской империи, 1937. – 99 с.
54. Солодовников Б. Сибирские авантюры и генерал Гайда (Из записок русского революционера). Прага, б/г. – 92 с.
55. Степанов И. Белые и красные. Евразийство. Брюссель, 1927. – 63 с.
56. Струве Б.П. Размышления о русской революции. София, 1921. – 34 с.
57. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Краткий биографич. Словарь русского зарубежья. Изд. 3, испр. и доп. Париж-М.: YMCA-Press – Русский путь, 1996. – 448 с.
58. Трагедия казачества. Очерк на тему: Казачество и Россия. Ч.1-4. Прага, 1933-1938.
59. Трубецкой Г.Н. Красная Россия и святая Русь. Париж: YMCA-Press, 1931. – 86 с.
60. Уповалов И. Рабочее восстание против Советской власти // Заря. Берлин, 1923. № 3-7.
61. Устрялов Н. В борьбе за Россию. Сб. ст. Харбин: Окно, 1920. – 81 с.
62. Устрялов Н. Под знаком революции. Сб. ст. Харбин: Русская жизнь, 1925. – 354 с.
63. Филимонов Б. Белоповстанцы. Хабаровский поход. Зима 1921-1922 годов. Кн.1, 2. Шанхай: Слово , 1932-1933. – 244, 161 с.
64. Филимонов Б. Конец белого Приморья. Сан-Франциско: изд-во Рус. кн. дела в США, 1971. – 371 с.
65. Штиф Н.И. Погромы на Украине (период добровольческой армии). Берлин: Восток, 1922. – 95 с.
66. Штейфон Б. Кризис добровольчества. Белград, 1928. – 131 с.
67. Шульгин В.В. Дни. Белград: Книгоизд-во М.А. Суворин и Ко «Новое время», 1925. – 310 с.
68. Шульгин В.В. 1920 г. Очерки. София: Росс.-болг. кни-

гоизд-во, 1921. – 278 с.

69. Якушев И.А. Вольная Сибирь. Т.1-7. Прага, 1927-1930.

V. Зарубежная литература

1. Бровкин В.Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы. // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 24-39.
2. Карр Э. История Советской России. Большевистская революция 1917-1923. Кн.1. М.: Прогресс, 1990. – 768 с.
3. Кенез П. Идеология белого движения // Гражданской войны в России: перекресток мнений. М., 1994. С.267-279.
4. Мэрфи А. О Донском восстании в марте – июне 1919 г. // Возрождение казачества: история и современность. Сб. науч. ст. к У Всеросс. (междунар.) науч. конф. Изд. 2-е, испр. и доп. Новочеркасск, 1995. С.46-50.
5. Пайпс Р. Русская революция. Ч.1-2. М.: РОССПЭН, 1994. – 397с., 583 с.
6. Пайпс Р. Три «почему» русской революции. М.-СПб: Феникс (Париж), 1996. – 94 с.
7. Перейра Норман Г.О. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М.: ИРИ РАН, 1996. – 200 с.
8. Росс Николай. Врангель в Крыму. Frankfurt am Main, 1982. – 376 р.
9. Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России (1918-1921 гг.). Ierusalem: Leksikon, 1987.
10. Anweiler O. Die Ratebewegung in Russland 1905-1921. Leiden – Kолн, 1958.
11. Altrichter H. Staat und Revolution in Sowjetland, 1917-1922/23. Darmstadt, 1981.
12. Arloy G. The Involvement of Peasant in Internal Wars. Princeton, New Jersey, 1966.
13. Bobrick B. East of the Sun. New York, 1992.
14. Borkenau F. Der russische Bürgerkrieg 1918-1921. Von Brest-Litowsk zur NEP. Berlin, 1954.
15. Bredley J.F. Civil War in Russia, 1917-1920. New York, 1975.

16. Brinkley G. The Volunteer Army and Allied Intervention in South Russia, 1917-1921 // University of Notre Dame Press. Jnd., 1966.
17. Brovkin Vladimir N. Identity, Allegiance and Participation in the Russian civil war. // European History. 1992. Vol. 22. No.4.
18. Brovkin W. The Mensheviks after October. Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship. Itaca, New York, 1988.
19. Brugmann U. Die russischen Geverkschaften in Revolution und Burgerkrieg, 1917-1919. Frankfurt am Main, 1972.
20. Buttino Marco. Ethnicite et politigue dans la guerre civile: a propos du basmachevstvo au Fergana // Cahiers Du Monde Russe. Vol. 38 (1-2), janvier – juin 1997. P. 195-222.
21. Calvert P. Study of revolution. Oxford, 1970.
22. Chamberlin W.H. The Russian Revolution, 1917-1921. Vol.1-2. New York, 1935.
23. Ckates N.P. and Coates Z.K. Armidintervention in Russia, 1918-1922. Lohdon, 1935.
24. Daniels R.V. The Conscience of the Revolution. Cambridge, 1965.
25. Ellul J. Autopsie de la revolution. Calman Levy, 1969.
26. Figes O. Peasant Russia, Civil War. The Volga countryside in Revolution (1917-1921). Oxford, 1989.
27. Fitzpatrick Sh. The Civil War as a Formative Experience // Bolshevik Cultire. Experiment and Order in the Russian Revolution. Dloomington, 1985.
28. Fleming P. The Fate of admiral Kolchak. New York, 1963.
29. Footman D.Y. Civil War in Russia. London, 1961.
30. Goldschmidt F. Sowjetrussland. Der Burgerkrieg, 1918 bis 1921. Saaralbe, 1931.
31. Goldschmidt F. Sowjetrussland. Die Geschichte der Revolution von 1917 bis 1922. Kolin, 1931.
32. Guide to the collections in Hoover institutions archives relating to imperial Russia, the Russian revolutions and civil war,

and the first emigration. Stanford, 1986.

33. Handbuch der Geschichte Russlands // Hrsg. M. Hellman et al. Stuttgart, 1983. Bd.3: 1856-1945: Von den autokratischen Reformen zum Sowjetstaat. Hbd.1.

34. Hanisch E. Geschichte Sowjetrussland 1917-1941. Freiburg, 1951.

35. Hedenstrom A. Geschichte Russlands 1878-1918. Stuttgart und Berlin, 1922.

36. Heller Mikhail and Nekrich. Utopia in Power. The History of the Soviet Union from 1917 to the Present. New York, 1986. – 877 p.

37. Holquist Peter. «Conduct merciless mass terror». Decossackization on the Don, 1919 // Cahiers du Monde Russe. Vol. 38 (1-2), janvier – juin 1997.

38. Holzle E. Die Revolution der zweigeteilten Welt. Eine Geschichte der Machte 1905-1929. Hamburg, 1962.

39. Hurwicz E. Geschichte des russischen Burgerkrieges. Berlin, 1927.

40. Kenez P. Civil War in South Russia, 1918. Berkeley: Berkeley Univ. Press, 1971. – 328 p.

41. Kenez P. Civil War in South Russia, 1919-1920. Berkeley: Berkeley Univ. Press, 1976. – 472 p.

42. Kenez P. A profile of the Russian officer corps // California Slavic Studies. Vol. 7.

43. Kenez P. The Ideology of the White movement // Soviet Studies. 1980. Vol. 32. Jan. P. 58-63.

44. Koenker D.P. Urbanization and Deurbanization in the Russian Revolution and Civil War // Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History. Ed by D/P/ Koenker, W.G/ Rosenberg and R.G. Suny. Bloomington and Indianapolis, 1989.

45. Kotsonis Y. Arkhangelsk, 18: Regionalism and Populism in the Russian Civil War // The Russian Review, October. 1992. Vol. 51. P. 526-544.

46. Lincoln B. Red Victory. A History of the Russian Civil War. New York, 1989.
47. Lebovich D.V. White against Red: The Life of General Anton Denikin. N.Y., 1974. – 368 p.
48. Levin M. More Than One Piece is Missing from the Puzzle // Slavic Review. Vol. 44 (1985).
49. Levin M. The Civil War: Dynamics and Legasy // Party, State and Society in Russian Civil War. Exploration in Social History. Bloomington; Indianapols. 1989.
50. Luckett R. The White Generals: An Account of the White Movement and Civil War in Russia. L., 1971.
51. Mawdsley E. The Russian Civil War. Boston, 1987.
52. Malia Martin. The Soviet Tragedy. A History of Socialism in Russia, 1917-1991/ New York, Toronto, 1994. – 575 p.
53. Maudsley E. The Russian Civil War. Boston, 1987.
54. Pereira N.Y.O. White Siberia. The Politics of Civil War. McGill-Queen's Univ. Press, 1996. – 261 p.
55. Pipes R. A Concise History of The Russian Revolution. New York, 1995. – 431 p.
56. Pipes R. Russia under The Bolshevik Regime. 1919-1924. London, 1995. – 587 p.
57. Pipes R. Struve – Liberal on the Right. Stanford, 1989.
58. Propylaen Weltgeschichte. Eine Universalgeschichte. Bd. IX. Berlin – Fr. Am Main- Wien, 1960.
59. Radkey O. The Unknown Civil War in Soviet Russia. Hoover UP. 1976.
60. R.B. Spence. White Against Red in Uriankhai: Revolytion and Civil War on Russia Asiatic Frontuer, 1918-1921 // Revolutionary Russia, 1993. Vol. 6. No.1. P.97-120.
61. Rauch G. von. Geschichte der Sowjetunion. Stuttgart, 1969.
63. Rieber A. Landed Property, State Authority and Civil War // Slavic Review. Vol. 47 (1988). N 1.
64. Rimscha H. Der Russische Burgerkrieg und die Russische

Emigration. 1917-1921. Jena, 1924.

65. Rietsch W. Revolution und Staat: Institutionen als Träger der Macht in Sowjetrussland, 1917-1922. Köln, 1969.
66. Rosenberg N.G. Liberals in the Russian Revolution. Oxford, 1970.
67. Rosenberg W.A. Denikin and the Antibolshevik Movement in South Russia. Amherst Mass., 1961.
68. Rothstein Andrew. When Britain invaded Soviet Russia. The Consul Who Rebelled. The Journeyman Press London and West Nyack, 1982.
69. Service Robert. A History of Twentieth – Century Russia. Cambridge, Massachusetts, 1988. – 654 p.
70. Silverlight G. The Victor's Dilemma. Allied Intervention in the Russian Civil War. 1917-1920. New York, 1970.
71. Smith C.F. Atamanshina in the Russian Far East // Russian History. 1979. Vol. 6. No.1.
72. Smith C.F. Vladivostok under Red and White Rule. Revolution and Counterrevolution in the Russian Far East. 1920-1922. Seattle, 1975.
73. Stephan John. The Russian Far East. A History. Stanford, 1994.
74. Stokl G. Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1970.
75. Strohm C.-G. Vom Zarenreich zur Sowjetmacht. Russland 1917 bis 1967. Düsseldorf – Köln, 1967.
76. Stewart G. The white armies of Russia. New York, 1933.
77. Scheibert P. Lenin an der Macht: Das russische Volk in der Revolution, 1918-1922. Weinheim, 1985.
78. Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing society: Russia 1910-1925. Oxford, 1972.
79. Thuninnng-Nittner G. Die tschechoslowakische Legion in Russland. Niesbaden, 1970.
80. Ullman R. Intervention and the War. Princeton, 1961.
81. Woddis J. New Theories of Revolution. London, 1972.

VI. Мемуары

1. Авалов П.М. В борьбе с большевизмом. Воспоминания. Глюкштадт – Гамбург, 1925. – 540 с.
2. Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917-1920. Шанхай: Слово, 1937. – 208 с.
3. Александров Я. Белые дни. Берлин, 1922. – 62 с.
4. Астров Н.И. Воспоминания. Т.1. Париж: YMCA-Press. – 359 с.
5. Башкиров К. Под белым крестом: Чему я был свидетелем. Рига, 1922. – 88 с.
6. Белое движение: начало и конец. М.: Моск. рабочий, 1990. – 528 с.
7. Белое дело. Избр. произведения в 16 кн. А.И. Деникин. Борьба генерала Деникина. А.С. Лукомский. Воспоминания. М.: Голос, 1993. – 304 с.
8. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания (Из цикла «Шесть лет» 1917-1922 гг.) / Под ред., с предисл. и примеч. В.Д. Вегмана. Новониколаевск: Сибрайиздат, 1925. – 562 с.
9. Винавер М.М. Наше правительство: Крымские воспоминания, 1918-1919 гг. Париж, 1928. – 240 с.
10. Витольдова-Лютык Ст. На Восток: Воспоминания времен Колчаковской эпопеи в Сибири в 1919-1920 г. Рига, 1928. – 127 с.
11. Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г.). В 2-х кн. Берлин, 1928 -1929. М., 1991. – 302 с.
12. Гиацинтов Э. Записки белого офицера. Вступит. статья, подготовка текста и комм. В.Г. Бортневского. СПб: Интерполиграфцентр СПб ФК, 1992. – 267 с.
13. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918-1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин, 1921. Т.1. Ч.1. – 320 с. Т.2. Ч.2-3. – 606 с.
14. Гуль Р.Б. Ледяной поход. С Корниловым. Берлин: Еф-

рон, б.г. – 160 с.

15. Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилова. М.-Л.:ГИЗ, 1928. -106 с.

16. Денисов С.В. Записки. Гражданская война на юге России 1918-1920 гг. Кн.1. Январь – май 1918 г. Константинополь, 1921. – 119 с.

17. Дрейер фон В. Крестный путь во имя Родины. Двухлетняя война красного Севера с белым Югом 1918-1920 года. Берлин, 1921. – 154 с.

18. Дроздовский М.Г. Дневник. Берлин: Кирхнер, 1923. – 185 с.

19. Енборисов Е.В. От Урала до Харбина: Памятка о пережитом. Шанхай, 1932. – 188 с.

20. Иванов В.Н. В гражданской войне (Из записок омского журналиста). Харбин, 1921. – 137 с.

21. Иванов Вс. Н. Огни в тумане. Думы о русском опыте. Харбин, 1932. – 366 с.

22. Игнатьев В.И. Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны (1917-1921 г.). Ч.1. (Октябрь 1917 – август 1919). Петроград, Вологда, Архангельск (Личные воспоминания). М.: ГИЗ, 1922. – 48 с.

23. Калинин И. Под знаменем Врангеля. Заметки бывшего военного прокурора. Л.: Прибой, 1925. – 272 с.

24. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М.: ТЕРРА, «Кн. лавка-ПТР», 1996. – 512 с.

25. Колосов Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы. Пг.: Былое, 1923. – 190 с.

26. Кроль Л.А. За три года. Воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток: Своб. Россия, 1922. – 212 с.

27. Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков. Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-Йорк, 1919. – 61 с.

28. Лехович Д. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М.: Воскресенье, 1992. – 368 с.

29. Лукомский А.С. Воспоминания. Т.1-2. Берлин: Кирхнер, 1922. – 300, 332 с.
30. Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М. – Пг: ГИЗ, 1923. – 359 с.
31. Масянов Л. Гибель Уральского казачьего войска. Очерк. Нью-Йорк: Всеслав. изд-во, 1963. – 159 с.
32. Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. – 528 с.
33. Мякотин В.А. Из недалекого прошлого // На чужой стороне. Т.1. Берлин, 1923. С.193-220. Т.5. Берлин-Прага, 1924. С.251-268. Т.IX. Берлин-Прага, 1925. С.279-302.
34. Оболенский В. Крым при Врангеле // На чужой стороне. Т. IX. Берлин-Прага, 1925. С.5-55. То же. Мемуары белогвардейца. М.-Л.: ГИЗ, 1927. – 86 с.
35. Петерс Я. Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции // Пролетарская революция. 1924. № 10.
36. Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918-1922 гг.). Рига: изд. М. Дицковского, 1930. – 250 с.
37. Раков Д.Ф. В застенках Колчака. Голос из Сибири. Париж, 1920. – 47 с.
38. Раковский Г.Н. В стане белых. От Орла до Новороссийска. Константинополь, 1920. – 340 с.
39. Раковский Г.Н. Конец белых. От Днепра до Босфора. Константинополь, 1921. -375 с.
40. Революция на Украине. По мемуарам белых // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. М.-Л.: ГИЗ, 1930. – 435 с.
41. Рыцари тернового венца. Воспоминания члена Государственной Думы Л.В. Половцова о 1-м Кубанском (ледянном) походе генералов М.В. Алексеева, Л.Г. Корнилова и А.И. Деникина. Париж: Лев, 1980. – 219 с.
42. Сахаров К.В. Белая Сибирь. Внутренняя война 1918-1920. Мюнхен, 1923. – 324 с.
43. Семенов. О себе. Воспоминания, мысли, выводы. Дай-

рен, 1938. – 228 с.

44. Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т.1. В революции (1917-1919). Тяньцин, 1937. – 289 с.
45. Славянофил. Чешские аргонавты в Сибири. Токио, 1921. – 26 с.
46. Слащов Я. Крым в 1920 г. Отрывки из воспоминаний. М.-Л.: ГИЗ, б.г. – 146 с.
47. Слащов-Крымский Я.А. Требую суда общества и гласности (Оборона и сдача Крыма). Мемуары и документы. 2 изд. Константинополь, 1921. – 93 с.
48. Смоленский С. Крымская катастрофа. София, 1921. – 15 с.
49. Соколов К.Н. Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). София, 1921. – 290 с.
50. Степун Ф.А. Бывшее и несбыточное. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. Т.1. – 396 с. Т.2. – 429 с.
51. Суворин Б.А. За родиной. Героическая эпоха Добровольческой армии 1917-1918. Впечатления журналиста. Париж, 1922. – 250 с.
52. Сулятицкий П. Разгром Кубанской Краевой Рады в ноябре 1919 года. Прага: В-во «Кубанский край», 1931. – 33 с.
53. Тоган З.В. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. Пер. с тур. М., 1997. – 649 с.
54. Толстов В.С. От красных лап в неизвестную даль (Поход уральцев). Константинополь: Пресса, 1921. – 310 с.
55. Трубецкой Е.Н. Воспоминания. София: Росс. – болг. изд-во, 1921. – 195 с.
56. Туркул А.В. Дроздовцы в огне: Живые рассказы и материалы. Белград, 1937. – 324 с.
57. Урусова В.В. Мои воспоминания о войне Великой и войне Гражданской // Наше наследие. 1996. № 38. С.54-72.
58. Филатьев Д.В. Катастрофа белого движения в Сибири. 1918-1922. Впечатления очевидца. Париж: YMCA-Press, 1985. – 142 с.

59. Филимонов Б.Б. На путях к Уралу. Поход степных полков. Лето 1918 г. Шанхай, 1934. – 153 с.
60. Штерн С. В огне гражданской войны. Воспоминания, впечатления, мысли. Париж, 1922. – 197 с.
61. Энгельгардт Б. Контрреволюция: Из воспоминаний начальника отдела пропаганды Добровольческой армии (1918-1919 гг.) // Диалог. 1996. № 1-8.
62. Эпизоды войны и революции, 1914-1922. Воспоминания. Таллин, 1937.
63. Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. Л.: Красная газета, 1927. – 257 с.
64. Якушев И.А. Очерки областнического движения в Сибири // Вольная Сибирь. Т.4. Прага, 1928. С.88-103.

VII. Библиографические издания

1. Алексеев А.Д. Литература русского зарубежья. Книги 1917-1940: Материалы к библиографии. СПб: Наука, 1993. – 200 с.
2. Библиография русской зарубежной литературы 1918-1968. Сост. Л.А. Фостер. Boston, Hall, 1970. Т.1-2. – 1374 с.
3. Библиография русской революции и гражданской войны (1917-1921): Из каталога библиотеки РЗИА. Сост. С.П. Посников. Прага, 1938. – 445 с.
4. Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Вып. 1. 1920-1930. Белград, 1931. – 394 с. Вып.2. Ч.1. 1930-1940. Белград, 1941. – 384 с.
5. Материалы для сибирской библиографии (Гражданская война и интервенция в Сибири 1917-1920 гг.) / Под ред. И.А. Якушева. Прага, 1930.
6. Литература русского зарубежья в фондах библиотек Москвы. М., 1993.
7. Советская страна в период гражданской войны 1918-1920. Библиографический указатель документальных публикаций / Под ред. Е.Н. Городецкого. М.: Изд-во Всес. кн. палаты, 1961. – 576 с.

8. Турунов А.Н., Вегман В.Д. Революция и гражданская война в Сибири. Указатель книг и журнальных статей. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1928. – 136 с.

9. Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919-1952 гг. Мюнхен, 1953. – 165 с.

VIII. Авторефераты диссертаций

1. Барвенко Е.И. «Архив русской революции» как источник по истории гражданской войны в СССР. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1985. – 22 с.

2. Берснева И.В. Попытка формирования демократической государственности в Восточной Сибири (Межпартийный блок «Политический центр», ноябрь 1919-январь 1920 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. – 23 с.

3. Дариенко В.Н. Революция и контрреволюция на Юго-Востоке страны 1917 -1920 гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991. – 49 с.

4. Зайцев А.А. Контрреволюция Кубани и Черноморья в 1917-1920 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1990. – 22 с.

5. Волгин А.П. Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1990. – 17 с.

6. Гасанов Б.К. Политические движения и партии на Северном Кавказе в 1917-1920 годах: идеология, практика, исторические судьбы и уроки. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. – 37 с.

7. Косаковский А.А. Западногерманская буржуазная историография гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. – 27 с.

8. Кривошеенкова Е.Ф. Гражданская война и военная интервенция: историко-партийные историографические проблемы. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990. – 30 с.

9. Лазарев А.В. Донское казачество в гражданской войне, 1917-1920 гг. (Историографическое исследование). Автореф.

дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. – 25 с.

10. Ларьков Н.С. Армия и борьба за власть в Сибири в конце 1917 – 1918 гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1996. – 47 с.

11. Медведев В.Г. Белое движение в Среднем Поволжье в 1918-1919 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1995. – 19 с.

12. Наумов В.П. Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в России до 1-го похода Антанты (ноябрь 1917 – март 1919 г.) 22 с. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1958. – 17 с.

13. Наумова Н.И. Национальная политика колчаковщины. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991.

14. Никитин А.Н. Периодическая печать как источник изучения гражданской войны в Сибири. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991. – 22 с.

15. Попов А.В. Документы российской эмиграции в архивах Москвы. История формирования комплекса эмигрантских материалов: проблемы выявления, комплектования, описания и использования. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. – 37 с.

16. Прядеин В.С. Историческая наука в условиях обновления: философские основы, принципы познания и методы исследования (Историографический анализ). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1996. – 38 с.

17. Подпрятов Н.В. Роль национальных формирований в годы гражданской войны на Восточном театре военных действий. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1994. – 16 с.

18. Почешхов Н.А. Гражданская война в Адыгее: причины эскалации. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов – на – Дону, 1996. – 19 с.

19. Рамазанов С.П. Методологический кризис в российской историографии начала XX века: сущность и основные этапы. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1995. – 40 с.

20. Сергеева Е.Б. Меньшевики в политической борьбе на Урале (1917-1924). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996. – 18 с.
21. Сивков С.М. Начальный период гражданской войны на Кубани и Черноморье 1917-1918 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1996. – 26 с.
22. Таскаев М.В. Антибольшевистское движение в Коми крае (1917-1925 годы). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1996. – 18 с.
22. Томан Б.А. Историография истории Коммунистической партии Латвии (конец XIX в. – начало XX в.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1982. – 51 с.
23. Тормозов В.Т. Белое движение и национальный вопрос в Сибири (1918-1919 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996. – 24 с.
24. Устинкин С.В. Белое движение в России в годы гражданской войны (1917 – 1922 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Н. Новгород, 1996. – 85 с.
25. Чирухин Н.А. Дутовщина. Антибольшевистское движение на Южном Урале. 1917-1918 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. – 16 с.
26. Шиканов Л.А. Сибирская контрреволюция на начальном этапе гражданской войны (октябрь 1917 – ноябрь 1918 гг.). Автореф. дис. ... канд ист. наук. Томск, 1989.- 24 с.
27. Штыка А.И. Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1991. – 24 с.

**БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ. 90 ЛЕТ
ИЗУЧЕНИЯ. ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИОГРАФИЮ
БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ**

Коллективная монография

*Под ред. доктора исторических наук, профессора Тормозова
Виктора Тимофеевича, доктора исторических наук,
профессора Письменского Геннадия Ивановича*

Авторский коллектив: Тормозов В.Т., Письменский Г.И., Письменский А.Г., Сафонова С.В., Иванова Е.Ю., Галузинская Г.П., Беликова Л.П., Крючков С.Б., Сиволап Т.Е., Еремеева О.И., Плотникова О.В.

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка А.Б. Кондратьева
Дизайн обложки С.А. Петров

Подписано в печать 17.02.08   Формат 60x90/16
Усл. печ. л. 9,75
Тираж 500 экз.   Заказ

0000.043.272.09/06.13

Издательство Современного гуманитарного университета

109029, Москва, ул. Нижегородская, д. 32,
корпус 6, комн. 206
Тел./факс: (495) 727-12-41, доб. 31-80
E-mail: edit@muh.ru